

ПРАВОСЛАВНОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Ю. Максимов
К. Смоляр

Ислам
Буддизм
Иудаизм

Издательство храма пророка Даниила на Кантемировской

**По благословию
Высокопреосвященного Георгия,
архиепископа Зимбабве, Анголы,
Ботсваны, Малави и Мозамбика.**

Александрийская Православная Церковь.

Максимов Ю., Смоляр К.

**Православное Религиоведение: Ислам, Буддизм, Иудаизм. М.: Изда-
тельство храма пророка Даниила на Кантемировской, 2008. — 304 с.**

Впервые после октябрьской революции читателю предлагается религиоведческий труд, посвященный православному осмыслению трех мировых религий — ислама, буддизма и иудаизма. Книга написана на хорошем научном уровне, снабжена серьезным богословским анализом предлагаемых к рассмотрению учений. Каждый раздел содержит главу об отношении той или иной религии с христианством, а также подборку святоотеческих высказываний о ней. Ю.В. Максимов — один из авторов, является преподавателем религиоведения, доцентом Московской Духовной академии. Данная работа будет полезна студентам духовных школ, высших учебных заведений и всем интересующимся православным отношением к нехристианским конфессиям.

ISBN 978-5-98988-010-2

© Максимов Ю., Смоляр К., 2005

© Макет и оформление издательства
храма пророка Даниила на Кантемировской, 2008

И С Л А М

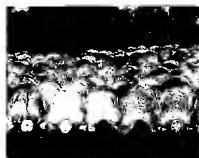
Доисламская Аравия

Мухаммед

Коран

Сунна

Исламская догматика

Исламский ритуал

Исламский закон

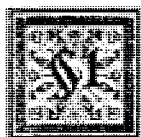

Течения и секты в исламе

Исламский мистицизм

Христианство и ислам

ДОИСЛАМСКАЯ АРАВИЯ — религиозный, культурный, политический фон

Наименование «араб» можно приближенно перевести как «бродяга» или «кочевник». Согласно Библии, христианским писателям, а также представлениям самих арабов, они происходят от первого сына Авраама — Измаила, а также от Иоктана, потомка Сима и Хуша, сына Хама (Быт. 10, 7, 26—30; 25, 12—18).

В исторически обозримые времена арабы разделялись на северные племена (низариты, или ма'аддиты) и южные (кахтаниты или йемениты). Северные арабы распадалась на две ветви: раби'а и мудар, которые делились на множество племен и родов. Южные арабы — кахтаниты — также делились на две ветви: химьяр и кахлан.

Часто доисламскую историю и культуру Аравии недооценивают или неоправданно принижают.

■ Южная Аравия

Расположение **Южной Аравии** в плодородной местности, на пересечении путей, ведущих из Передней Азии и Средиземноморья в Африку и Индию, способствовало тому, что еще в конце II тыс. до Р.Х. там появились земледельческие государства с высокоразвитым ирригационным земледелием

и интенсивной торговли. Население этих государств создало относительно высокую культуру и свою собственную письменность на языке южносемитской группы. Древнейшие из сохранившихся южноарабских надписей восходят предположительно к концу II и началу I тыс. до н.э и свидетельствуют о высокой культуре трех южноаравийских царств — Минейского, Сабейского и Химьяритского. Царица государства Саба приезжала к Соломону испытать его мудрость (3 Цар. 10:1—10). Позднее Аравийский полуостров знает также Набатейское царство и город-государство Пальмира. Ко времени рождения Мухаммеда Южная Аравия была захвачена абиссинцами.

■ Центральная Аравия

В Центральной Аравии арабы преимущественно находились во власти родоплеменного строя. Индивидуум, как в оазисах, так и в пустыне ощущал себя в первую очередь членом своего племени. Только в племени и с его помощью он мог существовать, и ему был гарантирован минимум личной безопасности.

Бедуины владели обширными стадами верблюдов, овец и коз. Часть их приходилось продавать для приобретения зерна или муки у земледельцев. Племена постоянно сражались друг с другом, но среди них, несмотря на это, действовали определенные неписанные законы. Одним из этих законов был обычай кровной мести, представлявший отражение определенного правового сознания, в соответствии с которым племя разделяло принцип коллективной ответственности за проступки каждого соплеменника. Другим неписанным законом доисламской Аравии являлось священное перемирие,

устанавливавшееся ежегодно в течение четырех «священных» месяцев, во время которых устраивались ярмарки и традиционные паломничества к культовым центрам.

Население Центральной и Северной Аравии не было сплошь кочевым. Помимо кочевников, в Центральной и Северной Аравии существовали города, порой очень древние, как, например, Мекка, которая упоминается еще Птолемеем. Эти города возникали у оазисов и были центрами торговли, а также культового поклонения.

Некоторое время в Центральной Аравии существовало Киндитское царство, основанное южноаравийским племенем кинда, которое играло значительную роль в аравийской истории. Государствообразующие процессы происходили и в других центральноаравийских городах, так, например, из истории известно, что незадолго до рождения Мухаммеда какой-то человек едва не стал королем Мекки, нечто подобное происходило и в Ясрибе. Эти события говорят о том, что накануне появления ислама, и независимо от него, в Центральной и Северной Аравии происходили процессы перехода к высшим формам государственности.

Такой же факт — наличие огромного исторического потенциала у доисламских арабов. Еще из доисламской эпохи известны случаи значительных побед арабов над культурно и численно превосходящим противником. В 570 г. абиссинский полководец Абраха (или один из его сыновей) предпринял поход на Мекку, который окончился неудачей. В 611 г. племя бану бакр в союзе с несколькими другими племенами в битве при Зу-Каре наголову разбили персов. В исторической ретроспективе эти победы, безусловно, являют первые звенья цепи великих арабских завоеваний, произошедших позднее в мусульманскую эпоху.

■ Северная Аравия

Северная Аравия уже с IV-V веков имела княжества, основанные южноаравийскими племенами Гассанидов («ромейских арабов») и Лахмидов («персидских арабов»). Находясь рядом с пограничными районами Византии и Персии, постоянно враждовавших сверхдержав того времени, эти государства тяготели к своим покровителям, Гассаниды — к грекам, Лахмиды — к персам. Нередко они выступали на стороне своих покровителей, оставаясь при этом относительно независимыми...

Столицей Гассанидского княжества была Джабия, столицей Лахмидского — Хира. Двор Лахмидов сыграл большую роль в развитии арабской культуры: сюда съезжались арабские поэты из Северной и Центральной Аравии, здесь, по-видимому, арабская письменность впервые приобрела права гражданства и стала употребляться в официальной переписке. И то, и другое племя исповедовало христианство, хотя, к сожалению, в еретической форме — Гассаниды исповедовали монофизитство, Лахмиды — несторианство.

Северные арабы к VI веку уже имели собственную письменность и богатую литературу. Арабский народ выработал литературный язык и высоко ставил красноречие и поэзию. Сложились уже определенные литературные формы, рифмованная проза и несколько стихотворных размеров. Многочисленные стихотворения арабских бедуинских поэтов V—VII вв. дошли до нас главным образом в виде сборников, из них наиболее известны сборники: «Хамаса» («Доблесть»), куда входят стихотворения свыше пятисот поэтов, «Диван племени Хузайл», «Муфаддалийат» и др.

Несмотря на значительное и всевозрастающее влияние «иностранных» религий, к концу VI века на Аравийском полуострове все еще превалировало местное язычество.

Арабы поклонялись звездам и камням-идолам. Здесь все было довольно однообразно: в Каабе (святилище кубической формы) южноаравийского города Гайман почиталось божество в виде «красного камня», в Каабе ал-Абалата находился «белый камень», в Каабе Мекки — «черный камень». Каабы этих городов одинаковы и по форме, и по вложенному в них содержанию.

Об этом почитании мы поговорим подробнее на примере святилища в Мекке. В Каабе Мекки находилось около 360 идолов. В восточный угол здания был вмурован «черный камень» — оплавленный метеорит. В центре помещался идол божества Хубала. По соседству с Каабой находились два небольших холма — ас-Сафа и ал-Марва. На первом располагался идол Исаф, на втором — Наила. Арабские язычники во время паломничества дотрагивались до этих фигур.

Местные боги, по-видимому, не были объединены в единый общий пантеон. У каждого племени был свой почитаемый бог-покровитель.

В числе арабских божеств, почитаемых язычниками, был и Аллах. Это название произошло от слова *ал-илах*, то есть, слова «бог» с определенным артиклем. Согласно упоминаниям Корана, арабы-язычники к помощи Аллаха прибегали преимущественно на море. Ряд почитаемых богинь — ал-Лат (форма женского рода от Аллах), ал-Уzza («Великая») и Манат («Время»), считались «дочерьми Аллаха». Отец самого Мухаммеда носил имя Абдаллах, то есть «раб Аллаха».

Большую роль в религиозных представлениях арабов играли джинны и шайтаны, которые представлялись посредниками между миром людей и миром богов. Эти

духи, добрые или злые, по воле божеств внушали людям мысли и поступки. Считалось, что обычных людей они посещают время от времени, но есть люди, через которых они вещают остальным, — это *аррафы* («провидцы») и *кахины* («прорицатели»), они предсказывают будущее, ищут пропавшее, угадывают скрытое. В каждом племени был свой арраф или кахин. Поэты также считались вдохновенными из этого мира духов, промежуточного между людьми и богами.

■ Иудаизм

В IV-V вв. в Южной Аравии значительно распространился иудаизм. Царь Кариб принял иудаизм, его сын и преемник, иудейский царь Зу Нуvas, подверг арабских христиан жестоким гонениям. Захватив обманом христианский г. Нарджан, он приказал выкопать рвы и залить их горючим веществом. Всех, кто отказывался принять иудаизм, бросали живьем в эти рвы. Память этих святых (св. Арефы и с ним 4299 мучеников) Православная Церковь совершает 24 октября/6 ноября.

Достаточно успешной была иудейская проповедь и в центральной, и в северной части Аравийского полуострова. Иудейские колонии имелись во многих оазисах Хиджаза и Неджда. На севере от Мекки были поселения многочисленных иудейских племен. Вокруг города Ясриб находились три иудейских поселения. Скорее всего, это были арабы, обращенные в иудаизм. Среди иудеев Аравии в то время получили широкую известность мессианские идеи, связанные с ожиданием прихода мессии.

□ Христианство

С IV в. арабы подвергались пристальному вниманию христианских миссионеров — сирийцев, эфиопов, в меньшей степени греков.

Монофизиты постоянно стремились к обращению бедуинов, в большие становища они назначали епископов. Несториане также вели широкую миссионерскую деятельность: с V века в Хире существовала несторианская епархия. В 410 г. в Хире был основан монастырь и рукоположен епископ. Князь Аль-Мундир III (ум. 554) имел жену-христианку, некоторые из его знати также были христианами. Епископы появлялись в Омане в 424-м и, в районе Бахрейна, в 575-м гг., из этих границ христианство распространялось вовне. Имелись епископы в Айле, Думе и Таиме, и большинство племен Севера имело некоторое знание христианства. Последний правитель Лахмидского государства принял христианство. Ближе к югу Аравии возник город Наджран — христианский центр, основанный миссионером-несторианином Фамийюном, обратившим людей этого региона в христианство.

Известно, что северное арабское письмо, которым был записан и Коран, было создано христианскими миссионерами из Хиры за столетие до появления ислама. Первые северно-арабские надписи были найдены на церковных воротах в Забаде в Сирии (512 г), а другие в Харране (568 г).

Характерный пример из истории православной миссии — в 450 г. св. Евфимий крестил Ассаба Эль-Беита, вождя бедуинского племени, вместе с его сыном, исцеленным по молитвам святого. Вскоре новокрещеный вождь по имени Петр привел ко крещению все свое племя. Через какое-то время он был рукоположен Иерусалимским патриархом в епископа Бедуинского,

потому что епархия не имела никакого города или определенной местности пустыни. От племени Петра христианство было распространено к другим соседним племенам.

Литургия совершалась в передвижных храмах, которые устанавливались на местах новых кочевков, алтари делались из овечьей шкуры, епископы, в виду условий пустыни, дозволяли перед Причастием пить воду.

Из житий святых подвижников, уходивших для подвигов в аравийские пустыни, мы знаем, что такой пример святости нередко приводил к массовым обращениям соседствующих арабов. Более того, среди почитаемых Церковью святых, имеются арабы V—VI вв., напр. прп. Юлиан Слепец или св. Илия Араб (415—494) из Неджда. Надписи VI в. показывают, что в церковный обиход уже в то время входил и арабский язык. Среди доисламских поэтов были и арабы-христиане — Ади ибн Зайд, Варака б. Науфаль. Есть даже мнение, что первый арабский перевод Библии появился в районе Хиры около 620 года, но в настоящее время оно не разделяется большинством ученых.

Христианизация пограничных областей означала, что районы, остававшиеся языческими, в какой-то степени познакомились с христианами и христианством. В литературный словарь даже поэтов-язычников входят христианские образы и понятия. В Аравии были свои христианские центры для поклонения, известно даже, что христиане принимали участие в паломничестве к святилищу в Мекке, покровитель которого был для них просто «Бог», и в Каабе, как сообщают историки, находилось изображение Богородицы с Иисусом. В некоторых городах (Сана, Нарджан) были даже церкви. Такие северноарабские племена как бану таглиб, бану акуль, бану танух и бану тау поголовно исповедовали христианство.

Большая часть этих арабских христиан были монофизитами или несторианами, а также последователями других еретических течений и сект; Коран неоднократно упоминает о постоянных спорах христиан между собою. Однако, несомненно, были в Аравии и православные христиане.

Глядя на темпы распространения христианства в Аравии, можно сказать, что, не будь ислама, в VII—IX вв. арабы были бы христианизированы полностью, правда, скорее всего, это было бы христианство монофизитского или несторианского толка.

Примечательно, что процесс христианизации арабов продолжался какое-то время даже после распространения ислама, из мусульманских преданий известно, что некоторые мусульмане даже при Мухаммеде переходили в христианство, то же продолжалось и при первых халифах.

□ Арабские монотеисты

Помимо указанных групп, в доисламской Аравии существовали также *ханифы*¹ — арабские аскеты, искатели и почитатели единого истинного Бога, не принадлежащие ни к одному определенному вероисповеданию. Какого-то единого течения с определенной идеологией они не представляли.

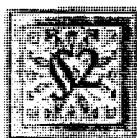
Среди искателей и проповедников истины были также лица, выдававшие себя за пророков — *наби*. По их словам, истина, которую они возвещали, внушалась им верховным Богом. Одним из наиболее ранних представителей этого движения являлся

¹ Это слово, на сирийском обозначающее «язычник», скорее всего, было принесено в Аравию сирийскими проповедниками, называвшими так нехристиан.

«пророк» Маслама в восточноаравийской области Йемамы, известный затем под насмешливо-уменьшительным прозвищем Мусейлима. Согласно преданию, Мусейлима прожил свыше ста лет и был убит в 633 году в битве его сторонников с мусульманами. Мусейлима проповедовал о едином милостивом (*рахман*) Боге. Он также составлял свои «откровения» в священную книгу.

Одновременно с ним в Йемене, на юго-западе Аравии, действовал «пророк» Асвад. Он именовал себя «посланником Аллаха» и приобрел там, хотя и ненадолго, немалую политическую и военную власть. Высоким положением пользовалась и «пророчица» Саджах из племени тамимитов на севере, с которой Мусейлима вынужден был заключить договор. Мусейлима, Асвад, Талха-Тудейха (еще один арабский «пророк» из Центральной Аравии), Саджах и другие «пророки» и «пророчицы» появлялись перед верующими с закрытыми лицами, а во время молитвы, впадая в транс, закуты были в плащ или в более плотную одежду.

На этом фоне появление Мухаммеда и основные черты его проповеди не были чем-то уникальным. Более того, в раннем жизнеописании Мухаммеда говорится, что мекканцы — язычники укоряли его, что он следует примеру и учению Мусейлимы, «человека из Йемамы». Мухаммед в Коране яростно клеймит таких пророков-конкурентов как обманщиков: *«Есть ли кто нечестивее того, кто выдумывает ложь, ссылаясь на Аллаха, или говорят: „Мне было откровение“, тогда как не было ему никакого откровения?»* (Коран 6, 93). В части содержательной эти «пророки» примыкали к ханифам, но они претендовали на иной социальный статус — сакральных глав общин верующих, проводников Божественной воли. Таким образом, Мухаммед был далеко не единственным, кто претендовал на звание «пророка для арабов» в те дни.

МУХАММЕД

□ Обзор исторических источников о Мухаммеде и его учении

Рассмотрим круг источников о жизни Мухаммеда, которыми мы располагаем. Эти источники можно разделить на мусульманские и немусульманские.

Немусульманские источники. Из диалога о вере, который состоялся в Сирии в мае 639 г. между эмиром Амром и монофизитским патриархом Антиохийским Иоанном I можно сделать вывод, что мусульмане отрицали Божественность и смерть Христа и принимали нечто из Ветхого Завета. Во второй половине VII века прп. Анастасий Синаит в своих творениях замечает, что арабы отрицали, что Бог мог родить Сына, понимая рождение плотски (PG 89; 41), учили, будто из-за нежелания поклониться человеку, был низвергнут сатана, (PG 89; 776) и что они не принимали Священное Писание в его целостности, но частично (PG 89; 120). Ничего о личности основателя ислама в этих древнейших свидетельствах не содержится.

Армянский историк Себеос (конец VII в.): «В то время стал видным один из сыновей Измаила, человек по имени Мухаммед. Он проповедовал арабам о почитании Бога Авраама и издал законы о том, чтобы не пить

вина, не говорить лжи и не совершать прелюбодеяния. Мухаммед призвал последователей завоевать землю, которую Бог дал Аврааму». (*E. Patkanean. Patmut'iwn Sebeosi episkoposi i Herakln. St. Petersburg, 1879*).

Сирийский историк Иоанн Финикийский (ок. 690 г) пишет, что «глава арабов» искаженно приводил некоторые истории Ветхого Завета и, помимо прочего, высказывал заповеди в пользу христиан и монахов (*Chron. Min. in Corp. Script. Chr. Orient. iv., 1903, pp. 30, 38.*). Анонимный историк начала VIII века сообщает, что Мухаммед жил в Медине и претендовал на выражение древней веры Авраама.

Эти самые ранние упоминания сообщают ничтожно мало о вероучении ислама и практически ничего о личности его основателя, кроме того, что он был араб, имел имя Мухаммед и жил в Медине. При этом содержание их допускает самые разные трактовки. Например, на основе этих и других ранних немусульманских свидетельств английские исследователи Патриция Кроун и Майкл Кук выдвинули предположение, что Мухаммед являлся в действительности проповедником иудаизма, а окончательное отмежевание от оногo было результатом деятельности последующих поколений арабских богословов. Характерно, что никто из авторов VII века не упоминает и даже не допускает существование какой-либо священной книги мусульман.

Свт. Герман Константинопольский в 725 г. вскользь упоминает обряд почитания «Черного камня» у сарацин, сопровождаемый криками «Хубар» (искаженное *Аллаху акбар?*). Прп. Иоанн Дамаскин, написавший об исламе около 740 г. 100-ю главу своей книги «О ересьях», сообщает довольно много о самом исламе и несколько больше о его основателе, однако преимущественно это сведения, полученные из уст

мусульман, то есть, через вторые руки и при этом спустя более ста лет после описываемых событий. К этому же можно отнести и динар, отпечатанный английским королем Оффой для мусульман в 777 г., который содержит надпись: «Нет Бога, кроме Аллаха, который не имеет сотоварищей. Мухаммед пророк его».

Мусульманские источники. Таким образом, сведения о жизни Мухаммеда, которые мы имеем, ограничиваются лишь кругом мусульманских источников, историческая объективность и достоверность которых вызывает у исследователей сомнения. Даже самые ранние мусульманские источники по интересующему нас вопросу слишком далеко отстоят от описываемых событий. Самое раннее жизнеописание Мухаммеда было написано Ибн Исхаком (ум. 768), спустя 120 лет после смерти основателя ислама. Однако оно не дошло до нас, лишь некоторые фрагменты его сохранились в цитатах более поздних авторов. Древнейшее из целиком дошедших до нас и каноническое для мусульман, — «Жизнеописание» Ибн Хишама (ум. 834), — написано спустя почти двести лет после смерти Мухаммеда.

Все это время среди мусульман существовало устное предание в виде небольших рассказов-хадисов, восходящих (или возводимых) к тому или иному сподвижнику Мухаммеда. Первые, сохранившиеся до нашего времени, сборники хадисов (т.е. этих самых свидетелей) составлены довольно поздно — небольшой «ал-Джами» Абдаллаха б. Вахба (самый древний из сохранившихся, ок. 130 лет со дня смерти Мухаммеда), а ранние из общепризнанных — «ас-Сахих» Бухари и «ас-Сахих» Муслима, — и оба спустя два века после смерти Мухаммеда.

Таким образом, положение с исторически надежными источниками об основателе ислама весьма плачевное. Значительное количество этих преданий, которые для мусульман священны, являются очевидной мифологией. В отношении тех, которые выглядят достоверно, также нет никаких объективных оснований для того, чтобы считать их отражающими реальные исторические факты. Тем более, что фигура Мухаммеда, как основателя религии, пользовалась пристальным вниманием ранних мусульманских богословов и правителей. Поскольку Мухаммед считался образцом для подражания и самым совершенным человеком, то ранние богословские школы пытались возвести все свои мнения к его авторитету, ранние халифы, для оправдания тех или иных своих действий также пытались возвести свои мысли к авторитету Мухаммеда и прикрыть им собственные поступки или политику. Это объясняет то количество выдуманных историй, которое мы имеем в мусульманском предании.

Можно представить для примера, что было бы, если лет через двести о Роне Хаббарде исследователям окажутся доступны лишь материалы сайентологов о нем, да и то не современные ему, а составленные «по рассказам тех, кто разговаривал с видевшими очевидцев обращавшихся с ним». Нетрудно догадаться, что до исследователей дойдет лишь ничтожная, и притом принципиально невыделимая из мифологических наслоений толика истины о его действительном портрете как реальной исторической личности. Примерно так же обстоит дело и с исламом.

Но исследователю не остается ничего другого, кроме как со здоровым скептицизмом довериться мусульманской традиции на свой страх и риск, решая, что в ней достоверно, а что — нет.

□ Краткая биография

Мухаммед ибн Абдаллах, курайшит из рода Хашим, родился в одной из благородных мекканских семей. Традиционно приписываемый Мухаммеду год рождения — 570, невозможно подтвердить. Разумеется, не известны и точные месяц и число этого события.

Отец Мухаммеда, Абдаллах, умер еще прежде, чем родился его сын. Тем самым вдова Амина вместе с новорожденным оказывались на попечении рода.

Младенца при рождении назвали Котаном. Однако после благодарения богам Каабы за их благословение глава рода Хашим Абд аль-Муталлиб назвал своего внука Мухаммедом, что означает: «Восхваленный». Гости удивились этому имени, довольно редкому, но известному среди арабов. На вопрос одного из гостей относительно того, почему не сохраняется традиция использования родового имени, Абд аль-Муталлиб ответил так: «Пусть Всевышний восхвалит в небесах того, кого Он создал на земле».

О периоде его отрочества и юности мало что можно сказать определенно, кроме того, что он рано осиротел: в два года он потерял мать, до восьми лет он оставался на попечении бабушки, — Абд аль-Муталлиба, а потом своего дяди — Абу Талиба. Последующая мусульманская традиция породила множество мифических сказаний о детстве «пророка» и разукрасила их самыми разнообразными деталями. Известно, впрочем, что Мухаммед в отрочестве был пастухом, а также ходил с караванами; один раз он побывал в Сирии, где, согласно легенде, христианский отшельник распознал в нем будущего пророка.

В 25 лет Мухаммед поступил на работу к своей дальней родственнице, вдове богатого купца Хадидже, на которой он чуть позднее женился, несмотря на то, что она была старше Мухаммеда на 15 лет. Женильба, состоявшаяся по инициативе Хадиджи, дала Мухаммеду свободу действий и предоставила ему досуг, необходимый для умственного развития. Ежегодно он проводил какое-то время в одиночестве на горе Хира, неподалеку от Мекки (это был обычный для доисламской Аравии образ аскезы).

Во время одного из таких уединений в 610 г., когда ему было около сорока лет, Мухаммед, согласно традиции, услышал обращенный к нему призыв. Ему явился некий безымянный призрак, которого позднее стали считать архангелом Гавриилом. Он силой заставил Мухаммеда прочесть стихи. Эти стихи стали первыми строками «Откровения» (Коран 96. 1—15). Вот как это краеугольное событие описывается в жизнеописании основателя ислама Ибн Хишам:

«Когда наступил этот месяц... посланник Аллаха отправился к горе Хира... Когда наступила ночь... принес ему Джибрил веление Аллаха. Посланник Аллаха рассказывал: „Явился мне Джибрил, когда я спал, с парчовым покрывалом, в которое была завернута какая-то книга и сказал: „Читай!“ Я ответил: „Я не умею читать“. Тогда он стал душить меня этим покрывалом, так, что я подумал, что пришла смерть. Потом он отпустил меня и сказал: „Читай!“ Я ответил: „Я не умею читать“. Он опять стал душить меня им, и я подумал, что умираю. Потом он отпустил меня и сказал: „Читай!“ Я ответил: „Я не умею читать“. Он вновь стал душить меня, так что я решил, что наступил конец, потом он отпустил меня и сказал: „Читай!“ Я ответил: „Что читать?“, — желая

только избавиться от него, чтобы он не стал опять делать со мной то же, что раньше. Тогда он сказал: „Читай! Во имя господина твоего, который сотворил..“. (Коран 96, 1-5)».

Призвание Мухаммеда, как оно описано в мусульманских источниках, очень напоминает способ призвания шамана духами. Известно, что шаманами никто не становится по своей воле, и никто не стремится ими стать. Шаманы сами избираются потусторонними силами для службы им, после чего духи заставляют, в том числе и мучениями (так называемая «шаманская болезнь») кандидата в шаманы принять определенную им миссию². Видна основная параллель и в призвании Мухаммеда, и в призвании шаманов — это насилие над личностью, желание силой и мучениями заставить человека принять свою волю. Эту параллель отмечали и светские исследователи, например, М. Элиаде, который проводил также параллели между чудесным вознесением Мухаммеда на небо — *мираджем* и видениями шаманского транса.

В страхе Мухаммед прибегает домой и рассказывает о видении своей жене Хадидже. Та отправляется к своему двоюродному брату-христианину Вараке, и именно в разговоре с ним появляется концепция ислама — Варакка толкует видение в том смысле, что это было явление архангела Гавриила, который являлся всем пророкам, и что Мухаммед также, следовательно, является пророком единого Бога. Хадиджа уверовала в это и постаралась убедить в этом самого перепуганного Мухаммеда,

² Подробнее: Зубов А.Б. История религий. Т. I. М., 1999.

которому продолжало по ночам являться то же духовное существо. Довольно долго он пребывал в подозрениях, что это диавол.

Однако довольно оригинальным способом Хадидже удалось убедить его, что ему является именно ангел, а не шайтан. Когда Мухаммед в очередной раз увидел явившегося ему духа в образе человека, он сказал об этом Хадидже. Была ночь. Она спросила: «Видишь ли ты его сейчас?» Он сказал: «Да». После этого она раскрылась и спросила: «Видишь ли ты его теперь?» Он ответил: «Нет, он исчез». Она сказала: «Крепись и радуйся, потому что мы теперь точно знаем, что это ангел, а не дьявол». По ее мысли, будь он шайтаном, то остался бы посмотреть на обнаженную женщину, а ангел, с подобающей ему стыдливостью, обязательно бы удалился³.

Примечательно, что при этом формировании начальной концепции ислама, роль самого Мухаммеда была пассивной.

Приняв определенную ему миссию, Мухаммед стал получать новые откровения, но еще целых три года он рассказывал о том, что ему открылось только в интимном кругу. Появились первые немногочисленные последователи — мусульмане («покорные»). Само название религии «ислам» переводится мусульманами как «покорность», в смысле, покорность Аллаху. Первыми мусульманами стали, прежде всего, родственники (жена Хадиджа, племянник Али и т.п.) и близкие знакомые.

Первой мусульманкой была Хадиджа, вторым — его племянник Али, которому тогда было 12 лет, и которого

³ *Ибн Хишам*. Жизнеописание пророка Мухаммеда. М., 2003. — С. 94.

Мухаммед взял на воспитание. Следующим мусульманином стал раб Мухаммеда — Зейд. Потом появились другие, но, за исключением Абу Бакра — как правило, незнатные, не игравшие никакой роли в политической жизни Мекки люди, которые, тем не менее, верили, что Мухаммед пророк единого Бога, которого он проповедовал под именем Аллаха. Они вместе собирались, молились, Мухаммед пересказывал им свои откровения, учил верить в одного Бога и себя, как пророка.

Следует процитировать несколько хадисов, которые описывают, каким образом Мухаммеду были откровения. Видения, подобные первоначальному, были очень редки. Откровения большей частью приходили в другом образе.

Ибн Саад приводит следующий хадис: «Ал-Харис ибн Хишам сказал: „О посланник Аллаха! Как нисходят на тебя откровения?“ Посланник Аллаха, ответил ему: „Иногда они приходят ко мне в форме звящего колокола, и мне приходится очень тяжело; (в конце концов) он прекращает звенеть, и я помню все, что мне сказали. Иногда ангел появляется передо мной и говорит, а я вспоминаю все, что он сказал“. Айша сказала: „Я была свидетельницей, когда откровение пришло ему в очень холодный день, когда оно прекратилось, весь его лоб был в испарине“».

«Убейд б. Самит рассказывает, что когда откровение сходило на посланника Аллаха, он чувствовал тяжесть, и цвет лица его подвергался изменению» (Хадис из сборника Муслима).

«Лицо пророка было красным, и он тяжело дышал какое-то время, а потом освобождался от этого» (Хадис из сборника ал-Бухари). Надо сказать несколько слов

о версиях, которые существовали в христианском мире, и о понимании этих откровений. Их три основных.

Первая версия: Мухаммед это имитировал и дурачил своих последователей. Он специально пользовался этим, чтобы произвести большее впечатление вокруг своего учения. Эта версия развита, в частности, у Феодора Абу Курры.

Другая: Мухаммед страдал эпилепсией, и эти состояния были эпилептическими припадками. Первым эту мысль выразил прп. Феофан Исповедник. Она пользуется вниманием в научном мире и до сего дня. Дело в том, что в жизнеописании Мухаммеда, написанном ибн Хишамом, имеются такие моменты, из которых можно сделать вывод, что подобные припадки были у Мухаммеда в детстве. Описывается случай, когда Мухаммед еще в младенческом возрасте, находясь в семье кормилицы Халимы, впал в обморочное состояние. Тогда Халима и ее муж очень перепугались за него, и, как говорит сама Халима: «Отец сказал мне: „Боюсь, что у этого ребенка был удар, поэтому отдай его в его семью, пока не сказался результат“. Так мы взяли ребенка и отнесли его матери».

Еще одна версия состоит в том, что Мухаммед действительно видел все эти видения, которые были сгенерированы отрицательными духовными силами, то есть, во время этих состояний он находился под воздействием бесов, и этим бесообщением объясняется его состояние. Это высказывал Георгий Амартол, христианский историк IX века. Его хронография была переведена на славянский и грузинский языки и оказала колоссальное влияние на русскую историческую науку.

Каждая из этих интерпретаций имеет своих сторонников в наше время, в том числе и среди исследователей.

Характерно, что каждая имеет сильную аргументацию в свою пользу и каждая находит основания в мусульманской исторической традиции. Не исключено, что в реальности все эти факторы сочетались и переплетались между собой.

□ **Общественная проповедь**

Спустя три года после первого откровения, Мухаммед получает указание начать общественную проповедь, что он и делает. Нервом первой проповеди стало возведение единобожия, призыв отказаться от поклонения ложным богам и утверждение неотвратимости Последнего Суда.

Основным смыслом его проповеди было провозглашение единобожия, что есть только один бог — Аллах. Согласно с этим происходят нападки на языческую религию арабов на их чтимых богов и богинь, на их святыни. Он утверждал, что является пророком Аллаха, посланным для арабов для того, чтобы увести их от ложного почитания, а также для провозглашения о Страшном Суде, о Воскресении, о награде верным и муках тех, кто не уверовал. Это были основные темы ранней проповеди Мухаммеда. Хотя появилось еще несколько обращенных, проповедь была встречена в целом равнодушно. Значительные же люди были оскорблены его нападками на их культ.

Помимо прочего это объяснялось тем, что Мухаммед не был оригинальным на фоне языческой среды. Одновременно с Мухаммедом и ранее у арабов существовали аналогичные пророки. Они учили о том, что Бог един, о Его милости, провозглашали себя пророками. У них были похожие на Мухаммеда впадения в транс. Его ранним пред-

шественником и конкурентом был «пророк» Маслама из города Йемама на востоке Аравии. Так что неудача Мухаммеда как проповедника объясняется еще и тем, что он был неоригинален. Известно, что язычники упрекали его, что он просто пересказывает человека из Йемамы, который говорил то же самое, и даже вел себя также. Кроме этого, были другие пророки: Асвад, Талха и многие другие, которые говорили о том, что являются пророками единого Бога.

Конфликт между малочисленными последователями Мухаммеда и язычниками обострился тогда, когда «пророк» выступил против почитаемых мекканских божеств. Со временем конфликт начал выливаться в потасовки и преследования.

Известен эпизод, когда во время диспута на религиозные темы одного из последователей Мухаммеда и язычника, мусульманин, не имея аргументов, схватил лежащую рядом верблюжью кость и ударил ее острым концом своего оппонента, и серьезно ранил. Эта выходка и многое другое заставила элиту Мекки принять решение об уничтожении Мухаммеда, а также его сторонников. Некоторые мусульмане, которые находились в рабстве у язычников, были убиты или замучены, но самому Мухаммеду ничего не угрожало, так как он находился под покровительством своего рода. К главе рода Абу Талибу неоднократно приходили главы других родов и просили его снять защиту рода с Мухаммеда, предлагали ему разные варианты, однако, он не соглашался. Тогда мекканцы провозгласили бойкот роду хашим, но Абу Талиб остался непреклонен.

По мере обострения отношений в течение двух лет открытой проповеди Мухаммед счел необходимым

отослать в христианскую Абиссинию тех верующих, которые вызвали наибольшее раздражение. Состоялась эта первая *хиджра* в 615 г. При этом некоторые сподвижники Мухаммеда, переселившиеся в Абиссинию, узнав христианство, крестились (например, Убайдаллах ибн Джахиз).

Самому Мухаммеду по-прежнему не угрожали гонения. Когда остальные курайшиты объявили бойкот роду хашим, и это не заставило Абу Талиба изменить свою позицию. За это время умерла Хадиджа. Положение ухудшилось в 619 г, когда умерли Абу Талиб, несмотря на уговоры племянника так и оставшийся язычником, а также глава рода Хадиджи. Преемником Абу Талиба становится другой дядя Мухаммеда Абу-Суфиан, который впоследствии стал его самым заклятым врагом, он снимает покровительство рода с Мухаммеда. Отчасти это было вызвано тем, что Мухаммед сказал, что поскольку его дядя Абу Талиб не принял ислам, то после смерти он отправится в ад.

Мухаммед пытается выйти на проповедь за пределы Мекки — в соседнем городе Таифе, но первая попытка не увенчалась успехом, и возвеститель новой религии был забросан камнями.

Вообще, в целом можно признать, что Мухаммед как проповедник был совершенно несостоятелен. Кроме поражения в Таифе, в самой Мекке он за десять лет не смог приобрести достаточно заметное число сторонников, а из горстки обратившихся многие были обращены не им, а его сторонником, уважаемым в Мекке торговцем Абу Бакром. Для сравнения: старший современник Мухаммеда и пророк-конкурент Маслама без труда смог обратить всех жителей своего родного города Йемамы.

Тогда Мухаммед принимает решение о переселении в город Ясриб или Медину в качестве третейского судьи, куда его приглашали представители племен, населявших город. Ясриб погрязал в междоусобных войнах и распрях между родами племени бану кайла, а также тремя иудейскими племенами. Их представители пригласили Мухаммеда и его общину поселиться в Медине в надежде, что присутствие мусульман окажет стабилизирующее воздействие. Вероятно, это было связано с тем, что мать Мухаммеда, Амина, происходила из Ясриба. После двух лет переговоров с мединцами, часть из которых также приняла ислам, Мухаммед решается на вторую *хиджру*. Летом 622 г. около 70 членов его общины устремились в Ясриб. Так что, когда 4 сентября Мухаммед вместе со своим другом Абу Бакром также прибыл в Ясриб, он нашел там личную охрану из *мухаджиров* (переселенцев). Мединские мусульмане назывались *ансарами* (помощниками). По прибытии Мухаммеда была построена первая мечеть.

Жители Медины вняли просьбам Мухаммеда и приняли на свое иждивение мусульман из Мекки. Однако так долго не могло продолжаться, ансары сами были небогаты, и община не могла существовать в нищенских условиях. Необходимо было в сжатые сроки обеспечить экономическую независимость иммигрантов, которые лишились всего имущества.

Тогда Мухаммед принимает решение, которое можно считать поворотным в мусульманской истории. Видя, что невозможно прокормить общину честным трудом, он принимает решение заняться грабежом и совершает первый вероломный набег. Арабы почитали четыре священных месяца в году, во время которых было запрещено производить

какие-либо военные действия. Во время этих месяцев Мухаммед, который хорошо знал о передвижении караванов, будучи в прошлом их участником, приказал небольшому отряду своих сторонников напасть на караван, зная, что тот будет незащищен.

Именно из этой точки начинается история успехов ислама, построенных не на проповеди, результаты которой были незначительны, а на грабежах, убийствах и военных столкновениях.

Первый такой налет был осуществлен по его приказу во время священного перемирия.

«Пророк услышал, что Абу Суфьян ибн Харб возвращается из Сирии с большим караваном курайшитов, везущим деньги и товары... Услышав о том... Пророк призвал мусульман напасть на них, говоря: «Вот караван курайшитов. В нем — их богатства. Нападайте на них, и, может, с помощью Аллаха они вам достанутся!»» (Ибн Хишам. Жизнеописание... с. 278—279).

Определенно сказано, что сам Мухаммед был инициатором захвата каравана с деньгами и товарами. Мухаммед понимал, что имущество в караване принадлежит не ему, не мусульманам, а другим людям. Однако он призывает мусульман захватить эти ценности, и это единственный мотив, который приведен биографом.

Караван практически шел без охраны, и вероломное нападение увенчалось успехом: посланный отряд мусульман возвратился с добычей. Однако многие последователи Мухаммеда были смущены нарушением священных месяцев перемирия, запретных для военных действий. На их недоумения ответило откровение: *«Они спрашивают тебя [дозволено ли,] сражаться [с мекканскими многобожниками]*

в запретный месяц. Ответай: «Сражаться в запретный месяц — великий грех. Однако совращать с пути Аллаха, не пускать в Запретную мечеть, неверие в Него и изгнание молящихся из нее — еще больший грех перед Аллахом, ибо многобожие — грех больший, чем убийство»» (Коран 2. 217).

Через год мекканцы отправили к Ясрибу отряд с целью покарать Мухаммеда за разбой. Около 15 марта 624 г. они напали на мусульман. Со стороны язычников в битве участвовало около шестисот человек, со стороны мусульман — чуть больше трехсот. Благодаря дисциплине и рвению мусульман победа оказалась на их стороне. Это оказало значительное укрепление позиции Мухаммеда в Медине, многие язычники стали активно принимать ислам. Мусульмане были убеждены, что эта победа — подтверждение их правоты. «Не вы их убивали, но Аллах их убивал» (Коран 8. 17), — сказала об этом откровение.

В битве при Бадре было захвачено много язычников в плен. Некоторых из них «пророк» велел продать родственникам за выкуп, тех, кто был нищим, отпустил под клятвой, что те никогда не станут противостоять ему, а некоторых приказал убить:

«Пророк двинулся, возвращаясь в Медину. Вместе с ним были пленные язычники, и среди них — Укба ибн Абу Муайт, ан-Надр ибн аль-Харис... Когда Пророк находился в ас-Сафре, был убит ан-Надр ибн аль-Харис. Потом двинулся дальше, и... был убит Укба ибн Абу Муайт. Когда Пророк приказал убить Укбу, Укба спросил: «Что же будет с мальчиками, о Мухаммед?» Пророк ответил: «Огонь». Его убил Асим ибн Сабит аль-Ансари...» (Ибн Хишам. Жизнеописание... с. 300).

Указанные люди отмечены особо, поскольку они в свое время досаждали Мухаммеду насмешками над ним и его стихами. Такого Мухаммед не прощал и устраивал показательные казни. А мальчики, о которых Мухаммеда спрашивает поэт Укба, это его, Укбы, дети...

В случившейся еще спустя год следующей битве — при Ухуде, мусульмане потерпели ощутимое поражение, хотя Мухаммед накануне предсказывал победу, тем не менее, под ним был убит его верблюд, и ему самому выбили два зуба.

Для мусульманской общины наступили не лучшие времена, хотя она и не развалилась, несмотря на поражение. Мухаммеду снизошло откровение, объяснявшее, что во всем виноваты сами мусульмане, но не «пророк». Если бы, мол, они его слушались, то победили бы. Вместе с тем Мухаммед усиливает свои позиции внутри Медины. Начинаются репрессии на тех, кто выступал против Мухаммеда. Все проповеди Мухаммеда, которые потом стали Кораном, были в стихотворной форме, и хотя сам Мухаммед утверждал, что никто и никогда не сможет написать таких замечательных стихов, тем не менее, арабские поэты скептически относились к его стихотворчеству и к уровню его стихов. Они высмеивали их в своих стихах, и этого он не мог терпеть. По приказу Мухаммеда помимо захваченных в плен мекканских поэтов, были убиты два поэта, жившие в Медине. Причем для убийства старика-поэта, который был очень осторожным, Мухаммед разрешил убийцам прибегнуть ко лжи. Они сказали поэту, что они не мусульмане и, войдя к нему в доверие, убили старика и принесли Мухаммеду его сердце. Этим репрессиям подвергались и женщины. Мухаммед лично приказал своему вольноотпущеннику и приемному сыну Зейду убить

поэтессу Умм Кирфа, которая высмеивала «пророка» в своих поэмах. Зейд убил ее, привязав к ее ногам по веревке, на другом конце привязанных к двум верблюдам, ведя верблюдов в противоположных направлениях, пока женщина не была разорвана на две половины (Al 'saba — Ibn Najar — vol. 4, page 231).

Большая часть язычников Медины стали мусульманами, меньшинство же заставили выселиться. Другой оппозицией в городе оставались иудейские племена, которых было четыре. Некоторые из иудеев также приняли ислам, но их количество было незначительным. Большинство иудеев высмеивали пророческие притязания и потуги к пересказу библейских историй, которые предпринимал Мухаммед. Это его раздражало, и он начал планомерную войну против иудейских племен. При этом он поступал как хитрый политик, пользовался ссорами между племенами и добивался того, чтобы каждое племя уничтожить по отдельности, при этом находясь в мире со всеми остальными. Три племени он уничтожил поголовно. Это первый пример геноцида при исламе. Одно племя он заставил выселиться.

«В полдень Пророку явился Джабраиль... [и сказал]: «Всемогущий и всеславный Аллах приказывает тебе, о Мухаммед, пойти на Бану Курайза. Я отправлюсь к ним и потрясу их». Посланник Аллаха осаждал их в течение двадцати пяти дней, пока осада для них не стала невыносимой... «Потом они сдались, и Пророк запер их в Медине в доме Бинт аль-Харис, женщины из Бану ан-Наджжар. Потом Пророк пошел на рынок Медины и вырыл там несколько ровов. Потом велел их привести, и отрубил им головы в этих рвах. Говорят, что их было от восьмисот до девятистот человек». (Ибн Хишам. Жизнеописание... с. 400).

Некоторых из влиятельных язычников — мединцев, например, Халида ибн Суфьяна и Кааба ибн аль-Ашрафа, Мухаммед убил через подосланных убийц, других — заставил выселиться. Таким образом, Мухаммед получил в свое распоряжение целый город с крепкой и обученной общиной, полностью ему послушной. Поэтому, когда мекканцы предприняли следующий поход, положение было другое.

Мекканцы собрали большой отряд и выдвинулись против Медины с намерением уничтожить ислам. Однако Мухаммед, который понимал, что сил еще недостаточно, прибег к советам специалиста-перса, состоявшего в общине и подсказавшего новшество, с которым арабы были незнакомы. Салман-Перс посоветовал выкопать ров вокруг Медины. Когда мекканцы пришли к этому рву, то не решились его преодолевать и отступили, довольствуясь тем, что уничтожили финиковые пальмы, которые росли вокруг. Большинство последующих битв мусульмане выигрывали, несмотря на то, что некоторые племена объединялись против них, поскольку противники совершали ошибки и не были едины. За счет этого ислам усиливался.

По мере роста силы, Мухаммед навязывал свою религию окружающим малым племенам. Бедуины воспринимали это в большинстве случаев пассивно, нескольких всадников было достаточно, чтобы уничтожить племенные идолы, сопротивления это практически не встречало.

В 630 г. Мухаммед во главе многотысячного войска двинулся на Мекку. Город капитулировал. Мухаммед демонстративно простил своих самых заклятых врагов. Те, столь же демонстративно в числе первых поспешили принять ислам. В год смерти (632) Мухаммед совершил ритуал хаджа в Каабу, очищенную от идолов, и совершил обряд

поклонения черному камню. Со всех сторон в Мекку стекались представители арабских племен, спешивших вступить в союз с грозной силой. В год смерти Мухаммеда насчитывалось около 100 000 приверженцев ислама. Однако не все было гладко. Ряд областей Аравии (Восток и Юг) прогнали с позором его эмиссаров, сплотившись возле своих собственных пророков — Асвада и Мусейлимы. Именно эти альтернативные пророки вместе со своими приверженцами стали самыми твердыми препятствиями на пути ислама в Аравии.

Тяжелая болезнь застала Мухаммеда за приготовлением большого похода против Византии. Смерть помешала осуществить задуманное. Перед смертью он тяжело болел, призраки умерших беспокоили его. Умер он в Медине, в 632 г.

☐ Личная жизнь

Согласно исламскому учению: *«Посланник Аллаха — образцовый пример для вас, для тех, кто возлагает надежды на Аллаха»* (Коран 33. 21). Поэтому действия и нравственный облик Мухаммеда имеют огромное значение для каждого мусульманина.

В Медине Мухаммед обзавелся гаремом, он имел одновременно до девяти жен, а всего за всю жизнь у него было 13 жен. Для мусульман Мухаммед поставил ограничение не брать больше четырех жен, но потом получил «откровение», что ему самому, в виде исключения, можно брать неограниченное количество жен. Среди этих жен были некоторые интересные примеры. Например, Айша бинт Абу Бакр, на которой Мухаммед женился, когда ей было девять лет. Поскольку Мухаммед — образец для мусульманина,

то это является правовым прецедентом в мусульманском праве. В Иране и Марокко до сего дня девочек могут отдавать замуж в девять лет. Другой из его жен была жена его приемного сына Зеида, она очень понравилась Мухаммеду, и он заставил сына развестись с ней и взял ее в жены. Когда некоторые из мусульман посмели этим возмутиться, поскольку по понятиям арабов такой брак являлся кровосмешением, то Мухаммед тут же получил «откровение», разрешающее жениться на женах приемных сыновей.

Была также одна иудейка, захваченная «пророком» на поле боя, которая отказалась от «чести» быть «женой пророка», и, более того, пыталась отравить Мухаммеда.

Большую роль играло обоснование и призывы военной агрессии против немусульман. Пророк сказал: «Мне приказано воевать с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет Бога кроме Аллаха, и что Мухаммед Его слуга и Его Посланник, они не повернутся в направлении нашей киблы (направление для молитвы), не будут есть, то, что мы убиваем, и не будут молиться как мы. Когда они станут делать так, мы будем не вправе отнять их жизнь и собственность, кроме того, что причитается от них» (Абу Дауд, 2635, — здесь и далее в сносках первым стоит имя автора сборника хадисов, составляющих Сунну, а вторым — номер хадиса в сборнике).

«Пусть сражаются во имя Аллаха те, которые покупают будущую жизнь ценой жизни в этом мире. Тому, кто будет сражаться во имя Аллаха и будет убит или победит, Мы даруем великое вознаграждение» (Коран 4, 74), умерший на джихаде «будет возвеличиваем за свои дела до Дня Воскресения и будет свободен от загробного Суда» (Муслим, 2494).

Мухаммеду самому было приказано: *«О Пророк! Воодушевляй верующих сражаться с неверными!»* (Коран 8, 65).

И он — воодушевлял. «Посланник Аллаха побуждал людей на джихад и говорил им о Райских Садах. Один из ансаров еффики, которые держал в руках, и сказал: „Я так желаю попасть в этот мир, должен ли я сидеть пока закончу есть?“ Он выбросил то, что было в руках, и взял свой меч и сражался; пока не был зарублен» (Малик, 21, 18, 42).

При этом участие в джихаде — обязанность мусульманина, не зависящая от желания ее выполнять: *«Вам предписано сражаться с врагами ислама, а это вам ненавистно. Но возможно и такое, что вам ненавистно то, что для вас благо; что вам желанно, то, что для вас — зло. Аллах ведает об этом, а вы не ведаете»* (Коран 2. 216).

□ Отношения Мухаммеда с христианами

С Мухаммедом регулярно встречались представители христианских арабских племен, и он с удовольствием беседовал с ними о вере. На протяжении жизни основателю ислама приходилось сражаться с четырьмя иудейскими племенами — канук, надир, курайз и хайбар, и один поход он направил против православных византийцев.

С Мухаммедом заключили договор христиане Наджрана. Они также имели религиозные диспуты, оканчивавшиеся для лжепророка неудачно. Видимо, эти неудачи и послужили тому, что он в последние годы жизни испытывал к христианам и христианству всевозрастающую неприязнь. В Коране можно встретить как восхваляющие христиан аяты, так и прямые проклятия. Он завещал изгнать всех христиан с Аравийского полуострова и умер за приготовлением большого похода против православных византийцев.

КОРАН

Коран является священной книгой мусульман, он представляет собой запись тех «откровений», которые Мухаммед изрекал на протяжении своей жизни. Откровения эти изложены в стихотворной форме, собраны в суры (главы), состоящие из аятов (стихов). В канонической версии Корана 114 сур. Речь идет всегда от лица Бога: «Мы», или «Я». Содержание охватывает пересказ библейских историй, историй доисламской Аравии и древнего мира, нравственные и юридические установления, полемику с немусульманами, описание страшного суда и посмертного воздаяния и т.п.

Коран считается священной книгой только на арабском языке. Переводы не считаются собственно Кораном, хотя и производятся для понимания смысла. Однако в ритуальной жизни Коран можно читать только на арабском. Отрывки, составляющие Коран, суть фрагменты стихов, которые читал в разное время Мухаммед и которые он выдавал за «откровения» свыше. «Откровения» ему ниспосылались на протяжении 20-ти с лишним лет. Как утверждает мусульманская традиция, сам Мухаммед был неграмотным.

Современное мусульманское учение о Коране сформулировано следующим образом: «Коран является словом Аллаха, поэтому он всегда существовал, он не был сотворен Аллахом. Тот Коран, который сегодня имеется на руках — проявление в материальном мире извечного Корана — слова Аллаха.

Пророк Мухаммед с помощью откровения получил эту Книгу и, ничего не добавляя своего и ничего не утрачивая, передал ее своим сподвижникам. Поэтому Коран не содержит ничего, кроме слов Аллаха. Более того, текст Корана никто не сможет изменить по своему желанию. Аллах обещает сам хранить и оберегать Коран»⁴. «Коран до единого слова, до единой буквы остался в таком же виде, в каком был ниспослан Всевышним, в нем нет изменений ни в едином слове или огласовке»⁵.

В VIII—X веках богословское течение мутазилитов восставало против суннитского догмата о несотворенности Корана, аргументируя это следующим образом: допущение извечности и несотворенности Корана равносильно наделению его свойствами Бога, или, иначе, признанию наряду с Аллахом второго бога (*ширк*). Однако мутазилиты исчезли под давлением гонений и суннитское учение о Коране как вечном атрибуте Бога, имевшее государственную опору, стало общепринятым.

Однако история Корана говорит о другом. При жизни Мухаммеда многие мусульмане записывали его откровения. Сам он, как считают, был неграмотным и записей не вел. После его смерти еще при нескольких его преемниках мусульмане довольствовались устной памятью и отдельными записями. Однако в сражениях с византийцами погибли многие знатоки коранических откровений, а среди существующих списков обнаружились серьезные расхождения. Дабы преодолеть возникновение разногласий

⁴ Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. Казань, 1997. — Сс. 21–22.

⁵ Ал-Маудуди Абу ал-Аала. Принципы ислама. — С. 72.

из-за священного текста, третий халиф — Осман организовал комиссию по стандартизации текста Корана и сведению его в один корпус под руководством Зейда ибн Сабита — последнего писца Мухаммеда.

По всему халифату начали собирать и изыскивать сохранившиеся записи. Их сложили в главы, часто безо всякой тематической систематизации, главы снабдили произвольными названиями и разместили в порядке убывания: ближе к началу располагались пространные суры (главы), ближе к концу — короткие.

Полученный текст был объявлен единственно верным, послужившие ему разрозненные материалы оказались уничтожены, а копии зейдо-османовской редакции были разосланы в центры мусульманского мира.

Но разногласий избежать не удалось. Авторитетнейшие знатоки Корана, такие как Убайя ибн Кааб, Ибн Масуд, Микдад и ал-Ашари отказались сдать свои записи, подвергли критике текст, составленный Зейдом, и создали собственные редакции Корана. Эти апокрифические версии «священной книги» мусульман сильно отличались от официального текста. И хотя они не дошли до наших дней, подробную информацию об их разночтениях сохранили древние мусульманские толкователи Корана.

Различия между редакциями Ибн Масуда и Зейда более, чем значимы. Так, у Ибн Масуда отсутствует 1-я сура, а также 113 и 114-я, а количество разночтений только в суре «Корова» (2-я по Зейду, 1-я по Ибн Масуду, 3-я по Убайе) достигает 101. Об этом упоминается в трудах Ибн Аби Дауда, а также у ат-Табари и аз-Замахшари (помимо ат-Табари, Ибн Аби Дауда и ас-Суйути можно привести еще име-

на ад-Дани и Ибн Халавайха — тех, кто занимался собственно неканоническими разночтениями).

Несмотря на все усилия официальных властей, предпринятые по уничтожению апокрифических редакций, они долго имели хождение. Так, известно, что еще в начале XI века встречались экземпляры Корана редакции Ибн Масуда и те, кто их почитал как истинный Коран. Некоторые древние рукописи Корана содержат неканонические разночтения, восходящие к этим апокрифам.

Несмотря на усилия, предпринятые как официальными, так и неофициальными крутами по сохранению текста откровений Мухаммеда, во времена раннего ислама циркулировало множество историй о том, что некоторые откровения и даже целые суры были утеряны безвозвратно: были съедены мышами или сжеваны овцой и т.п.

Ранние мусульманские историки и комментаторы, в частности Ибн Исхак и ат-Табари, приводят и более неожиданный рассказ о так называемых сатанинских аятах 53 суры. Они утверждают, что Мухаммед одно время решил пойти на компромисс с мекканцами и в одном из откровений (ставшем потом 53 сурой) объявил ал-Лат, ал-Уззу и Манат (арабских богинь) благородными представительницами перед Аллахом. Это примирило с ним мекканцев. Затем Мухаммед раскаялся в своем компромиссе и объявил эту фразу наущением шайтана. Было принято считать, что во время ниспослания откровения, сатана искусно вставил между строк эти слова.

Кроме указанных апокрифических версий, которые можно условно назвать «внутрисуннитскими», существовали апокрифические Кораны, возникшие в среде других течений ислама. Встречаются упоминания, что некоторые

из ранних хариджитов отвергали подлинность 12-ой суры османовской редакции («Юсуф»).

Шииты создали свою версию, выдавая ее за «список Али». Шиитская версия имеет ряд значимых разночтений с османовской. Так, например, у суннитов 71-й аят 5-й суры звучит: «О посланник! *Передай, что низведено тебе от твоего Господа*», а у шиитов: «*Передай, что низведено тебе от твоего Господа об Али*»; 3-й аят 9-й суры у суннитов: «...и *призыв от Аллаха и Его посланника к людям в день великого хаджа*», у шиитов: «...и *призыв от Али и Посланника*...»

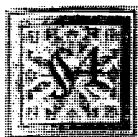
Помимо этого, в шиитской редакции находится еще одна, 115-я сура «ан-Нурайн» (Два светила). В ней прославляется Али вместе с Мухаммедом. Эта сура встречается в манускриптах Корана начала XVII века. В настоящее время большинство шиитов придерживается зейдо-османовской редакции, хотя некоторые шииты Индии и Пакистана продолжают почитать Коран по «списку Али».

Сам текст зейдо-османовского списка Корана подвергался изменениям и при делении входящих в него материалов на суры и аяты, а особенно тогда, когда в нем были проставлены диакретические значки, необходимые для того, чтобы отличить одну арабскую букву от других, графически изображаемых одинаково с нею. Последнее имело место не ранее 702 года, когда был основан город Васит, где, согласно преданию, была проделана эта работа.

Поскольку древнее арабское письмо не имело огласовок, и Коран записывался согласными буквами, со временем возникло несколько школ, каждая из которых отстаивала свои варианты чтения (кирааты), возникавшие из-за различия в огласовках, позволяемых грамматикой языка.

Например, записанное таким типом письма русское КРВ могло быть прочитано и как КРОВЬ, и как КОРОВА, и как КРИВО и т.п. Это приводило иногда к важным смысловым разночтениям: например, аят (стих) 63 суры 43 в одном кираате читается со словом *ilm^{un}* (знание): «Истинно, Он (Иисус) — *знание часа*»; а в другом кираате — *alam^{un}* (знак, признак, знамение): «Истинно, Он — *знамение часа*». Официальным властям, несмотря на гонения, не удалось унифицировать все разночтения, и мусульманские богословы вынуждены были признать равно каноническими семь основных школ чтения (кираа) вместе с их расхождениями. Со временем возникли мусульманские предания о том, что, сам Мухаммед ввел и узаконил семь чтений, якобы Коран был послан ему семь раз в семи узаконенных позднее кираатах. В настоящее время распространены два чтения — по Варшу и по Хафсу.

Самый ранний из списков Корана, известный на сегодняшний день, так называемый Йеменский Коран, относится к концу VII века. По сравнению с современным текстом, он содержит нестандартные расположения стихов, а также другие текстовые изменения и разночтения, которые, по мнению ученых, очень значимы. Другой древнейший текст Корана, сохранившийся в виде надписей в иерусалимской мечети Купол Скалы датируется 691 г. по Р.Х. Он также в некоторой степени отличается от современного оригинала, что указывает, по мнению ученых, на то, что текст Корана претерпевал значительные изменения со стороны поздних переписчиков и редакторов, которые вносили в него «ясность» по своему разумению и усмотрению.

СУННА

Сунна — это совокупность сообщений об изречениях, поступках и привычках Мухаммеда, о том, что он учил и одобрял. Полная форма: «суннат расул Аллах» (Пример посланника Аллаха), — поступки и высказывания «пророка» Мухаммеда как образец и руководство для мусульманской общины. Сунна зафиксирована в форме хадисов у суннитов и в форме хабаров — у шиитов. Сунна — второй после Корана источник сведений о том, как подобает жить и действовать мусульманину. По значимости ее можно уподобить Священному Преданию у православных христиан.

Хотя сунниты и шииты имеют различные сборники преданий, Сунна почитается всеми течениями ислама как следующий после Корана источник сведений о том, какое поведение или мнение угодно Богу. Сунна объясняет и дополняет Коран. Мусульманские богословы считают следование Сунне главным содержанием жизни мусульманина. Обучение Сунне — важная составная часть мусульманского образования.

Сунна состоит из хадисов — кратких рассказов о каком-либо действии или изречении Мухаммеда. Рассказы эти устно передавались из поколения в поколение, от очевидцев их потомкам, из уст которых их и записали мусульманские ученые — хадисоведы, трудившиеся

над составлением сборников хадисов спустя двести лет после событий, которые в них описываются.

Ко времени труда первых хадисоведов количество хадисов достигло колоссального количества, и даже для самых пристрастных мусульман было очевидно, что большая их часть являются искаженными или вовсе подложными. Мусульманские ученые предприняли значительную работу по отделению «достоверных» хадисов от «недостоверных». Результатами их явились сборники достоверных хадисов, которые были признаны каноническими и составили собственно Сунну. Таковыми сборниками являются:

- а) «Аль-Джами ас-Сахих» имама Бухари;
- б) «Аль-Джами ас-Сахих» имама Муслима;
- в) «Китаб ас-Сунан» имама Абу Дауда;
- г) «Китаб ас-Сунан» имама ибн Маджи;
- д) «Аль-Джами аль-Кабир» имама ат-Тирмизи;
- е) «Китаб ас-Сунан аль-Кубра» имама Насаи.

Вынося решение о достоверности или недостоверности того или иного хадиса, мусульманские средневековые ученые критически исследовали его *иснад*, то есть цепочку передатчиков хадиса из поколения в поколение. Эти люди должны были реально существовать, иметь славу благочестивых мусульман, и хронологические рамки их жизни должны были вписываться в цепочку передатчиков хадиса. Кроме этого, некоторые требования предъявлялись к содержанию хадиса: оно должно укладываться в общую логику своего происхождения и не противоречить основам ислама.

Оперируя этими принципами, хадисоведы разделили хадисы на несколько групп, основные из которых: «Сахих» («достоверный»), «Хасан» («хороший») и «Зайф» («слабый»). Каноническими являются только хадисы первой

группы, хадисы других групп имеют меньший авторитет, но могут использоваться в назидательном значении.

Хадис делится на две части: аль-Матн, то есть само содержание хадиса, и иснад — цепочка его передатчиков. Существует группа хадисов, которая сообщает слова самого Аллаха, не вошедшие в Коран, такие хадисы называются *худсий* (святой).

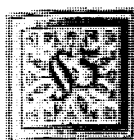
Перечисленные выше критерии не могли быть достаточными для того, чтобы отделить действительно подлинные хадисы от вымышленных. Известно, например, что в средние века среди секуляризированной интеллектуальной элиты багдадского халифата считалось особой «доблестью» сочинить хадис, который был бы столь безупречен в отношении критериев хадисоведов, что попал бы в итоге в один из сборников.

В настоящее время историческая достоверность большей части хадисного материала современными светскими учеными-хадисоведами признана ничтожной. Так, уже И. Гольдциер поставил под сомнение сведения о ранней письменной фиксации хадисов, лежащие в основе традиционной аргументации достоверности хадисного материала. А. Гийом писал, что фактически «нельзя точно доказать, что один какой-то хадис или группа хадисов были записаны со слов или переписаны из записей сподвижников». Й. Шахт убедительно доказал, что формирование Сунны относится не ранее чем ко II веку хиджры, в рамках региональных правовых школ. Ныне той же позиции придерживается крупнейший специалист по иснадам Г. Йенболл.

Хадисы были сведены в сборники к концу IX — началу X вв., в то время как материал, содержащийся в них, возводится традицией к VII в. По мнению современных

ученых, все попытки ранних собирателей хадисов выработать систему верификации предания иснадом не только не решили проблемы, но, возможно, и усугубили ее.

Однако, несмотря на то, что хадис, считающийся достоверным, может не иметь никакого отношения к историческому Мухаммеду, он все равно является очень важным в том отношении, что образованный мусульманин считает его достоверным и считает необходимым ему верить и следовать. Поэтому при любом разговоре об исламе недостаточно ограничиваться одним лишь Кораном, но необходимо использовать также Сунну, которая отчасти является и толкованием (*тафсир*) Корана и больше сообщает о религиозном идеале мусульманина, чем любой учебник или изложение. Когда христиане критикуют Коран без учета объясняющих его хадисов, мусульмане воспринимают это как такое же безосновательное дело, каковым православные христиане почитают поверхностную протестантскую критику Православия с использованием Библии без учета Священного Предания.

Исламская догматика

Изложение догматического богословия в исламе называется «акида». Она традиционно разделяется на шесть основ: веру в Аллаха, в Его ангелов, в Его Писания, в Его посланников, в последний день и в предопределение.

□ Первая основа: вера в Аллаха

Под этим подразумевается знание, подтверждение, признание и твердая убежденность в том, что Аллах существует и что он является единственным в своих делах, единственным достойным поклонения, а также единственным в том, что касается Его имен и Его атрибутов. Исповедание единобожия (*таухид*) считается высочайшей добродетелью и, напротив, нарушение единобожия (*ширк*) является самым страшным и единственным непрощаемым грехом по учению ислама.

Помимо признания существования Аллаха вера включает в себя также признание Аллаха единственным Творцом и признание того, что божественной природой обладает только Аллах. Признание Аллаха единственным Творцом подразумевает, что Он является творцом не только мира, но и всех действий людей и животных, которые в нем обитают.

Совершенное единобожие, по мнению мусульман, выражается в первой части исповедания веры (*таишаху́д*): «Нет бога, кроме Аллаха». Искреннее, нелицемерное и уверенное произнесение этих слов гарантирует спасение человека.

Исламское богословие учит о наличии у Аллаха имен и атрибутов (*сифаты*). Считается, что имена указывают на сущность Всевышнего, а атрибуты — на качества Его совершенства.

Мусульмане, основываясь на одном из хадисов, говорят о 99-и именах Аллаха, посредством благоговейного перечисления которых человек сподобляется рая. Это такие имена, как, например, «Всеведающий», «Сущий» и т.п. Однако среди них нет имени «Любовь» или «Любящий».

Многие из атрибутов, признаваемых мусульманами, совпадают с христианским представлением о Боге, однако имеются и отличительные атрибуты. Так, например, Коран считается атрибутом Аллаха. Другим оригинальным божественным атрибутом согласно мусульманскому богословию является атрибут перемещения в пространстве, выводимый из достоверного хадиса, в котором Мухаммед говорит о том, что Аллах каждую ночь спускается «к нижнему небу».

Грехами против единобожия признаются неверие, многобожие и лицемерие. Каждое из них подразделяется на две степени: большую и малую. Неверие, многобожие и лицемерие малой степени (например, клятва не Аллахом, сражение мусульманина с мусульманином, лживость, предательство и пр.) не означает, что человек, пораженный ими, перестает быть мусульманином или лишается райской участи, так как «Аллах может простить, если

будет ему угодно, даже без покаяния». Неверие, многобожие и лицемерие большой степени (глумление над исламом, отрицание божественного происхождения Корана и пр.) выводит человека из ислама, и он считается неверным.

□ Вторая основа: вера в ангелов

Под этим подразумевается твердая убежденность в том, что у Аллаха есть ангелы, которых он создал из света; что Он возложил на них определенные обязанности, выполнением которых они заняты; и что Он наделил их способностью полного подчинения Его велениям и силой, необходимой для их осуществления.

Ангелы имеют крылья (два, три, четыре и более). По велению Аллаха, ангел может принимать человеческий облик. В различных аятах Корана и хадисах есть упоминания об именах ангелов, их видах и тех делах, которые были им поручены. Так, например, считается, что Гавриилу было поручено приносить пророкам откровения, Михаилу поручено следить за дождями и ростом растений, а Исрафилу — вострубить в трубу, когда наступит день воскресения. В Коране есть упоминания об ангеле по имени Малик, который является стражем ада.

Ангелы делятся на категории. Среди них есть:

- ангелы, которые несут трон Аллаха;
- ангелы-хранители, которым поручено охранять людей;
- ангелы-писцы, которым поручено записывать дела людей;
- ангелы смерти, которым поручено принимать дух человека в момент его смерти.

Кроме того, существуют и другие категории ангелов.

Мусульмане признают также еще один род духов, неизвестных в христианстве, — это джинны. Джинн отличается от ангела. Это иной род существ. Хотя они и духовны, но созданы они из иного. Считается, что ангелы созданы из света, человек из земли, а джинны созданы из огня. В отличие от ангелов джинны различаются на полы. Они могут между собой иметь сексуальные отношения, могут вступать с людьми в таковые. Если ангелы полностью подчинены Аллаху, а шайтаны — это категория духовных существ, которые противятся Богу и строят козни людям, то джинны признаются как свободные духовные существа, которые могут определяться. Мусульманская традиция говорит о том, что джинны приходили послушать проповедь Мухаммеда и обращались в ислам. Т.е. есть джинны мусульмане, есть джинны неверные.

Шайтаны — категория злых духов. Считается, что почти все шайтаны поголовно набраны из падших джиннов. Только в отношении самого главного из них Иблиса не совсем твердое мнение. Некоторые мусульманские богословы считают, что он тоже был джинном, а другие считают, что он был ангелом. Если так, то в исламе — он единственный ангел, который отпал. Иблис отпал, по кораническому сказанию, в тот момент, когда Аллах велел ангелам поклониться перед человеком, им созданным. Все ангелы, повинаясь Богу, поклонились, только Иблис не поклонился и был изгнан и осужден как богопротивник, но при этом он выторговал право строить козни людям и мешать им придти к Богу. Мусульманская демонология слабо развита, и, как правило, во многом зависит от суеверных языческих арабских верований. Никакой духовной систематической борьбы

с духами мусульманину не предлагается, считается, что если он выполняет все предписания ислама, то Аллах должен его защитить от нападения злых духов, что случается далеко не всегда.

В суфизме — мистической стороне ислама — получил развитие своеобразный культ дьявола. Единобожие — это главная добродетель ислама, то, к чему нужно стремиться. А суфии считают, что дьявол это трагическая фигура и подлинный единобожник, который отказался поклоняться кому-либо, кроме Бога. У них много сказаний о том, что он любил Бога и не желал никому поклоняться, кроме него. Расхожая суфийская фраза говорит о том, что подлинному единобожию нужно учиться у Иблиса.

В исламе много предписаний, идущих из сунны, в которых говорится о некоторых мерах безопасности против шайтана. Например, Мухаммед запрещал есть левой рукой, потому что, если человек ест левой рукой, то за него ест шайтан, а если он ест правой, тогда все в порядке. Таких суеверных преданий много. Во время хаджа мусульманин бросает в определенное место камни, считая, что так он побивает Иблиса и свидетельствует о своей независимости от него.

□ Третья основа: вера в писания

Под этим подразумевается признание того факта, что Аллах ниспосылал некоторым своим посланникам Священные Писания. В Коране упоминаются: некие **Свитки**, которые Аллах ниспослал Ибрахиму (Аврааму); **Тора**, которая была ниспослана Мусе (Моисею); **Псалтирь**, который был дарован Дауду (Давиду); **Евангелие**, которое

было ниспослано Исе (Иисусу), и **Коран**, который был ниспослан Мухаммеду.

Кроме того, мусульмане верят, что Аллах ниспосылал и иные Писания другим своим посланникам. Эта вера во все не означает, что мусульмане считают Священным Писанием то, что имеется в ныне существующих Ветхом и Новом Завете. По учению ислама, Библия была искажена иудеями и христианами, и потому Тора, Псалтырь и Евангелие не являются теми книгами, которые якобы на самом деле были ниспосланы Моисею, Давиду и Иисусу и которые не сохранились. Священным Писанием считается только Коран, который якобы сохранился неизменным и который был послан всему человечеству, в отличие от предыдущих Писаний, которые, как убеждены мусульмане, были посланы только одному конкретному народу. Они признают в Библии только то, что согласно с Кораном, то же, что противоречит ему, они объявляют позднейшими человеческими искажениями.

■ Четвертая основа: вера в посланников

Такая вера подразумевает собой твердую убежденность в том, что Аллах направил к каждому народу посланника, призывавшего людей к поклонению одному лишь Аллаху, у которого нет сотоварища.

В Коране поименно названо 25 пророков: Адам, Нух (Ной), Идрис, Худ, Салих, Ибрахим, Исмаил, Исхак (Исаак), Йа'куб (Иаков), Йусуф (Иосиф), Лут (Лот), Шу'айб, Йунус (Иона), Муса, Харун (Аарон), Илйас (Илия), Закарийя (Захария), Йахйя (Иоанн Креститель),

Йаса' (Исайя), Зу-ль-Кифль (Александр Македонский), Дауд, Суляйман (Соломон), Айуб (Иов), Иса, Мухаммед.

Кроме них были и другие посланники. Все они были благочестивыми, правдивыми и богобоязненными и призывали свои народы к единобожию. Особо великими считают Нуха, Ибрахима, Мусу, Ису и Мухаммеда. Сам образ библейских пророков в исламе зачастую совершенно иной, основанный на рассказах Корана и хадисов.

Таким образом, посланников было несколько десятков тысяч. При этом и с библейским пониманием слова «пророк» мусульманское понимание имеет мало общего. Если в христианстве и в библейском понимании пророк это тот, кто возвещает будущее, то в исламе это человек, посланный с особой миссией от Бога, но будущее он не обязан знать и не знает. Примером является сам Мухаммед. В хадисах прямо говорится, что он не знает того, что случится с ним и что случится завтра, никто не знает когда пойдет дождь и т.д., в Коране говорится, что Мухаммед не прорицатель, т.е. не тот, кто пророчествует.

Лица, упомянутые в Коране, имеют те же наименования, что и в Библии, но не имеют к реальным библейским лицам никакого отношения. Представления о них совершенно иные. Это совсем иные личности, про них рассказаны совсем иные истории, у них выведены совсем иные характеры, и им отведено совсем другое место. Неслучайно, что арабские христиане употребляли совсем иную форму названия Господа Иисуса. Если в Коране употребляется форма Иса, то арабские христиане употребляли форму Иесуа для того, чтобы дистанцироваться от этого мусульманского представления, потому что

это представление не имеет ко Христу ни малейшего отношения. Точно так же как те оккультные апокрифы, которые возникают в последние десятилетия, где фигурируют Христос, апостолы и др. библейские лица, от лица которых написана совершенная нелепица. Нельзя сказать, что это как-то относится к реальным библейским лицам. То же самое и в исламе. Нельзя сказать, что мусульмане почитают Христа, Моисея или кого-либо из библейских пророков, фактически они почитают совершенно иных лиц, выведенных как персонажей в мусульманском священном писании и последующей литературе. Так, например, считается, что Соломон занимался, главным образом, разговорами с птицами, зверями, насекомыми и духами. Авраам приносил в жертву не Исаака, а Измаила, вместе с ним построил Каабу и т.д. По сути, ислам изображает под именами библейских пророков и Самого Христа совершенно иные личности.

Имеет смысл обратить особое внимание на учение ислама о Христе. Согласно мусульманскому учению, Христос родился непорочно, т.е. без участия мужчины от Девы Марии. Он был обычный человек, который имел пророческую миссию. В Коране говорится, что он слово и дух Аллаха, но мусульмане на это не обращают особого внимания. Он был наделен даром чудотворения, а именно: исцеления людей, оживления глиняных птичек и воскрешения мертвых. По мусульманским представлениям Христос предсказывал пришествие Мухаммеда, написал Евангелие, в котором содержался призыв к единобожию и предсказание пришествия Мухаммеда. Он имел апостолов. Иудеи хотели его распять,

но по ошибке распяли другого человека, а Аллах восхитил к себе Иисуса, как пророка Илию. Он находится сейчас на небе. Перед концом мира он явится второй раз, будет жить здесь как нормальный человек, при этом будет заниматься проповедью ислама. По мусульманским представлениям тот Иисус, которого они ожидают, будет уничтожать кресты и само христианство, якобы исказившее его миссию. Потом он умрет и будет похоронен в Медине. Там для него специально подготовлена могила. Когда Мухаммед умирал, то он завещал оставить по левую руку от себя место для Иисуса. Это завещание соблюли и могилы его сподвижников и сторонников заполнили все вокруг, а это место осталось как могила для Иисуса.

В отличие от всех предыдущих пророков, которые якобы посылались к определенным народам, Мухаммед считается направленным ко всем людям и джиннам и потому самым величайшим из пророков и совершеннейшим из людей, непреложным образцом для подражания. Его посланничество универсально, и без принятия его как пророка человек не может оказаться в раю.

Также Мухаммед, по мусульманским представлениям, является последним пророком, «печатью пророков» и после него уже не может быть послано иных, новых пророков.

Мусульманские ученые расходились во мнениях о том, в чем состоит разница между пророком и посланником. Кто-то говорил, что разницы никакой нет, другие же полагали, что между пророком и посланником есть разница, сходясь во мнении о том, что миссия посланника является более специфической, чем миссия пророка.

■ Пятая основа: вера в последний день

В эту основу входит весь комплекс мусульманских эсхатологических представлений. Последним днем является день воскресения, когда Аллах поднимет людей из их могил для отчета и воздаяния. Он будет судить их, после чего часть попадет в рай, а другая часть окажется в аду.

Знанием о времени наступления этого часа обладает один лишь Аллах. Известно, что ему будут предшествовать: появление тридцати лжепророков, три лунных затмения, землетрясения, снисхождение с небес Иисуса, который «уничтожит все кресты» и т.п.

После того, как человек умирает, он подвергается «испытанию могилы»: ему являются двое ангелов, которые дознаются о его вере и жизни, душу нечестивого ангелы подвергают избиению, душа же мусульманина пребывает в состоянии блаженства вплоть до дня воскресения. Оно произойдет, когда ангел Исрафил, затрубит в трубу. От одного трубного гласа все живое в мире погибнет, от другого трубного гласа люди воскреснут и восстанут из могил.

Потом все люди предстанут перед Аллахом. При этом будут развернуты свитки с делами и будут спрошены как посланники, так и члены их общин. Однако задавать вопросы и рассчитываться с людьми будут по-разному. Что касается мусульман, то им будут предъявлены грехи их, они признают их, и грехи эти будут покрыты. Умершие на джихаде пройдут в рай, минуя процедуру Суда. Остальные мусульмане будут подвергнуты Суду, пройдут через весы и прочтут записи своих дел.

Так как у немусульман не окажется благих дел, расчет с ними будет состоять в том, что им представят их дурные дела и подвергнут их порицанию.

Затем все люди направятся к мосту ас-Сират, пролегающему над адом и ведущему к раю. Праведные мусульмане сумеют пройти по нему и избежать ада, что же касается тех, кому уготован ад, то они упадут с этого моста. Перед входом в рай праведные мусульмане будут остановлены, и им будет предоставлена возможность воздать своим обидчикам за те обиды, которые они нанесли им в этом мире.

В раю мусульмане будут предаваться всяческому наслаждению: они будут иметь дома среди райских садов, множество красивых гурий — существ, специально созданных для утоления сексуальных желаний праведников, будет и другой род существ — мальчишки-прислужники, подающие яства и питье. Вино, мед и молоко будут литься рекой. При этом находящиеся в раю всегда будут видеть ад — созерцание мучающихся в огне врагов является одним из удовольствий мусульманского рая.

Оказавшиеся в аду будут претерпевать жуткие пытки от специальных ангелов: с них будут сдирать кожу, наливать в рот раскаленного железа и т.д. и т.п. Особенно грешные мусульмане на некоторое время могут попасть в ад, но затем, по ходатайству Мухаммеда, будут выведены из него и допущены в рай ради их ислама. Что же касается немусульман, то их мучения будут вечны.

Рай и ад сотворены Аллахом и существуют в настоящее время. Как рай, так и ад пребудет вечно и никогда не исчезнет.

■ Шестая основа: вера в предопределение

Как в Коране, так и в сунне имеется множество указаний на существование предопределения и обязательность веры в него, например: *«Поистине, Мы сотворили каждую вещь по предопределению»* (Коран 54, 49), и: *«Веление Аллаха предопределено»* (Коран 33, 38.).

Исламская вера в предопределение включает в себя следующие составные части:

1. Вера в то, что знание Аллаха охватывает собой абсолютно все, он знал обо всех людях еще до того, как Он сотворил их, Он заранее знал обо всех их поступках, их уделе, сроке жизни каждого из них и т.д.

2. Вера в то, что Аллах записал все это на Хранимой Скрижали. В «Сахихе» Муслима приводится хадис, передающий слова Мухаммеда: *«Аллах записал судьбы всего сотворенного за пятьдесят тысяч лет до того, как он сотворил небо и землю»*. Это предопределение касается как целого, так и частных.

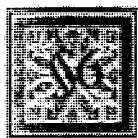
3. Вера в то, что воля Аллаха всегда исполняется, что могуществу его нет предела, и что происходит лишь то, чего желает Аллах, что во владениях его ничто не происходит против воли его.

Мусульманское богословие разделяет волеизъявление Аллаха на два вида: волеизъявление, не связанное с любовью и благоволением, и волеизъявление, включающее в себя элементы любви и благоволения. Это означает, что если имеет место нечто, связанное с проявлением повиновения, то Аллах пожелал это во втором смысле этого слова, то есть, что он любит это и это угодно ему. Если же случается нечто, связанное с послушанием, это значит, что Аллах

пожелал этого в первом смысле слова, но подобные действия ему ненавистны и неудобны. Так как все в мире предопределено и сотворено Аллахом, то все происходящее — и добро и зло — равно исходят от него.

Поскольку человек не знает того, что ему предопределено, каждый должен стремиться к тому, что может принести ему пользу в религиозном плане.

Исламский ритуал

Самые главные ритуальные и обрядовые обязанности мусульманина выражены в так называемых «пяти столпах ислама»: исповедании веры, молитве, милостыне, посте и паломничестве в Мекку.

■ **Первый столп:** исповедание веры (*таишаху́д*): «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед — пророк его». Произнесение этой фразы в присутствии минимум двух мусульман автоматически делает человека мусульманином. В этом и состоит вся инициация при принятии ислама. Обрезание желательно, но для взрослых не является обязательным.

■ **Второй столп:** исполнение ежедневной пятикратной молитвы (арабск. — ас-саля, тюрк. — намаз). То, что

называют молитвой мусульмане, совершенно не тождественно тому, что понимают под молитвой христиане. Если в православном христианстве под молитвой понимается живое общение, личный разговор человека с Богом, и именно факт этого непосредственного личного общения составляет смысл молитвы, то, с точки зрения ислама, молитва — это раз и навсегда жестко закрепленный ритуал, состоящий из чередования одних и тех же неизменных поз и фраз исключительно на арабском языке, смысл которого состоит в выражении покорности перед Аллахом. Малейшее нарушение предписанного ритуала делает молитву недействительной. Личные прошения позволяют после совершения необходимого ритуала, но это не необходимо и, согласно исламу, не есть то, что делает молитву молитвой.

Время, условия, порядок исполнения намаза строго регламентированы. Кроме ежедневной существуют и другие обязательные молитвы. Молитва бывает индивидуальной, когда верующий совершает ее сам, и коллективной (ежедневная пятничная молитва в мечети и др.)

Молитве предшествует обязательное очищение (*тахара*). В зависимости от степени оскверненности человека (после обычных физиологических опавлений, рвоты либо же совокупления и др.) совершается либо малое омовение (*вуду*), либо полное омовение (*гусль*), в случае отсутствия воды возможно очищение песком (*тайамум*). Без омовения молитва недействительна.

Молитва всегда совершается в сторону Мекки, направление молитвы называется *кибла*. Известно, что первоначально *кибла* мусульман была в сторону Иерусалима, но затем Мухаммед изменил ее.

Обязательных ежедневных молитв пять: утренняя, полуденная, предвечерняя, вечерняя и ночная.

Во время молитвы читается первая сура Корана (*аль-Фатиха*), а также любой другой отрывок из Корана. С самого возникновения мусульманская молитва была настолько формализована, что приняла характер некоего заклинания. Каждой молитвенной формуле соответствуют определенные телодвижения и положение тела (стоя, сидя на коленях, поясной поклон, земной поклон). Один цикл таких телодвижений называется ракатом. Каждая молитва включает несколько обязательных ракатов; из усердия мусульманин может совершить также дополнительные ракаты.

В случае коллективной молитвы в мечети имам становится впереди, произносит необходимые формулы и совершает ракаты, а сидящие за ним рядами мусульмане синхронно повторяют все действия. Молитва в мечети отличается также наличием проповеди (*хутба*), которую произносит имам. Считается, что пятничная молитва в мечети на 27 ступеней выше индивидуальной молитвы.

Призыв на общую молитву — азан — заблаговременно осуществляется специальными служащими (*муэдзинами*) с минаретов мечети. Он также служит объявлением о наступлении времени очередной из пяти молитв, так что те мусульмане, которые не могут посетить мечеть, должны исполнить молитву на том месте, где они находятся. Даже тяжелобольные должны исполнять ее, заменяя поклоны кивками головой. Исключение делается для малолетних (до 7 лет) детей, беременных женщин и солдат, участвующих в боевых действиях.

■ **Третий столп:** часто переводят как «милостыня» (*закят*), хотя и по содержанию, и по форме это явление противоположно христианскому представлению о милостыне. Если для христианина милостыня есть исключительно добровольный акт пожертвования, творимый во славу Божию любому, кто в этом нуждается, и по этом так, чтобы левая рука не ведала, что творит правая; то в исламе милостыня есть скорее религиозный налог, приносимый публично в мечети (причем при всех оглашается сумма пожертвования), который должен выплачивать каждый обеспеченный мусульманин. Он составляет примерно 2,5 % своей годовой прибыли и определенных видов имущества. Закят должен расходоваться на нужды неимущих мусульман. Этими неимущими могут быть и свои родственники, так как Мухаммед во многих хадисах говорит о предпочтительности милостыни родным перед милостыней незнакомым. Милостыней считается только пожертвование мусульманину, исключение делается в том случае, когда с помощью закята можно привлечь неверного к исламу.

■ **Четвертый столп:** соблюдение религиозного поста (араб. — *ас-саум*, тюрк. — *ураза*) в течение 30 дней месяца Рамадан по мусульманскому лунному календарю, который ежегодно смещается по отношению к солнечному на 11-12 дней. Пост обязателен для всех мусульман, кроме больных, немощных людей, несовершеннолетних детей, беременных и кормящих женщин. Те, кто временно освобожден от поста или нарушил его случайно, должны поститься после окончания месяца Рамадан в течение потерянных дней.

Соблюдение поста в месяце Рамадан связано с тем, что именно в этот месяц Аллах через архангела Гавриила впервые ниспослал Мухаммеду в виде откровения Коран.

Как и в случае молитвы образ мусульманского поста сильно разнится от христианского представления о посте. Это не продолжительное аскетическое воздержание, как в христианстве, но спорадическое голодание, когда в течение светлого времени суток человек не ест и не пьет и воздерживается от супружеских отношений. От заката до восхода все запреты снимаются. Это различие принципиально, так как в христианском посте продолжительность аскезы является средством для приобретения духовного навыка, который скачкообразным непродолжительным воздержанием приобрести невозможно. Несовершенство исламского предписания о посте видно также из тех проблем, с которыми сталкивались мусульмане, оказавшиеся во время поста за полярным кругом во время полярного дня.

Характерно, что согласно Корану, первоначально мусульмане постились общепринятым для других религиозных традиций постом, однако затем Мухаммед сообщил об откровении относительно поста только в светлое время суток якобы из-за желания Аллаха облегчить им способ воздержания (Коран 2, 183).

От зари и до заката, помимо принятия пищи и супружеской близости, запрещаются курение, вдыхание ароматных запахов, нельзя также закапывать капли, задерживать содержимое кишечника, пускать кровь или ставить банки.

Согласно достоверному хадису, соблюдение поста в месяце Рамадан обеспечивает прощение всех грехов, совершенных за год.

Завершается пост праздником разговенья (Ид аль-фитр или Ураза-байрам), который продолжается три первых дня следующего лунного месяца шавваля. Это один из двух великих мусульманских праздников. Во время этого праздника обязательно участие в общей молитве в мечети и совершение милостыни, имеется обычай посещения в этот праздник кладбищ и устроение поминок.

■ Пятый столп: большое паломничество в Мекку (хадж), которое совершается в двенадцатый месяц (зуль-хиджа) мусульманского лунного календаря. Паломник, совершающий хадж, должен быть в здравом уме и хорошего здоровья, совершеннолетним и свободным. Хадж совершается в специальных одеждах, и во время его действуют некоторые ограничения.

Сам обряд хаджа — несколько видоизмененная языческая практика доисламской Аравии. В это время мусульмане совершают ряд ритуальных действий, берущих начало от доисламских времен. Они совершают обход вокруг Каабы, кланяются и прикладываются к Черному Камню (нюхают его), пребывают в стоянии у подножия гор Мерв и Сафа, бросают камни в специальные столбики, изображающие дьявола, слушают проповеди мекканского имама, пьют воду из священного колодца Земзем и др.

Вокруг самой Каабы в более поздние времена был построен гигантский комплекс зданий, называемых священной мечетью. Каждый год во время хаджа его посещают до 100 000 мусульман. Все они должны совершить одни и те же действия синхронно, в одно время. К сожалению, нередко случаи, когда в тесных для

такого количества народа переходах десятки, а в некоторые года сотни и даже тысячи паломников погибают от духоты и давки. Пытаясь ограничить количество подобных печальных происшествий, правительство Саудовской Аравии вводит квоту: допуская каждый год не более 1% мусульманского населения из каждой страны. А поскольку средняя продолжительность человеческой жизни составляет отнюдь не сто лет, получается, что физически не возможно выполнить всем мусульманам это обязательное предписание.

Наконец, на горе Арафат паломники приступают к жертвоприношениям в знак готовности служить Аллаху и в память о жертвоприношении Авраамом Исаи́ла (по мусульманским представлениям). Для принесения жертвы мусульмане специально откармливают выбранное животное, следуя Корану (Коран 22, 37).

День совершения хаджа является самым главным ежегодным праздником мусульман, который называется праздником жертвоприношения (араб. — Ид аль-курбан, тюрк. — Курбан-байрам). В этот день все мусульмане, даже те, кто не совершают хадж, стараются совершить жертвоприношение.

Над приготовленной к закланию жертвой священнослужитель мечети — мулла или муэдзин — читает специальную молитву, в которой вспоминается жертвоприношение Ибрахима, а владелец животного или специально нанятый человек в это время перерезает ей горло. Прежде чем барана режут, его обязательно валят на землю головой в сторону Мекки, в рот часто кладут леденец (набод), который потом вынимают, так как он становится благословенным. Собранную

кровь и печень барана завертывают в черную тряпку, чтоб скрыть от света. Жертве должно быть не менее года, она должна быть здорова и не иметь никаких недостатков. Считается, что овца или коза могут быть принесены в жертву только от одного человека, а корова, бык или верблюд — от семи человек. Обычно режут барана, козу, корову или быка — двухлеток, жертвенному верблюду, как правило, бывает не менее пяти лет.

Часто шкуры принесенных в жертву животных отдаются в мечеть. Мясо варят и съедают за общей трапезой, на которой может присутствовать любой мусульманин, во главе стола обычно бывает мулла или особо почетные приглашенные. Считается, что мусульманин, совершив заклание, не должен скупиться на угощение, необходимо обязательно накормить бедных и голодных. Ритуальное угощение (худойи, садака) устраивается также во избежание всевозможных несчастий и болезней. Иногда мусульмане приготовленных к закланию животных разукрашивают яркой краской, обвешивают ожерельями и колокольчиками. Мусульмане верят, что у входа на мост ас-Сират в Судный день будут находиться животные, принесенные в жертву в праздник Ид аль-курбан, на которых хозяева животных будут переправляться в рай, потому хозяин старается так пометить своего барана, чтобы быстрее его найти. Считается также, что каждая капля крови, пролитая жертвой, рождает новую гурию в райском саду.

Исламский закон

□ Шариат

Шариат (араб. «аш-шар'а» — «закон», «ясно установленный путь»), представляет собой комплекс верований и религиозно-правовых норм, которым должен следовать мусульманин. Нормы шариата охватывают две области: отношения человека с Богом и его отношения с другими людьми и общиной, регулируя практически все сферы повседневной жизни. Сложившись в средние века, он до сих пор остается действующим в ряде мусульманских стран.

Шариат с самого начала был органически слит с богословием ислама, пронизан его религиозно-этическими представлениями. Согласно исламу, правовые установления рассматриваются в качестве части единого божественного порядка и закона, которым управляется мир. Шариат в целом и его собственно доктринально-нормативная часть (*фикх*) вобрали в себя не только правовые установления, но и религиозную догматику и мораль. Такая слитность шариата нашла свое специфическое выражение в том, что его нормы, с одной стороны, регулировали общественные отношения, а с другой — определяли отношения мусульман с Аллахом (*ибадат*).

Существуют различные взгляды на соотношение шариата и фикха (собственно мусульманского права). Некоторые мусульманские авторы рассматривают эти понятия как синонимы, другие считают шариат (как Богом данный закон) предметом фикха как правовой теории.

Мусульманские ученые-юристы, не порывая с основополагающими и традиционными началами шариата, выработали целую серию новых правовых доктрин и норм, имеющих глубоко юридическую природу. Из них особую известность и авторитет в мусульманском мире приобрели Абу Ханифа (ум. 767), Малик ибн Анас (ум. 795), Мухаммед ибн Идрис Шафии (ум. 820) и Ахмад ибн Ханбал (ум. 855).

Постепенно и сторонники ортодоксального направления шариата (сунниты) сгруппировались в четыре основных направления (*мазхаба*), представлявших собой по существу самостоятельные правовые школы, связанные с именами перечисленных выше четырех виднейших мусульманских правоведов: ханифиты, маликиты, шафииты, ханбалиты. Ряд самостоятельных школ возник и на базе шиизма: исмаилитская, джафаритская, зейдитская и др.

Основателем **ханифитского мазхаба** является Абу Ханифа. Этот мазхаб возник в восьмом веке в г. Куфа (Ирак). Особенности этого мазхаба: Коран понимается как источник права целиком и безоговорочно; Сунна принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов; согласованное мнение (иджма) предшественников учитывается лишь, если оно исходит от передатчиков достоверных хадисов. Однако при исследовании новых вопросов принимается иджма любой группы авторитетных лиц, что создает возможность региональных иджма. Суждение по аналогии (кияс) может

строиться на любом достоверном материале, но обязательно с глубоким логическим обоснованием. Если решение, принятое на основании кияса ведет к вредному или абсурдному результату, применяется предпочтительное решение (истихсан).

Ханифитский мазхаб допускает широкое применение обычного права как вспомогательного, но независимого источника права, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в деловые и бытовые контакты с иноверцами, получать значительные послабления в быту. Благодаря широкой терпимости этот мазхаб начиная с XI в. стал быстро распространяться и в настоящее время ханифитами, является подавляющее большинство мусульман России (кроме некоторых народов Северо-Восточного Кавказа), Средней Азии (кроме исмаилитов Памира) и стран Балканского полуострова.

Основатель **маликитского мазхаба** — Малик ибн Анас Аль-Асбахи (713—795). Как и Абу Ханифа, имам Малик располагал источниками мусульманского права по мере их важности: Коран, Сунна, иджма и местные обычаи. Особое значение он придавал хадисам как инструменту юридической практики. В отличие от Абу Ханифы, Малик не требовал, чтобы используемый хадис относился к категории широко известных. Главным для него было, чтобы передатчики этих хадисов не слыли явными лжецами или же не страдали слабой памятью. Особое значение Малик придавал практике жителей Медины и отвергал даже достоверные хадисы в том случае, если они противоречили повседневной практике жителей Медины. В настоящее время большинство мусульман, придерживающихся маликитского мазхаба, проживают в Африке.

Основатель **шафиитского мазхаба** — аш-Шафии, абу Абдаллах (767—820), ученик Малика ибн Анаса. Этот мазхаб сложился под влиянием ханафитского и маликитского мазхабов и воспринял их особенности. Шафиитский мазхаб признает использование истихана и решение на основе обычаев, но особо выделяет использование иджма. Мазхаб имеет сторонников в Палестине, Адене и на юге Аравийского полуострова, распространен среди представителей большинства коренных народов Дагестана (кроме ногайцев), чеченцев и ингушей.

Основатель **ханбалитского мазхаба** — Ахмад ибн Ханбал (780—855). Ханбалиты одними из первых приступили к систематизации традиционалистской концепции вероучения. Они отвергали как буквальное, так и аллегорическое толкование Корана и хадисов, а также возможность любого рационалистического истолкования догматов веры.

Важной особенностью этого мазхаба является отрицание любых нововведений в области вероучения и мусульманского права, не имеющих прямого обоснования в Коране и хадисах. Нетерпимый к «новшествам», ханбалитский мазхаб крайне строг в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата.

В средние века ханбалиты как носители суннитского «правоверия» нередко становились во главе массовых городских движений против «нечестивых» правителей и против местных христиан. В XVIII веке в Аравии идеи ханбалитского мазхаба легли в основу ваххабитского движения. В настоящее время ханбалитский мазхаб является господствующей богословско-правовой школой в Саудовской Аравии и ряде других стран Аравийского полуострова.

Среди несуннитских правовых школ можно упомянуть **зейдитский мазхаб** — по имени ее основателя Зеида бен Али. Эта школа считается наиболее близкой суннитским школам. Главное произведение Зеида бен Али — сборник юридических хадисов. Эта школа преобладает в Йемене.

Другая шиитская школа — **джафаритский мазхаб**, основанная Саадеком Аль-Джафари. Ее последователи опираются только на традиции имамов, выходцев из семьи пророка. Джафаризм доминирует в Ираке и Иране.

Школы мусульманского права различаются между собой по многим деталям, но их принципы остаются общими. Так, кто-либо может примкнуть к другой школе, подчиниться власти иной школы, при этом он не перестает считаться мусульманином.

■ Источники права

Мусульманское право имеет четыре источника права. Это, прежде всего, Коран — священная книга ислама; затем Сунна, или традиции, связанные с посланцем Бога; в-третьих, *иджма*, или единое соглашение мусульманского общества; наконец, в-четвертых, *кияс*, или суждение по аналогии.

Коран, бесспорно, первый источник мусульманского права. Между тем, очевидно, что содержащиеся в нем положения юридического характера явно недостаточны для того, чтобы регламентировать все отношения, возникающие между мусульманами.

Значительным образом дополняет Коран в этом отношении Сунна, которая содержит множество хадисов

юридического характера. Только достоверные хадисы могут служить основой для выработки правовых норм.

Отвергаемая некоторыми шиитами, иджма считается третьим источником мусульманского права. По единодушному мнению докторов права, иджма используется для углубления и развития легального толкования упомянутых источников.

Для того чтобы норма права была основана на иджме, необязательно, чтобы масса верующих признала ее или чтобы эта норма соответствовала единому чувству всех членов общества. Требуемое единство — это единство компетентных лиц — факихов. Их единогласное мнение придает правовому решению силу закона.

Коран, Сунна и иджма — три основных источника мусульманского права, но эти источники различного характера и значения. Сегодня лишь некоторые крупные ученые обращаются непосредственно к двум первым источникам, пытаясь на их фундаменте найти ответ для решения современных проблем, например, вопросов искусственного осеменения или продажи человеческих органов.

По сути, иджма в настоящее время представляет собой единственную реальную основу мусульманского права. Коран и Сунна — только ее исторические источники. Современный судья ищет мотивы для решения не в Коране или сборниках хадисов, а в книгах, в которых изложены решения, освященные иджмой. Поэтому иджма имеет исключительно большое практическое значение. Только будучи записанными в иджму, нормы права, независимо от их происхождения, подлежат применению.

□ Шариат и христиане

В целом по шариату немусульманин в уголовном праве уравнен перед лицом закона с мусульманином и имеет равные наказания и права, однако на деле зачастую слово и свидетельство мусульманина перед лицом мусульманского судьи значит больше, чем свидетельство иноверца. С другой стороны, шариат предписывает немусульманам как определенные ущемления в правах (например, запрет на использование колоколов, на ношение той же одежды, что и мусульмане, на принятие государственных постов и многое другое), так и наложения дополнительных обязанностей (уплата особых налогов — подушного и поземельного, обязанность безвозмездного участия в общественных работах, оказание помощи мусульманам и т.п.).

Кроме того, в шариате существует несколько наказаний, которые распространяются только на немусульман. Хула на ислам или на его основателя карается смертной казнью. Проповедь среди мусульман по шариату карается также смертной казнью. Обращение из ислама в иные религии карается смертной казнью. Обратившемуся следует предоставить три дня на размышления и предложить денежное вознаграждение в случае возвращения в ислам. Если возвращения не последует, предписывается применение пыток, если и оно не даст результата, перешедший в иную веру должен быть казнен. Ханифиты считают, что казнить следует мужчин, а женщин приговаривать к пожизненному заключению. Последователи остальных мазхабов убеждены, что и женщин в этом случае надлежит казнить.

В случае, если перешедший в иную религию недоступен для действия мусульманских законов (например, выехал за границу), он считается юридически «умершим», его имущество разделяется между наследниками, жена, как «вдова», вправе выйти замуж за другого мужчину.

Все это сохраняется как реальность в ряде мусульманских государств. Например, статья 306 Конституции Мавритании гласит: «Всякому мусульманину, виновному в отступничестве от веры словом или делом, надлежит принести покаяние в течение трех дней, в противном случае он приговаривается к смертной казни как вероотступник, а его имущество подлежит конфискации и передаче в доход государства». В свою очередь верховный суд Египта вынес решение о признании отвернувшихся от ислама мусульман подпадающими под понятие «гражданской смерти». Такой человек теряет все свои гражданские права и полномочия. Он не вправе снимать денежные средства со своих банковских счетов. Убивший его не считается преступником, поскольку его жертва юридически признана «умершей». Законодательство находит реальное выражение в практике: в 1991 году в Иране за обращение в христианство был повешен Хуссейн Судманд. В 2000 году в Йемене был приговорен к смертной казни за то же самое Мухаммед Омер Али Хаджи. В 1995 г. в Саудовской Аравии были отрублены головы филиппинским христианам, которые тайно собрались на молитву перед Рождеством (в этой стране запрещены также любые немусульманские религиозные собрания).

Течения и секты в исламе

На протяжении истории в исламе возникало множество сект и течений, многие из которых сохранились и до селе. Первые из них — сунниты, шииты и хариджиты. Поскольку сунниты составляют подавляющее большинство всех мусульман (около 90%), в настоящем пособии мы ориентировались именно на это течение, излагая его богословие, ритуальную практику и т.д. Несколько слов стоит посвятить и иным течениям.

Шииты

Шииты (араб. шиа — приверженцы, партия). Вскоре после смерти Мухаммеда (632) часть его сподвижников выступила за сохранение верховной власти в «семье пророка», считая незаконной присягу Абу Бакру. В борьбе за власть образовалась религиозно-политическая группировка (шиа) сторонников передачи верховной власти Али как ближайшему родственнику (двоюродному брату и зятю) и духовному преемнику «пророка».

После убийства Али в 661 г. его сторонники повели борьбу за возвращение верховной власти в «семью Пророка», имея в виду исключительно род Али. Большинство

шиитов обосновывало эти требования родством Али с Пророком, его личными качествами и заслугами перед исламом. Часть шиитов проповедовала, что Мухаммед назначил Али своим духовным преемником и что сам Али наделен божественной благодатью.

Военно-политические поражения шиитов (гибель сына Али, Хусейна, разгром восстания аль-Мухтара и др.) направляли их энергию в область религиозных идей. Среди шиитов получили широкое распространение представления об имамах как носителях божественной субстанции.

Шииты верят, что Мухаммед, наделенный божественной благодатью, передал ее своим потомкам. Для шиитов важна «святость» не только пророка, но и Али, авторитет которого базировался и на его личных качествах. Али в некоторых шиитских сектах почитается не менее, чем пророк.

В соответствии с этими принципами у шиитов сложилось представление о святых имамах. Имамом может быть только алид — потомок пророка из линии Али. Обычно шииты насчитывают двенадцать святых имамов. Благодать передавалась от Али через Хусейна и Хасана (сыновей Али от Фатимы), их детей и внуков, вплоть до некоего Мухаммеда, который в IX в. исчез (но не умер). Считается, что он явится вновь к людям в виде Махди (мессии) и создаст царство истины и справедливости.

Шииты создали свой кодекс священных текстов. В большинстве своем они признают канонический текст Корана. Однако они не удовлетворены тем, что в этой книге не отражена роль Али (существуют даже шиитские версии Корана с добавлением суры «Два

светила», в которой Мухаммед и Али поставлены рядом).

Шииты верят, что истинный текст Корана явится вместе с Махди.

У шиитов особую роль играет культ сына Али — Хусейна, который также был убит. Верующие ежегодно вспоминают о мученической смерти внука пророка, выступившего против омейядов (он был растерзан солдатами-мусульманами на части, ибо никто не хотел брать на себя личную ответственность за это убийство). В ходе ритуала многие фанатики подвергают себя самоистязаниям, следуя за колесницей с изображением Хусейна. Так они приобщаются к святости пострадавшего за веру имама. Крайности этого ритуала иногда приводили к смерти верующих.

Будучи гонимыми, шииты все более спланивались вокруг своих духовных вождей, слова которых они считали истиной в последней инстанции. В результате резко возросла роль шиитских имамов (по сравнению с суннитскими). Претендуя на право говорить голосом скрытого пророка, шиитские имамы играли едва ли не большую роль, чем государственная администрация.

Важную роль в организации шиитов играли алиды. Они воспринимались в качестве представителей особого сословия, наделенного высшей благодатью и поэтому имевшего особые привилегии. Представители этого сословия — сейиды имели даже особую одежду (зеленое платье — цвет пророка — и черный тюрбан).

Основная часть шиитов — **шииты-имамиты** — почитает двенадцать святых имамов, включая скрытого.

Большинство приверженцев этого направления в исламе живет в Иране.

Исмаилиты. В середине VIII в. от них отделилась другая крупная шиитская секта — **исмаилиты**. Ее возникновение связано с расколом среди шиитов. Большинство шиитов признало седьмым имамом Мусу аль-Казима (сына Джафара ас-Садика). Однако часть шиитов считала наследником имамата старшего сына Джафара — Исмаила, а после смерти последнего в 762 г. — его сына Мухаммеда ибн Исмаила. Последователей этого направления в исламе и стали называть **исмаилитами**.

После смерти Мухаммеда ибн Исмаила произошел новый раскол. Одни считали его последним (седьмым) имамом и ожидали его возвращения. В конце IX в. эта ветвь **исмаилитов** получила название **карматы**. Другая ветвь **исмаилитов** признала имамат одного из сыновей Мухаммеда ибн Исмаила. В начале X в. их стали называть **фатимидскими исмаилитами**. Поскольку обе ветви хранили имя имама в тайне, долгое время не было особой разницы между ними.

Исмаилиты признают семь стадий эманации «высшего мира», которым соответствуют семь пророческих циклов «малого мира». Последний, седьмой цикл, будет отличаться пришествием последнего великого пророка — Каима. Фатимидские исмаилиты разработали строгую систему иерархии религиозных чинов. По этой системе лишь трем высшим степеням доступно истолкование «внутренней» доктрины. Основная масса верующих редко поднимается выше третьей ступени.

Алавиты. Одной из крайних шиитских сект являются алавиты. Ее основателем считается Мухаммед ибн Нусайр (умер в Басре около 883 г.). Будучи приверженцем одиннадцатого шиитского имама, аль-Хасана аль-Аскари (умершего в 873 г.), Мухаммед ибн Нусайр стал проповедовать учение о божественности этого имама, пророком и посланником которого он себя считал. Нусайриты называют его бабом (вратами) аль-Хасана аль-Аскари.

Учение алавитов представляет собой эклектическое смешение элементов шиитского вероучения, христианства и дохристианских астральных культов. Согласно учению алавитов, Бог является воплощением трех ипостасей (Смысл, Имя, Врата), которые периодически воплощаются в пророках.

Как и многие другие шиитские секты, алавиты признают переселение душ (*танасух*), отвергают некоторые обряды и моральные запреты ислама. Они обожествляют Иисуса, почитают христианских апостолов, справляют христианские праздники (Рождество, Пасху). Вместе с этим в учении секты сохраняются элементы астральных культов (почитание Солнца, Луны, звезд).

Алавиты делятся на две категории: непосвященных (амма) и посвященных (хаоса). Последние имеют свои священные книги, которые они толкуют аллегорически, не раскрывая их тайный смысл профанам. Алавитские имамы отправляют культ по ночам в часовнях (кубба), расположенных на возвышенных местах. В Сирии алавиты составляют значительную часть населения (около миллиона человек) и играют значительную роль в жизни страны. К этой секте принадлежали покойный президент Хафез аль-Ассад и многие другие члены сирийского руководства.

Друзы. В горных районах Ливана и Сирии сосредоточена группа населения (около 500 тысяч человек), принадлежащая к шиитской секте **друзов**. Название секты происходит от имени Дарази (XI в.), находившегося на службе у исмаилитского халифа в Египте аль-Хакима. Дарази учил о божественности халифа аль-Хакима, и это стало одним из главных догматов друзов. Проповедь Дарази не нашла поддержки в Египте, но получила одобрение у сиро-ливанских горцев.

Учение друзов носит эзотерический характер: его знает лишь часть общины, которая называется уккаль (разумные); остальные называются джуххаль (неведающие). В число последних могут входить и люди, занимающие высокое общественное положение: крупные землевладельцы, чиновники, офицеры и т.п.

Только разумные собираются для совершения богослужения в ночь с четверга на пятницу в специальных культовых сооружениях (хальва). В число разумных входят совершенные (аджавид), являющиеся высшими религиозными авторитетами друзов.

Религиозные догматы друзов близки к исмаилитским. Друзы верят в возможность воплощения Бога и Божественных эманаций (разум, душа, слово) в человеке. Они верят также в переселение душ.

Несмотря на значительные догматические расхождения, все шиитские секты сохранили в той или иной форме приверженность роду Али.

В настоящее время шиитского вероучения придерживается подавляющее большинство населения Ирана и Азербайджана, более половины населения Ирака, значительная часть населения Ливана, Йемена, Бахрейна.

К исмаилитской ветви шиизма принадлежит большинство жителей Горно-Бадахшанской области Таджикистана.

□ Хариджиты

Хариджиты (от слова «хаваредж» — «вышедшие», «восставшие») были убеждены, что божественная воля проявляет себя через **умму** (мусульманскую общину). В VII в. они считали общину единоверцев воплощением правды и справедливости и готовы были признать власть того, кого изберет община. Они пытались провести в жизнь принцип выборности халифа, подчинить правителя воле народа, утвердить высокие моральные требования к поведению всех мусульман.

Будучи пуристами, хариджиты обвиняли верхушку уммы в лицемерии, обогащении за счет единоверцев, в нарушении социальной справедливости, которая виделась им в равенстве всех соплеменников и всех мусульман.

Для крайних хариджитов, именовавших себя «людьми рая» (т.е. теми, кому заведомо уготована жизнь в раю), верующий — это человек, целиком отдавшийся Богу и делами оправдывающий свое избранничество. Не согласных с ними хариджиты вообще не признавали верующими. Более умеренные группировки хариджитов соглашались признать нехариджитов верующими в единого Бога, но все же отказывали им в праве именовать себя истинно верующими. Крайние хариджиты исключали грешников из числа верующих; умеренные хариджиты, прозванные «прощающими», готовы были считать грешника верующим, если он раскаивался и целиком посвящал себя благим делам.

Хариджиты вменяли в обязанность верующим строгое соблюдение религиозных предписаний, нестяжательство и ограждение от вероотступников и лицемеров. Они готовились к скорому концу света, очищению лика земли от «людей ада». Подобного рода настроения находили благодарный отклик у значительной части верующих.

Ибадиты. В настоящее время из течения хариджитов сохранилась наиболее «умеренная» секта **ибадитов**, последователей Абдаллаха ибн Ибада, который в 684 г. отказался принять участие в мятеже против Омейядов. Успешное ибадитское восстание в 40-х гг. VIII в. привело к возникновению независимой ибадитской общины в Омане, где до сих пор более половины населения составляют ибадиты. Также значительных успехов им удалось достичь в Ливии, где образовалось государство Рустамидов. Ибадиты считали возможным одновременное существование нескольких имамов (глав всех верующих) в разных частях земли ислама. В отличие от большинства хариджитов, ибадиты были фаталистами, отвергали убийство по политическим мотивам, не считали неверующими мусульман, не принадлежащим к их общине.

■ Мутазилиты

Среди течений, не сохранившихся до настоящего времени, заслуживают упоминания **мутазилиты** («отделившиеся»). Возникнув в конце VIII века, в законченном виде учение мутазилитов сложилось в IX-X вв. Мутазилиты выступали против антропоморфизма, про-

поведуя тождество атрибутов Аллаха его сущности. Были сторонниками учения о свободе воли человека, считая, что божественная справедливость предполагает способность человека самостоятельно совершать поступки, за которые он будет после смерти вознагражден в раю или наказан в аду. Отрицали предопределение и стояли за господство разума над слепой верой. Подчеркивали светский характер и происхождение власти халифа. Настаивали на тезисе о сотворенности Корана, доказывая, что противоположное суннитское учение противоречит чистым представлениям о единобожии. В IX в. при халифе ал-Мамуне мутазилитизм на короткое время стал официальной идеологией халифата, была проведена *михна*, мусульманский аналог инквизиции, в результате которой несогласные с учением мутазилитов подвергались притеснениям. Однако при последующих халифах к власти пришли сунниты и гонениям подверглись уже сами мутазилиты, под гнетом которых они и исчезли к XI веку.

□ Ахмадийя

Среди мусульманских сект новейшего времени следует упомянуть секту **ахмадийя**, основанную в XIX веке Мирзой Ахмадом Гулямом, проповедовавшего на территории современного Пакистана о том, что он является пророком и посланником Аллаха. Он учил, что его пророчество восстанавливает истинный ислам. Оно находится под пророчеством Мухаммеда, который воспринимается как наипрекраснейший среди Пророков, но не последний.

В отличие от учения Корана, Ахмад Мирза Гулям учил, что Христос был действительно распят на кресте, но не умер, а потерял сознание. Позднее Он якобы переехал в Кашмир, где жил и учил до 120 лет, пока не умер и не был похоронен в Шринагаре, где последователи ахмадийи доселе показывают место Его захоронения.

Большая часть приверженцев Ахмада Мирзы Гуляма проживает в Пакистане, однако они ведут активную миссионерскую деятельность по всему миру. В 1974 г. верховный суд Пакистана признал это движение немусульманским, что явилось причиной гонений против них.

Исламский мистицизм

Суфизм — (араб. *тасаввуф*) мусульманский аскетизм, подвижничество и мистицизм. «Суфизм есть внутреннее путешествие с целью быть рядом с Аллахом, переживая его присутствие и растворяясь в его любви». Этимология твердо не установлена, хотя название считают производным от слова «суф» — «шерсть», материала, из которого делалась одежда аскетов, или просто набор лишенных этимологии звуков, вызывающих определенные психосоматические реакции.

Начало формирования суфизма относят к сер. VIII—нач. IX вв. Особенно религиозные люди практиковали

многократные дополнительные молитвы, проповедовали аскетизм, отрешение от всего мирского, надеясь, что это приведет их к «высшему знанию» — непосредственному познанию Аллаха. Постепенно выработалась специфическая суфийская идеология, для которой характерны: концепция «пути к Аллаху» (*тарикат*), конечным пунктом которого является «растворение» личности в Аллахе (*фана*), предание себя воле Аллаха (*таваккул*), культ бедности, стремление к мистическому экстазу в иступленной молитве (*зикр*), полное подчинение ученика (*мюрида*) духовному наставнику (*шейху*).

По мнению суфиев, Мухаммед якобы получил одновременно с Кораном эзотерические откровения, о которых сообщил только некоторым из своих соратников. Эти откровения могут передаваться только избранным и только в результате особого посвящения.

Основой суфизма является учение о постепенном приближении к познанию Бога и слиянию с ним через мистическую любовь в интуитивных экстатических озарениях. Соблюдение законов ислама, по их мнению, является лишь первой ступенью на пути к Аллаху, который не позволяет познать природу мира. Суфизм лишен единства. Каждый суфийский учитель собирает себе учеников, которым проповедует учение в своем понимании, на основании своего личного опыта. Суфийские «ордена» (*тарика*) основывали «обители» — ханака или рибат, но многие суфии предпочитали странническую жизнь, таких бродячих аскетов называли дервишами. Суфизм многое заимствовал из учений гностических христианских сект, например, культ «святых» (*вали*), не характерный для классического ислама, учение об эманациях божества (*файд*).

Мистический опыт начинает получать теоретическое осмысление у ал-Хасана ал-Басри, Зу-н-Нуна ал-Мисри (VIII—IX в.), ал-Харраза (ум. 899), философские идеи прослеживаются у Абу Йазиды ал-Бистами (ум. 875), Абу Мансура ал-Халладжа (казнен в 922), Абу ал-Каосима ал-Кушайри (986—1072) и др. Принято говорить об умеренном (ал-Джунайд, ал-Мухасиб) и радикальном (ал-Бистами, ал-Халладж) суфизме. Последний зачастую доходил до экстремизма и проповедования идей, несовместимых с исламом, что вызывало репрессии властей против некоторых суфиев.

Своеобразную «легализацию» умеренного суфизма произвел крупный суфийский мыслитель Абу Хамид ал-Газали (1058—1111). Ярким представителем крайнего суфизма можно считать ал-Халладжа с его знаменитой формулой *'анао-л-хакк* «Я есмь Истина», отождествляющей «я» мистика с Аллахом. Суфизм создал и свою философию. Наиболее выдающимся суфийским философом является Ибн 'Араби (1165—1240), получивший почетный титул «Великого шейха». Философский суфизм тяготеет к пантеизму (концепция «единства бытия», разрабатанная Ибн Араби).

Первоначало и порождаемый им ряд вещей понимаются в суфизме как условия друг друга. Тезис о двуединстве миропорядка, в котором Истина и Творение (Первоначало и мироздание, Бог и мир) полагают друг друга как условия самих себя и невозможны одно без другого, является центральным для суфийской философии в том классическом виде, который она получила в трудах Ибн 'Араби. Но собственно философией не ограничивается значение этого тезиса. Оно простирается и за ее пределы, захватывая,

в частности, вопросы этики, повседневной морали и верования.

Суфийские мыслители, как правило, сохраняют верность положению ислама о том, что это учение является высшим и последним выражением истинного вероисповедания, принесенного человечеству. О столь же безусловной укорененности этической мысли суфизма в общеисламской почве свидетельствует категорическое неприятие идей и идеалов христианского монашества.

Согласно суфийским авторам, ислам — безусловно, истинное исповедание, но столь же безусловно он не является исключительно истинным. Ислам — это знание о Боге и соответствующее этому знанию действие. Однако никакая вещь в мире не является иной в отношении Бога, а значит, и никакое знание не является иным, нежели знание о Боге. То же относится и к действию: никакое действие не совершается ради чего-то иного, нежели Бог, а значит, всякое действие творится во имя единого Бога. Поэтому характерной чертой суфийской философии является крайняя веротерпимость, выраженная в принципе «невозможно поклоняться ничему, кроме истинного Бога». Всякое поклонение оказывается таким образом поклонением истине, но при том обязательном условии, что не претендует на исключительное владение истиной, предполагая иные исповедания как собственное условие. Этот тезис, вызывавший и вызывающий до сих пор крайнюю неприязнь среди многих мусульманских богословов-традиционалистов, апеллирует к современному западному сознанию, чем в значительной степени объясняется популярность суфийских идей на Западе в наши дни.

Суфийское общество. Суфийские духовные ордена — это объединения людей, следующих по мистическому пути под руководством учителя (шейха). Не требуется ни соблюдения обета безбрачия, ни проживания в монастырях, однако требуется абсолютное послушание ученика учителю, который проводит его через ступени духовного опыта. При вступлении в орден последователю даются специальные молитвы и упражнения, характерные его ордену, которые выполняют самостоятельно. Главная суфийская практика — *зикр*, — представляет собой многократное повторение молитвенных формул с целью вхождения в мистический транс.

В суфизме говорят о так называемом тайном знании. Постижение «тайны божественной истины» представляет собой своеобразные отношения субъекта и объекта: связь человека с Богом уподобляется связи капли с морем, в слиянии с которым капля приобретает свое «подлинное» бытие. Первым шагом на этом пути являются использование нелогичных методов, специальной техники и т.п., приводящих человека к бессознательному состоянию духа.

Известно, что богословие ортодоксального ислама не признает культа святых. Тем не менее, в суфизме он занимает определенное место и имеет свою богатую историю и сложившиеся традиции. Несмотря на чуждость этого культа кораническому исламу, он все же носит на себе неизгладимый отпечаток общего мусульманского мировоззрения, а близость и, безусловно, некоторая зависимость его от аналогичного христианского почитания святых тем более делают интересным сравнения, поскольку ярче оттеняют различия.

Чудеса, приписываемые почитавшимся «вали», мусульманским святым, «друзьям Аллаха», внешне достаточно разнообразны. Так, «один чудотворец в Нисибине мог ходить по воде и останавливать течение Джейхуна. Другой из воздуха извлекал драгоценности, а вокруг одного чернокожего факира в Абадане вся земля сверкала от золота так, что его гость в страхе бежал прочь. Один испытывает со своим ослом чудо Валаама... Другой смеется, будучи уже трупом, так что никто не соглашается его обмыть... на кающемся суфия близ Каабы слетела с неба записка с отпущением всех грехов, как уже содеянных, так и всех будущих... по команде отца ордена египетских суфиев Зу-н-Нуна его ложе само перемещалось из угла в угол его дома. Другой суфий сдвинул гору. А основателю суфийского движения ас-Сари сама Вселенная в образе старой женщины подметала пол и заботилась о пище». Абу Исхаку Харави ночью гурии делали ложе из своих кос. Бу Йазид просит Аллаха уведомить землю о его (Бу Йазид) любви, в результате чего происходит землетрясение.

Помимо вышеописанного нередко случаи прозорливости⁶, а также проявлений сверхъестественной кары обидчикам святого (карательные чудеса), на которых мы остановимся более подробно чуть ниже, и экстериоризации, т.е. одновременного присутствия святого в разных местах.

Интересно, что в суфийских легендах о святых незначительно число чудес вспоможения и велико число чудес карательных. Последние присутствуют в жизнеописаниях

⁶ Этот христианский агиографический термин включает в себя как способность предсказания, так и способность чтения мыслей.

как христианских, так и мусульманских святых, однако они обнаруживают одно существенное отличие. Можно сказать, что мусульманские описания чудес такого рода имеют целью внушить страх перед Богом, в то время как аналогичные христианские сказания подчеркивают Божие милосердие к человеку.

Так, Ханафи «отправляет ученика ходатайствовать перед несправедливым судьей, а тот отвечает оскорбительной запиской. Ханафи рвет записку и сообщает, что с ним поступят так же, как и с его посланием. И вот дом судьи разрушен по приказу султана, его богатства конфискованы, а сам он брошен в тюрьму. Хранитель печати удивлен, видя святого в окружении впечатляющего кортежа сановников: «Это обычай правителей, — говорит он, — а не святых». Подобная дерзость дорого ему стоила: он был смещен и приговорен к смерти...

Будучи пьяным, ученик Наджм ад-Дина превозносится над своим престарелым учителем. Узнав об этом, Наджм ад-Дин в гневе проклинает его. Испугавшись, ученик приносит покаяние, на что учитель отвечает: «Раз ты просишь прощения, то веру и религию свою ты спас, но голова твоя пропадет», — и позже ученика обезглавливают. После незаконного убийства другого своего ученика Наджм ад-Дин произносит длинный перечень городов, которые будут в наказание за это разрушены. Позже он сожалеет, что предал разрушению столько городов, но остановить действие своего проклятия не в силах.

В свою очередь в христианских описаниях чудес такого рода доминирует такая особая черта, как прощение обидчика и отмена наказания.

В отличие от чудес пророков (*муджизат*), чудеса суфийских святых (*карамат*) вызывали к себе явно неоднозначное отношение среди мусульман. Многие великие учителя суфизма считали чудеса такого рода ловушками на пути к Богу.

Так, рассказывали, что «когда шейх ал-Бистами (ум. 874 г.) услышал, что некий чудотворец за одну ночь добирается до Мекки, то сказал: „Дьявол, преследуемый проклятием Аллаха, за один час проходит расстояние от восхода солнца до его заката“. А когда услышал, что кто-то ходит по воде и летает по воздуху, то изрек: „Птицы летают по воздуху, а рыбы плавают в воде“». А «когда Абу Саида ибн Аби-л-Хайра (ум. 1049 г.) спросили, какие чудеса числятся за неким суфием, он возмутился и ответил: „Разве не величайшее чудо, что мясник, сын мясника, вступил на мистический Путь... и что к нему приходят бесчисленные посетители, жаждущие получить его благословение?“. Отрицал чудеса также и ат-Тустари (ум. 886 г.), который заявлял, что самым большим чудом является исправление дурной черты характера.

Это отвращение к чудесам выразилось в одном суфийском хадисе, приписывающем Мухаммеду изречение: «Чудеса — месячные мужчин». Это изречение означает, что чудеса проходят между человеком и Богом. Как муж избегает сношения с женой в те дни, когда она нечиста, точно так же Бог отказывает в мистическом единении тем, кто совершает чудеса.

Каковы причины такого недоверия к чудесам — карамат?

Суфии часто совершали чудо «приятия на себя бремена больного». Для этого необходимо очень сильное

таваджжух, — сосредоточение больного и целителя друг на друге; но считается, что шейх и его ученик всегда пребывают, если так можно выразиться, на одной и той же волне.

Для излечения болезней часто используются религиозные формулы. История о том, как святой исцелил глухую девочку, прошептав ей призыв на молитву, — только один пример из длинного списка чудесных исцелений, совершенных святыми при помощи формул зикра или молитв.

Однажды Абу ал-Адйан, мистик X века поспори́л с зороастрийцем, что сможет пройти невредимым через огонь, поскольку огонь сжигает лишь с Божьего соизволения. Он, в самом деле, прошел огонь и ошеломленный зороастриец принял ислам. Ночью же святой обнаружил у себя на ноге волдырь. Он сказал слуге, что волдырь, должно быть, появился в тот самый момент, когда он очнулся от транса, выходя из огня, и добавил: «А если бы я пришел в себя, находясь в огне, я бы сгорел дотла». То есть его сохраняла сила транса.

Интересно также, что, высказываясь о чудесах христианских святых, суфийские подвижники, не отрицая их, определяют как творимые «через нияза, т.е. путем тренировки тела..., и вот этот начальный уровень — это уровень, от которого очень трудно оторваться, очень опасный уровень. Из-за увлечения этим уровнем, в соответствии со степенью увлечения, увеличивается количество преград, завес между ним и Всевышним»⁷.

⁷ Шейх Саид Афанди. Мажмуатуль Фаваид // Ассалам № 3 1999. — С. 8.

Приведенные тексты и выражения свидетельствуют о том понимании, что чудеса мусульманских святых происходят в силу некоего обретенного свойства или способности использовать сокрытые силы человеческого естества либо ритуальные формулы, но не в силу личного участия Бога в каждом из этих чудотворений. Вот, как на эту тему выражается один из современных суфийских авторов: «Суфии относятся к чудесам спокойно, считая их следствием работы **определенного механизма**, который будет оказывать влияние на человека в той мере, в какой он будет находиться в гармонии с ним»⁸. Источник такого рода чудес находится как бы вне Бога и Его воли, что, вероятно, и смущало отдельных строгих мусульманских подвижников, стремившихся максимально сосредоточиться на Единственности.

В то же время христианское представление о чудесах, совершаемых святыми, совершенно иное. Святой предстопит пред Богом, всецело живет в Боге, и Бог, как сыну и наследнику по благодати, дает ему силу дерзновения в молитве и скоро удовлетворяет ей. Но при этом подлинным совершителем чуда всегда является Он Сам, точнее же, это происходит синергийно между ними, личность святого также не выключена из этого процесса. Представление о механическом, неизбежном и неотвратимом даже со стороны самого автора последствии его проклятия, как в описанных выше случаях с Наджм ад-Дином, в христианстве совершенно немыслимо.

Мусульманские подвижники были по-своему очень велики, но их аскеза «основывалась на том, что Аллах,

⁸ *Шах Идрис. Суфизм. М., 1994. — С. 365.*

сотворив однажды этот мир, с тех пор даже не взглянул на него»⁹, тогда как подвижники христианства брали на себя подвиг ради той любви Божией, которой *«так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16).

Да, и в исламе многие мистики также много говорили о любви к Богу. Но любовь, о которой они говорили, которую воспевали и к которой стремились — любовь рабская, и по их же собственному признанию, «высочайшей честью, даруемой Богом, является наименование Абдалла (раб Бога)»¹⁰. «Любить Бога — значит любить покорность Богу»; «истинная любовь — это повиновение Возлюбленному»; таковы объяснения, принадлежащие самим суфиям. А в христианстве человек призван к сыновней, а не рабской любви к Богу. Христианская любовь — это любовь, осмысляемая сквозь призму факта Самопожертвования Бога ради человека.

Суфии понимали коранические описания рая аллегорически, духовно. Можно привести одну суфийскую молитву IX века: «О Аллах, если я служу Тебе из страха перед адом, покарай меня адом; если я служу Тебе из стремления попасть в Рай, лиши меня этой возможности, но если я служу Тебе из чистой любви, тогда делай мне, что Тебе угодно». Этот мотив встречался у многих суфиев. Почти каждый мистический поэт в исламе высказал мысль: „Любящий должен любить так, чтобы не думать об Аде или Рае. Ведь те несколько гурий и дворцы, которые обещаны благочестивому в Раю, суть

⁹ Ат-Туси Абу Наср ас-Саррадж. Указ. соч. — С. 144.

¹⁰ Нубархш Джавад. Иисус глазами суфиев. М., 1999. — С. 25.

всего лишь завесы, скрывающие вечную божественную красоту: Когда он наполняет твои мысли Раем и гуриями, знай наверняка, что он держит тебя в отдалении от себя”.

Однако даже в духовном, мистическом представлении суфиев о посмертной участи человека, отсутствует обожение, та основополагающая для христианина истина, что Бог стал человеком, дабы человек мог стать богом.

Единение с Богом, о котором говорили многие мусульманские подвижники, означало не преобразование целокупного человека в бога по благодати, не причастие сохраняющейся человеческой личности божеского естества, но полное духовное уничтожение личности любящего в созерцании Единственности Возлюбленного.

Один из величайших мистиков ислама, Джалал ад-Дин Руми, выразил это очень точными словами: «С Богом для двух я нет места. Ты говоришь я, и Он говорит Я. Либо ты умираешь пред Ним, либо позволь Ему умереть пред тобой, и тогда не будет дуальности. Но невозможно, чтобы субъективно или объективно умер Он — это Живой Бог, *Который не умирает* (Коран 25, 58). Он обладает таким мягкосердием, что, будь это возможно, Он бы умер за тебя, дабы могла исчезнуть раздвоенность, но так как невозможно, чтобы умер Он, умираешь ты, чтобы Он мог манифестировать Себя тебе, и могла бы исчезнуть дуальность»¹¹.

«Что может горсть снега перед солнцем, как не растаять от его сияния и тепла?»¹² — вопрошал тот же Руми. «Любовь — это уничтожение любящего, исчезающего

¹¹ Читтик У.К. В поисках скрытого смысла. Духовное учение Руми. М., 1995. — С. 214.

¹² Читтик У.К. Там же.

в Его атрибутах», — говорил Абу ал-Касим ал-Джунайд (ум. 910 г.)¹³. Эта жажда суфиев полностью стереть все следы своего «я», раствориться в видении предвечного света Бога выражалась ими посредством термина *фана*, «самоуничтожение», введенным Баязидом Бистами (ум. 874 г.). Суфии не знали обожения и не знали именно потому, что для них была закрыта, точнее же, ими вслед за Мухаммедом была отвергнута как тайна Триединства, открывающая христианам возможность неуничтожения «я» человека при соединении с «Я» Бога; так и тайна Боговоплощения, позволяющая христианам уповать на целокупное преображение человеческой личности — души и тела и являющаяся оправданием Воскресения с точки зрения христианства.

Одной из характерных особенностей суфийской мистики является представление о сатане (Иблисе) как о подлинном монотеисте и совершенном в любви к Аллаху, в чем ему следует подражать.

Эта идея впервые была сформулирована Халладжем (XI в.), Халладж признает только двух истинных монотеистов в этом мире — Мухаммеда и сатану; но Мухаммед — хранитель Божественной милости, в то время как Иблис (дьявол) — хранитель Божественного гнева. По теории Халладжа, «сатана становится большим монотеистом, чем Сам Бог». Поскольку извечная воля Бога заключается в том, что должно почитать только Его Самого и никого другого, сатана отказывается пасть ниц перед тварным существом, несмотря на ясно выраженное Божественное повеление.

¹³ Шиммель Аннемари. Указ. соч. — С. 111.

Это трагическое положение сатаны вызывало сочувствие некоторых поэтов, усмотревших в его судьбе прообраз трудного пути человека в этом мире. Самые прекрасные из написанных на эту тему поэтических произведений принадлежат Сана'и. Возможно, на мысль Сана'и оказал влияние его старший современник Ахмад Газали (ум. 1126), один из наиболее известных поборников реабилитации сатаны, осмелившийся сказать: «Тот, кто не учился таухид (единобожию) у сатаны — неверный». Это замечание всегда вызывало ярость мусульман-традиционалистов, но его отзвуки можно найти во многих более поздних суфийских сочинениях. Аттар, например, вслед за Газали, видит в Иблисе совершенного монотеиста и любящего, который, неся на себе Божье проклятие, воспринимает его как почетное одеяние и восклицает: «Для меня в тысячу раз дороже быть проклятым Тобою, нежели отвернуться от Тебя и обратиться к чему-либо другому». У Аттара Иблис становится образцом совершенного любящего, покорного любому желанию Возлюбленного и предпочитающего разделение по Его воле, по которому он томится. Несколько веков спустя Сармад, обратившийся в суфизм иудей (ум. 1661), писал:

*Идите, учитесь у сатаны служению:
Выбирайте одну киблу и не поклоняйтесь
ничему иному.*

Даже поэзия мистика XVIII века Шаха Абд ал-Латифа, жившего в отдаленной провинции Синд, призывает читателя восхищаться Иблисом как истинным любящим и следовать его примеру. Эти идеи циркулируют и среди некоторых современных суфиев.

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

Еще в IX веке Вселенская Церковь выработала и утвердила специальный чин, по которому следует принимать мусульман. Он находится и ныне в Требниках нашей Церкви. Чин состоит из того, что желающий креститься мусульманин отрекается от главных вероучений и обрядов ислама и исповедует искренность и бескорыстность в желании принять Православие.

В 1180 г. состоялся поместный Константинопольский собор, на котором рассматривался вопрос отношения к мусульманскому представлению о Боге. Император Мануил I Комнин потребовал убрать из чина отречения от ислама анафематизм против «бога Мухаммеда», так как считал, что мусульмане, будучи монотеистами, почитают того же Бога, что и христиане, и тем самым анафема якобы возводится на истинного Бога. Однако отцы Собора отказались подчиниться императору в этом вопросе, объявив, что мусульманское представление о Боге настолько отличается с православным учением о Нем, что не может быть речи о почитании христианами и мусульманами одного и того же истинного Бога.

■ Святые Отцы об исламе

Против ислама писали такие святые как: прп. Анастасий Синаит, прп. Иоанн Дамаскин, прп. Феофан Исповедник, прп. Григорий Декаполит, св. Константин Философ, свт. Николай Мистик, свт. Самон Газский, свт. Григорий Палама, св. Иосиф Вриенний, свт. Симеон Фессалоникийский, прп. Максим Грек и многие другие.

Они рассматривали и давали четкие, аргументированные ответы на те же, в основном, мусульманские полемические выпады, что и сейчас распространены в среде мусульман, а именно:

1. Учение о Троице как уклонение в многобожие.
2. Искаженность Библии.
3. Учение о том, что Христос — пророк, а не Сын Божий.
4. Отрицание распятия.
5. Невыполнимая нравственность христианства.
6. Таинства христианской Церкви.

Затрагивали отцы, помимо этого, и многие другие вопросы, а также высказывали полемические аргументы против ислама:

1. Указывали, на каких основаниях Мухаммед не может считаться пророком.
2. Указывали, на каких основаниях Коран не может считаться богооткровенным писанием.

3. Критиковали учение о предопределении и представления о Боге в исламе.
4. Критиковали мусульманскую эсхатологию.
5. Осуждали нравственные и ритуальные заповеди ислама как богопротивные.
6. Осуждали культ насилия в исламе.

А также предлагали и другие аргументы. Эта полемика, хотя и испытывавшая иногда печальные влияния искажений или непонимания тех или иных мусульманских воззрений, в целом довольно высокого уровня и качества. Многие из Отцов лично общались с мусульманами, подолгу жили среди них и хорошо понимали их менталитет. В силу этого, знакомство со святоотеческим взглядом на ислам может помочь и в современном диалоге, и в современной миссионерской работе.

Вместе со святоотеческой письменностью об исламе находятся в неразрывном единстве и сочинения византийских полемистов, не прославленных в лике святых, среди которых особенно замечательны сочинения Феодора Абу Курры, Никиты Византийского, Евodia Монаха, Псевдо-Льва, Арефы Кесарийского, Варфоломея Эдесского, Иоанна IV Кантакузина, Мануила II Палеолога и др.

До настоящего времени российскому читателю не доступно в совокупном объеме византийское наследие VII—XV вв., посвященное исламу, хотя еще в начале XIX века прп. Макарий Глухарев писал, что в целях успешной миссии среди мусульман необходимо перевести и осмыслить все, что было написано на греческом языке по этому поводу в средние века.

■ Из истории православной христианской миссии среди мусульман

Распространенное мнение о безуспешности и малочисленном характере христианской миссии среди мусульманских народов не соответствует действительности.

Есть сведения, что уже один из ранних сподвижников самого основателя ислама (Мухаммеда), Убайдаллах ибн Джахиз, переселившийся во время «первой хиджры» в Эфиопию, уверовал там во Христа и принял крещение. Он был первым, но далеко не последним мусульманином, кто обратился к свету истины. Вот два рассказа из эпохи раннего ислама, относящихся ко времени правления четвертого «праведного» халифа, племянника и зятя Мухаммеда, Али: «Один мусульманин принял христианство. Али приказал ему вернуться в ислам, но он отказался. Али убил его и не отдавал тело родным, хотя они предлагали ему много денег. Он сжег тело». «Другой человек из племени Бани-Ижл стал христианином. Его привели к Али, закованным в цепи. Они долго говорили. Мужчина ответил ему: „Я знаю, что Иса — Сын Божий“. Тогда он (Али) встал и ногами ступил на него. Когда это увидели другие, они тоже начали топтать мужчину. Тогда Али сказал: „Убейте его“. Его убили, и Али приказал сжечь тело».

Миссия Византийской Церкви. Из истории миссии Константинопольской Православной Церкви можно вспомнить, как после возвращения в X веке Антиохии в состав Византийской Империи в течение нескольких лет практически все местное арабо-мусульманское население

добровольно перешло в Православие, включая представителей арабской знати. То же происходило и в возвращенных примерно тогда же окрестностях Лаодикеи и городе Мелитене. Но наиболее ярким является, безусловно, событие 935 г., когда целое арабское бедуинское племя бану Хабиб «в числе 12000 всадников в полном вооружении, с семьями, клиентами (людьми, не входящими в племя, но находящихся под его покровительством — Ю.М.) и рабами перешло к грекам, приняло христианство и стало сражаться против своих прежних единоверцев». Арабский историк XIII века Ибн Зафир пишет, что бану-Хабиб остаются христианами «по сие время».

Некоторые примеры целенаправленной миссии среди мусульман нам дают и византийские агиографические сочинения. Так, например, сообщается, что св. Феодор Эдесский в середине IX в. обратил в Православие «сарацинского царя» Муавида, одного из трех сыновей халифа Мутаваккиля (847—861), правителя Сирии, и крестил его с именем Иоанн вместе с тремя его приближенными¹⁴. Св. Илия Новый, будучи в Палестине конца IX в., исцелил и крестил многих мусульман. Позднее, по дороге в Персию, он встретил 12 мусульман и, обратив их в христианство, крестил. В начале IX в. прп. Григорий Декаполит описывает случай обращения племянника халифа, который впоследствии привел к обращению других мусульман.

¹⁴ Эта информация «Жития св. Феодора» косвенно подтверждается и арабскими источниками. В 866 г. Муавид по приказу своего брата-халифа был брошен в темницу и задушен, по-видимому, за переход в христианство.

Следует упомянуть еще несколько ярких случаев. В конце IX — начале X вв. в арабской Испании обратившийся в христианство князь Омар ибн Хафсун вместе со своими сыновьями господствовали почти полвека над горными долинами, сидя в своем замке Бобастро. В то же время переходит из ислама в Православие курдский князь Ибн-ад-Даххак, владевший крепостью ал-Джа'фари. О мусульманском богослове Абдаллахе ибн Куллайбе (ум. 955) современники утверждали, что он тайно обратился в христианство. Известно также, что Буней ибн Нефис, военачальник и приближенный халифа ал-Муктадира, перешел к грекам, стал христианином и участвовал в походах вместе с ними.

Учитывая все источники, можно сказать, что в целом в IX—X обратился несколько десятков тысяч мусульман. Из более поздней эпохи представляется интересным тот факт, что в XV в. в самом Багдаде и в некоторых переднеазиатских областях правила турецкая династия Кара-Коюнлу, которую египетские мусульманские историки прямо обвиняли в отступничестве от ислама и принятии христианства.

Миссия Русской Церкви. Для Русской Церкви миссия среди мусульман традиционна. Свт. Михаил Киевский (X) посылал монаха Марка проповедовать Христа булгарам-мусульманам, в результате чего приняли крещение четыре князя булгарских. Свт. Петр Московский (XIII) вступал в публичные диспуты с мусульманскими проповедниками и одерживал в них победы. Свт. Макарий Московский (XVI) крестил последнего хана Казани — Едигера-Мухаммеда — и пекся о устройении проповеди Православия среди татар. В результате более чем четырехсотлетней миссионерской деятельности Русской

Православной Церкви среди татар образовалась новая этноконфессиональная группа — кряшены, состоящая из православных татар. По переписи 1926 года кряшен было около 200 тысяч¹⁵. В настоящее время на территории России их проживает порядка 320 тысяч.

Другой современный тюркский народ, обратившийся из ислама — гагаузы, общая численность на сегодняшний день 220 тысяч человек, преимущественно проживают в Молдавии, где с 1994 г. имеют автономию — «Гагауз Ери».

Гагаузы происходят от тюркоязычных кочевников (огузов, печенегов, половцев), принявших ислам еще в IX в. Перешли в христианство в XIII в. На дохристианское исламское прошлое указывают арабские слова и мусульманские термины, встречающиеся в обиходе. В русско-турецких войнах кон. XVIII — нач. XIX вв. гагаузы выступали на стороне России. Тогда же они в большинстве своем переселились в опустевшие степи Южной Бессарабии.

Не менее плодотворной была миссия среди народов Кавказа. Во второй половине XVI века обратившийся из ислама и ставший христианским миссионером Аллах-Верди из Цахура вернул в Православие целое племя грузин — ингилов.

В самом начале XIX века стараниями православных миссионеров было обращено в христианство свыше 47 тысяч осетин — большая часть народа. К 1823 году обращены

¹⁵ В 30-е годы всех кряшен записали татарами. Народ был попросту забыт. И лишь недавно, в 1999 году эта народность снова была официально восстановлена в Российской Федерации. С конца 80-х гг. наблюдается культурное и духовное возрождение кряшенского народа.

были почти все. Значительное количество абхазов также возвратилось в Православие.

В августе 1759 г. знатный кабардинец Куртоко Кончокин вместе с семьей принял Святое Крещение, был наречен Андреем Ивановым и обратился к Кизлярскому коменданту с просьбой «отвести ему место для поселения между урочищами Моздок и Мекенем»¹⁶. В 1762 г. он был удостоен звания подполковника и наименован князем Черкасским Кончокиным. Им был основан нынешний город Моздок, многие из заселявших его кабардинцев добровольно переходили в Православие. В настоящее время их потомки составляют около 2500 человек — примерно половину этнической группы моздокских кабардинцев. Частные случаи обращений знаменитых людей имелись практически во всех народах Кавказа.

■ Святые Православной Церкви, обратившиеся из ислама

Особый случай — те мусульмане, которые, обратившись в христианство, принесли столь великий духовный плод, что впоследствии были прославлены Церковью в лике святых. Кратко упомянем их.

6 января 786 г. принимает крещение обратившийся в христианство араб, уроженец Багдада, св. Абу Тбилисский. 14 апреля 789 г. принял мученический венец палестинский араб св. Христофор Савваит, принявший постриг

¹⁶ Еще задолго до него в 1558 г. перешел в Православие кабардинский князь Салтан Идаров.

и подвизавшийся в Лавре св. Саввы 25 декабря. 799 г. был обезглавлен за переход в христианство араб из племени курайш, уроженец Дамаска, св. Антоний — Равах. Около 800 г. был убит араб, племянник халифа, св. Пахомий, после обращения принявший иноческий постриг в одном из монастырей горы Синай. Около 820 г. принимает крещение араб из Северной Африки, св. Варвар, солдат мусульманской армии, оказавшийся на территории Византии (6/19 мая).

1 апреля 1229 года за обращение и проповедь христианства был убит купец-булгарин, св. Авраамий. В 1552 г. пострадали от рук своих единоверцев святые Петр и Стефан — крестившиеся казанские татары (24 марта/6 апреля). В 1555 в Москве крестится татарин Турсас, известный как прп. Серапион Кожеозерский (1611 г., 27 июня/10 июля), основавший Кожеозерский Богоявленский монастырь на Севере России и воспитавший семь святых для Русской Церкви.

В 1579 г. становится мучеником св. Омир, турецкий офицер, ставший свидетелем необычайного чуда схождения Благодатного Огня. 3 мая 1682 г. принимает мученический венец высокопоставленный турок святой Ахмед Писец. В начале XIX века обращаются в Православие, принимают смерть за Христа турок св. Константин Агарянин (1819 г., 2/15 Июня) и албанец, сын шейха, св. Иоанн (1814 г., 23 сентября/6 октября).

Эти святые являют собой самое ярчайшее свидетельство миссионерской деятельности Православной Церкви и ее колоссального успеха не в сфере статистики, но в сфере духа. Бог, не *«желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»* (2 Пет 3, 9), и на ниве мусульманских народов собрал для Себя достойную жатву.

■ Православная миссия в наши дни

Миссия Православия среди мусульман существует и до сих пор — достаточно вспомнить пример Православной Церкви самой крупной мусульманской страны мира — Индонезии, где православная община возникла в конце 1980-х миссионерскими трудами всего лишь одного человека, архимандрита Даниила (Баянтаро) и увеличилась за десять лет с 1 до 2500 человек. Кроме Индонезии, успешная православная миссия идет в наши дни в Албании. В Грузинской Православной Церкви приняло святое Крещение несколько тысяч мусульман-аджарцев. Во многих мусульманских странах насчитываются тысячи тайных христиан.

В Русской Православной Церкви в настоящее время проходят пастырское служение священнослужители — казахи, татары, чеченцы, ингуши, табасаранцы, индонезийцы и др., многие из которых реально обратились из ислама, что же касается мирян, то среди них на канонической территории нашей Церкви проживают до нескольких тысяч обратившихся в последние годы из традиционно мусульманских народов.

На минувшем III (VIII) Всецерковном съезде епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви было постановлено «разработать целенаправленные миссионерские программы в связи с миграцией исламского населения, экспансией фундаменталистских и других аналогичных мусульманских течений с целью ограничения прозелитизма и религиозного экстремизма» (Итоговый документ, 2).

По благословению священноначалия в Москве уже второй год проходят миссионерские молебны на церковнославянском и татарском языках об обращении заблудших из ислама.

С 2000 года в Интернете существует сайт «Православие и ислам» (www.pravoslavie-islam.ru), публикующий переводы святоотеческих творений об исламе, полемические статьи современных православных авторов, работы дореволюционных и западных миссионеров, свидетельства обратившихся из ислама в Православие, материалы об истории ислама и его отношений с христианством. Сайт существует на английском, русском и болгарском языках, в перспективе создание французской и сербской версий.

■ Литература

1. Бартольд В.В. Культура мусульманства. М., 1998.
2. Большаков О.Г. История Халифата. Т. I. М., 2000.
3. *ал-Бухари имам Исмаил*. Изречения и деяния (хади-сы) пророка Мухаммеда. М., 1998.
4. Гилхрист Дж. Мухаммед и его книга. С-Пб., 1999.
- фон Грюнебаум Г.Э. Классический ислам. М., 1988.
5. *Ибн Хишам*. Жизнеописание Посланника Аллаха. М., 2002.
6. Ислам: историографические очерки. М., 1991.
7. Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.
8. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
9. Климович Л.И. Книга о Коране. М., 1986.
10. Крачковский И.Ю. Изучение избранных отрывков Корана в подлиннике / Коран. М., 1990.

11. Максимов Ю, Огнев И. Ислам и насилие // Радонеж № 9 (127) 2002. — С. 6.
12. Максимов Ю.В. Коранические сказания о Христе в свете реальных исторических свидетельств // Альфа и Омега № 3 (17) 1998. — Сс. 261—293.
13. Он же. Миссионерский сайт «Православие и ислам» // Миссионерское обозрение № 6 (80) 2002 — Сс. 14—17.
14. Он же. Образ рая в христианстве и исламе // Сре-тенский альманах (богословие и апологетика). М., 2001. — Сс. 138—151.
15. Он же. Переходы из ислама в христианство в IX—X вв. // Альфа и Омега № 2 (32) 2002 — Сс. 255—259.
16. Он же. Понятие чуда в христианстве и исламе // Альфа и Омега № 1 (27) 2001. — Сс. 307—327.
17. Он же. Почему из христианства переходят в ислам? // Миссионерское обозрение № 8 (70) 2001. — Сс. 6—10.
18. Он же. Православная миссия в Индонезии // Православные вести № 11—12 (95—96) 2001. — Сс. 14—15.
19. Он же. «Русский ислам» в Интернете — школа новых янычар? // Радонеж № 7 (125) 2002. — С. 6—7.
20. Он же. Святые жены Православной Церкви и ислам // Как жить № 25, 2003. — Сс. 50—55.
21. Он же. Святые Отцы об исламе. М., 2003.
22. Он же. Святые Православной Церкви, обратившиеся из ислама. М., 2002.
23. Он же. Христиане и мусульмане: диалог о диалоге // Альфа и Омега № 2 (28) 2001. — Сс. 372—376.

24. Массэ А. Ислам. М., 1982.
25. Мец Адам. Мусульманский ренессанс. М., 1996.
26. Мухаммед бин Джамиль Зину. Исламская акида.
27. Нур ал-Улум (Свет наук). Жизнеописание шейха Абу ал-Хасана Харарани. / Бертэльс Е.Э. Избранные сочинения. Т. III. М., 1965.
28. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1992.
29. Прозоров С.М. Коран и его толкования. / Хрестоматия по исламу. М., 1994.
30. ас-Савваф Мухаммед Махмуд. Мусульманская молитва. М., 1994.
31. ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. М., 2000.
32. Свящ. Даниил Сысоев. Прогулка с протестантом по православному храму. М., 2003.
33. ат-Туси Абу Наср ас-Саррадж. Самое блистательное в суфизме. / Хрестоматия по исламу. М., 1994.
34. Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. Казань, 1997.
35. Читтик У.К. в поисках скрытого смысла. Духовное учение Руми. М., 1995.
36. Шах Идрис. Суфизм. М., 1994.
37. Шодкевич Мишель. Модель совершенства в исламе и мусульманские святые // Бог — Человек — Общество. М., 1993.
38. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. М., 1999.
39. Toby Lester. What Is the Koran? // The Atlantic, 1999, January.

ОДНОМУ ЛИ БОГУ ПОКЛОНЯЮТСЯ христиане и мусульмане?

В последнее время нередко можно встретить на страницах православной прессы весьма странные мнения. Люди, для которых вопрос о спасении от американской глобализации является куда более насущным, чем вопрос о спасении от греха, любят порассуждать о необходимости «объединения православия с исламом», измышляют мифы об «исторической дружбе и добрососедстве русских с мусульманскими народами», которую теперь, якобы, всеми силами пытаются разрушить злобные американские сионисты. И тут же, видимо, в качестве «укрепления дружбы» неизменно подается преклонение перед арабско-мусульманским востоком, льстивые именованья Мухаммеда пророком и утверждения, что нас-де объединяет поклонение одному Богу.

Подобные примеры в последнее время доводится встречать все чаще.

Оставим в стороне чудовищный антиисторизм мифов о «добрососедстве» (наши предки сражались с булгарами-мусульманами еще тысячу лет назад, а уж сколько бед потерпелась русская земля от исламизированных монголов и татар знает каждый, у кого не атрофировалась национальная память и элементарное образование), оставим в стороне сомнительную «честь» позиции лизоблудства

в отношении арабов вместо американцев и рассмотрим сутобо религиозный аспект. Может ли православный христиан считать, что Бог Евангелия и Аллах Корана — это Один и Тот же?

■ Мусульманское учение о Боге

Для ответа на этот вопрос естественнее всего рассмотреть по пунктам мусульманское учение о Боге. Конечно, некоторые представления будут совпадать в ряде моментов — это касается, например, всемогущества Бога, всеведения и пр. Однако даже схожие, на первый взгляд, моменты нередко таят в себе принципиальные отличия.

Например, представления о Боге как о Творце. Когда мы слышим, что мусульмане называют Бога Творцом, то автоматически подразумеваем, что они понимают это так же, как и христиане, то есть, что Бог единожды сотворил мир и законы, по которым он управляется и, поддерживая его Своим промыслом, после шести дней творения больше ничего нового не творит. Однако мусульмане, начиная с девятого века, благодаря богослову аль-Ашари считают, что Бог каждую секунду, **каждое мгновение творит мир заново**. Когда они говорят, что Бог творец, то подразумевают, что Бог — творец каждого действия человека и действия каждого животного в мире. Отвечает ли святоотеческому богословию идея о том, что Бог персонально творит блуд и убийства людей, испражнения животных и пр.?

Возможно, это представление покажется странным, но на самом деле оно есть естественное проявление

мусульманского учения, согласно которому, Аллах есть равно источник и добра, и зла.

В мусульманских источниках об Аллахе говорится, что «он есть приносящий пользу и вред»¹⁷, что иногда он «хочет добра Своему рабу, а иногда желает зла для Своего раба»¹⁸; что «Он — приносящий зло, Он — дарующий блага»¹⁹. Согласно Корану, Аллах издевается над теми, кто не уверовал, и усиливает их заблуждение (Коран 2, 14). Он «сбивает с пути, кого захочет, и ведет, кого хочет» (Коран 35, 9). Он «замышляет хитрость» (Коран 86, 16), ибо «Аллах — лучший из всех хитрецов» (Коран 47, 54). «Он обманывает» (Коран 4, 141). Он меняет Свою волю (Коран 13, 39). По мусульманским понятиям, для искупления греха суеверия человеку нужно произносить: «О Аллах! Нет добра, кроме Твоего добра и нет зла, кроме Твоего зла...»²⁰.

Пусть каждый читатель сделает вывод сам, насколько вышеозначенные представления соответствуют христианскому учению о всеблагом Боге, Который не «искушается злом, и Сам не искушает никого (Иак. 1, 13—14), совершенны дела Его, и все пути Его праведны. Бог верен, и нет неправды в Нем» (Втор. 32, 4), Который говорит: «Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился он от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11), Который «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»

¹⁷ Мухаммед ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. М., 2000. — С. 159.

¹⁸ Там же. — С. 165.

¹⁹ Там же. — С. 93.

²⁰ Там же. — С. 136.

(1 Тим. 2, 4) и у Которого «нет изменения и тени перемены» (Иак. 1, 17), ибо «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23, 19).

Объявлять Бога источником зла, как делают мусульмане, с точки зрения христианства — богохульство. Для самих же последователей Мухаммеда это обусловлено еще одним краеугольным отличием — **учением о предопределении**, согласно которому «ничего не происходит без его желания и ничто не выходит из-под его воли, и ничто не отклоняется от Его предопределения»²¹.

В Коране Аллах повелевает Мухаммеду: «Скажи: „Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах“» (Коран 9, 51). Некоторым Аллах предначертал верить в него: „Не придется душе уверовать, иначе как с соизволения Аллаха“ (Коран 10, 100), а других ему угодно делать неверующими: „Мы сотворили для геенны много джиннов и людей: у них сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, уши, которыми не слышат. Они — как скоты, даже более заблудшие“ (Коран 9, 178), поэтому „того, кого сбил с пути Аллах, никто не направит на прямой путь“ (Коран 39, 36), для них — великое наказание!“ (Коран 2, 6), „Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение“» (Коран 2, 14).

В достоверном хадисе из сборника Малика приводятся следующие слова Мухаммеда: «Господь сотворил Адама, затем двинул своей правой рукой у него за спиной и произвел одних потомков: „Мы сотворили их для Небес и они

²¹ Мухаммед ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. М., 2000. — С. 159. Там же. — Сс. 11–12.

будут делать дела, приличествующие для хороших людей“. Затем он двинул левой рукой и произвел других потомков: „Мы сотворили их для ада, и они будут делать дела, приличествующие для ада“».

Не случайно святые отцы Православия осуждали учение о предопределении как ересь и богохульство, ведь Бог, согласно такому представлению, есть непосредственная причина всех поступков человека, но при этом Он же и наказывает человека за то, что Сам же заставил его сделать.

Но это еще далеко не все отличия. В мусульманском богословии в результате споров и дискуссий в средние века появилось учение об атрибутах Бога. В их перечне есть и очень оригинальные атрибуты, которые с христианским представлением никак не вяжутся. Например, с точки зрения мусульман, «у Бога есть атрибут перемещения в пространстве», что с точки зрения христиан абсурдно и отрицает вездесущие Божие. Это основано на аятах Корана, в которых говорится, что Бог каждую треть ночи спускается к нижнему небу и там смотрит: молится ли ему кто-нибудь в это время. Об Аллахе говорится, что «Он тот, Который сотворил для вас все, что на земле, а потом вознесся к небу... а потом вознесся на Трон»²² и, видимо, ежедневно слезает с трона «в последнюю треть ночи, когда Он опускается на ближайшее небо»²³.

Сравните эти представления со словами Библии: «Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? — говорит Господь. — Не наполняю ли Я небо и землю?» (Иер. 23, 24) Очевидно, что вездесущие

²² Там же. — С. 224.

²³ Там же. — С. 146.

только и подобает Творцу вселенной. Иначе придется признать, будто Бог запутался в путях собственного творения и подвластен пространству.

Другой своеобразный атрибут Аллаха — Коран. Он считается вечным словом Аллаха неизменно существовавшим всегда, соответственно получается, что и арабский язык существовал всегда, и Коран вечен и неизменен как Бог, совечен Ему.

Сочетается ли с библейскими представлениями о Боге учение, что он имеет совечный и неизменный атрибут в виде книги на арабском языке? Что суры «Корова» или «Паук» есть атрибуты божества и существовали до творения мира? Равно как и ругань на Абу Лахаба и его жену, личных врагов Мухаммеда?

Христианский Бог *«есть Любовь»* (1 Ин. 4, 8), Аллах же говорит о себе: *«Высокомерие — Мой плащ, а гордость — Мой покров. Каждого, кто будет претендовать на что-либо из этого, Я брошу в огонь»*²⁴. Характерно, что среди 99 имен Аллаха, которые почитают мусульмане, нет имени «Любовь» или «Любящий», а авторитетные средневековые мусульманские богословы (например, Ибн Тами́йя) прямо осуждали идею о том, что возможна любовь у Бога к человеку и любовь у человека к Богу, так как слишком несоизмеримы величины.

Уместно здесь рассмотреть вопрос, как ислам относится к христианскому представлению о Боге. В 112 суре Корана об Аллахе говорится: *«Не рождал он и не был рожден»*. И как же это можно соотнести с православным

²⁴ Мухаммед ибн Сулейман ат-Тами́ми. Книга единобожия. М., 2000. — С. 159. Там же. — С. 240.

учением о Боге Отце, Сыне и Святом Духе, Троице единосущной и нераздельной? Коран за то, что христиане сказали «Христос — Сын Аллаха», так характеризует их: *«Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! до чего они отвращены!»* (Коран 9; 30, 32). Согласно исламу, Христос — обычный человек, а не Сын Божий, мусульмане принципиально отвергают даже мысль, что у Бога есть предвечно рождающийся Сын, тогда как Писание говорит нам: *«Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца»* (1 Ин. 2, 23).

■ Святоотеческие отзывы о мусульманском представлении Бога

Неудивительно поэтому, что в чине отречения от ислама, составленном в Православной Церкви в IX веке, помимо прочих лжеучений ислама стояла «анафема богу Мухаммеда, о котором он говорит, что он есть бог “Цельнокованный”, который не рождал, не был рожден, которому никто не подобен»²⁸.

О том же свидетельствуют и святые отцы, писавшие об исламе.

Например, **свт. Симеон Фессалоникийский** называет мусульман язычниками и так объясняет это: «Арабы, введенные в заблуждение одним нечестивейшим и бесноватым варваром, единоплеменным им, нечистым и беспутным, целиком бывшим жилищем дьявола, а именно Маго-

²⁸ Дословная цитата 112 суры Корана.

метом, признали Бога, но и в этом явились подобными совершенно безбожным, какими они и были прежде; после того, как, узнав нечто об истинном Боге, не признали безначального Отца, единородного и неплотского Сына, и Святого Духа»²⁰.

Мнение о том, что «христиане и мусульмане поклоняются одному Богу», встречалось и в Византии среди секулярных, светских кругов, больше озабоченных политикой, нежели вопросами веры. Этому заблуждению посвящена специальная глава в «Опровержении Корана» Никиты Византийского, крупнейшего полемиста, друга св. Фотия Константинопольского. Приведем краткое изложение 102 главы, названной «Доказательство того, что пребывают в заблуждении считающие, будто мусульмане сохраняют веру в Бога-Отца».

Господь Иисус Христос, Который является Истиной, сказал: *«Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца»* (Ин. 5, 23), и все патриархи и пророки знали о Сыне Божием, как сказано: *«Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался»* (Ин. 8, 56). Как же можно сказать, что нечестивый народ, отвергающий Сына, имеет Отца? Разве может принять их Отец, видя, как они поносят Его Сына? *„Никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть“* (Мф. 11, 27) — как же они могут Его знать, если отрицают Сына? Следовательно, мусульмане не поклоняются Богу Авраама и Моисея, Отцу нашего Господа Иисуса, так как отвергают

²⁰ Αγ. Συμεων αρχιεπισκοπου Θεσσαλονικης. Τα Απαντα. Αθηнайς, 1868. Σ. 22.

знание о единокровном Сыне Божиим, хотя даже Ветхий Завет говорит об этом (Пс. 109, 3; 44, 8).

Одновременно с Никитой это мнение опровергает и Еводий Монах, в записи «мученичества 42 мучеников Амореиских». Один из мучеников говорит мусульманам: «Ваше мнение о Боге ошибочно, так как вы, признавая имя Божие и Его величие, клеветаете все-таки на Него, почитая Его виновником зла и добра, истины и лжи». Здесь уже используется иной аргумент, исходя из несостоятельности самого мусульманского учения о Боге и противоречия его учению христианскому.

■ Константинопольский Собор 1180 г.

Здесь нельзя обойти вниманием Собор, который был специально посвящен тому же вопросу, что и настоящая статья. Предысторию и деяния собора излагает в своей хронике византийский историк Никита Хониат.

Как мы помним, в византийском чине оглашения приходящих от ислама стояла «анафема богу Мухаммеда, о котором он говорит, что он есть бог».

Анафема была направлена на мусульманское представление о Боге и включала в себя 112 суру Корана из византийского перевода, сделанного в то же время, в котором слово *samad* («крепкий, вечный») переводилось как («цельнокованный»). Известно, что во время составления византийского перевода Корана выбранное переводчиком слово действительно соответствовало одному из основных смыслов арабского *samad*. Однако, с течением времени, и христиане перестали адекватно-понимать

смысла перевода, и мусульмане постепенно отходили от более приземленных вариантов понимания *shahād* при толкованиях.

К концу XII века обострившееся непонимание вылилось в открытый соблазн, когда приходящие ко Крещению затруднялись произносить именно этот анафематизм, утверждая, что, находясь в исламе, они не верили в «бога», и опасаясь произнесением подобной анафемы высказать кощунство по отношению к истинному Богу. Духовенство же, со своей стороны, уже не могло внятно объяснить, что имеется в виду под этим словом.

Жалобы мусульман, желающих принять Крещение около 1179 г. достигли императора, известного своим стремлением к обращению иноверцев. Узнав, в чем дело, Мануил I пришел в негодование относительно сомнительной формулировки, поскольку, по его мнению, таким образом подвергался анафеме сам истинный Бог. Император был убежден, что, расходясь во многих принципиальных вопросах, христиане и мусульмане, как монотеисты, веруют в одного Бога, и потому требование произнести на Него анафему казалось кощунственным.

Император созывает собор и передает на него свое мнение, ожидая получить от архиереев и патриарха Феодосия одобрение на изъятие скандальной формулировки из огласительных книг Святой Софии, главного храма Константинополя, и вообще из всех церквей. Однако собор встретил предложение императора резко отрицательно. Архиереи были убеждены, что бог мусульман — это не тот истинный Бог, которому поклоняются христиане, разность в представлениях о Боге в христианстве и исламе принципиальна. Мусульмане под именем Бога поклоняются мысленному

идолу, «жалкому измышлению жалкого ума Мухаммеда» — как передает речи заседавших Никита Хониат.

Как пишет Никита, отцы собора «не хотели даже и слышать о его предложении, как не ведущем ни к чему доброму и удаляющем от истинного понятия о Боге. Они истолковывали богоугодно слова, которые будто бы служат соблазну и претыканию, и объясняли, что подвергается анафеме не Бог вообще, Творец неба и земли, а измышленный безумными бреднями Мухаммеда бог, который и нерожден и не родил, тогда как христиане прославляют Бога Отца, а те презренные бредни Мухаммеда совсем это отвергают».

Историк кратко сообщает и об аргументации архиереев, которую можно условно разделить на богословскую и нравственную части. Богословская часть, прозвучавшая на первом заседании собора, во многом зависит от ошибочных коннотаций, вызванных употреблением слова в византийском переводе 112 суры Корана. Архиереи, впрочем, честно признаются, что «не совсем понимают его смысл». Однако были высказаны и серьезные аргументы, основанные на адекватном восприятии исламского вероучения, а именно, указание, что Бог, о котором говорится, что «Он не рождал и не был рожден» никак не может быть одним и тем же с Богом-Отцом христианства.

Не согласный с мнением архиереев, император с помощью секретарей составляет собственный томос, в котором обосновывает свою точку зрения, утверждает, что анафема на бога Мухаммедова относится к истинному Богу и резко осуждает своих предшественников и патриархов прошлых времен, при которых эта формула появилась и вошла в употребление. Императорский томос был публично зачитан

во дворце, в аудитории избранных почетных лиц, которые встретили его аплодисментами.

Однако Церковь подвергла осуждению указанное сочинение. Никита свидетельствует, что патриарх Феодосий «не только сам не согласился с этим сочинением, как опасным и вводящим новые догматы, но и других убеждал остерегаться его как яда. Царь оскорбился этим, как будто бы получил жестокую обиду, осыпал архиереев бранью и назвал их все светными дураками».

Подвигаемый критикой со стороны духовенства, император составляет второй, новый томос, более сжатый, но с тем же догматическим содержанием. Вторично созванные по решению императора архиереи собираются в Скутари, где императорский секретарь Феодор Мауук, замещая императора, который по болезни не смог присутствовать лично, зачитывает томос и письмо собору, в котором Мануил с одной стороны, упрекает епископов в их упрямстве, а с другой — угрожает обратиться за решением вопроса к папе Римскому.

Но архиереи не уstraшились угроз императора, не вняли его велеречию. А св. Евстафий, архиепископ Фессалоникийский, человек обширной учености, обладавший большим даром красноречия, преисполнившись ревностью, чтобы вместо истинного Бога «не прославлялся какой-то, вымысел жалкого ума», даже отважно встал перед собранием и сказал: «Мозг в моей голове был бы попран ногами, и я был бы вовсе недостойн этой одежды — тут он указал на мантию, которая висела у него на плечах, — если бы признал истинным Богом бога — верблюдopodobного деторастлителя, учителя и наставника на все гнусные дела». Слушатели едва не оцепенели при этих словах, потому что он сказал их громко, и ясно показал, что горит ревностью по благочестию.

Нравственная аргументация, выраженная св. Евстафием, может быть сведена к тому, что учение о боге Мухаммеда, известного своей нечестивой, с христианской точки зрения, жизнью, богохульно ставить наравне с учением о Боге святых пророков и Самого Господа.

Когда же эти слова были переданы императору, то он «как бы оглушенный ими, начал представлять различные оправдания и выказал долготерпение, какого никогда в нем не было. Чтобы избежать упреков и насмешек, он и причислял себя к православнейшим христианам, и говорил, что произошел от самых благочестивых родителей, и настоятельно требовал себе суда с архиепископом Фессалоникийским. «Или я оправдаюсь, — говорил он, — и докажу, что не верую в бога детораствителя и не ввожу извращения в веру, и тогда подвергну заслуженному наказанию того, кто изрыгает хулу на помазанника Господня, или я буду обвинен в том, что прославляю иного бога, а не Того, Которого чтут носящие имя христиан, и тогда я узнаю, наконец, истину и принесу немалую благодарность тому, кто отвратил меня от ложного мнения и научил истине».

Таким образом, спор принял крайне острый характер. Одновременно и возмущенный и встревоженный таким поступком Евстафия, который до того в иных вопросах был сторонником императора, Мануил грозился судом Фессалоникийскому архиепископу, однако патриарху Феодосию удалось достигнуть компромисса в этом вопросе.

На следующий день собор собирается во дворце патриарха. Архиереи, рассмотрев томос, по-прежнему остались недовольны и предложили ряд поправок. В результате прений с представителями императора, был составлен соборный томос, который постановлял не просто изымать анафематизм,

но заменять его новой анафемой против Мухаммеда и всего его учения. Таково было решение, принятое собором.

И Церкви, несмотря на давление официальной власти, удалось отстоять свою точку зрения. Это хорошо видно из текста соборного томоса. Требование императора об удалении 22 анафематизма удовлетворяется, но подчеркивается, что это делается из соображений икономии, для устранения препятствий перед желающими креститься мусульманами, но не из-за догматического убеждения, что христиане и мусульмане поклоняются одному и тому же Богу, как того требовал Мануил Комнин.

Более того, в томосе прямо сказано, что «сам Мухаммед объявил неверное понимание Бога», а выражение анафематизма лишь «кажущееся кощунственным», а не кощунственное, как утверждал в своих томосах император. И, наконец, в новом варианте анафематизма, содержится, хоть и в более завуалированном виде, и отвержение мусульманского богопочитания, и осуждение позиции, выраженной императором: «Провозглашается анафема учению Мухаммеда, в котором он исповедует, что Господь, Бог и Спаситель наш Иисус Христос не является Сыном Божиим». Это тот самый аргумент, который приводил Никита Византийский, и который звучал на первом заседании собора: «Отвергая Троицу и Христа как Сына Божия, мусульмане не могут считаться почитающими истинного Бога». При этом формальное требование императора было удовлетворено.

Впрочем, не удивительно, что Церковь не позаботилась выполнять даже это формальное требование, когда престарелый император скончался спустя полгода после собора. Никита Хониат помещает после описания дебатов текст чина

в первоначальном виде, тем самым ясно указывая, что бескомпромиссная позиция Церкви в этом споре возобладала.

Darrouzes обращает внимание, что «результат всех этих переговоров кажется чисто отрицательным, так как анафема не была удалена, и новый текст не был вписан в чин отречения. Еще не обнаружен, насколько мне известно, ни один список ритуала отречения с формулировкой, предложенной собором»²⁷. Но, в том числе и списки более позднего времени содержат чин в неизменном, первоначальном виде, например, кодекс *Bruxellensis*, II 4836, составленный в 1281 г.²⁸

Итак, первоначальная формулировка 22 анафематизма сохранилась в последующем тексте чина отречения и в том же виде попала в славянский перевод чина, в «Кормчей» св. Саввы Сербского, перешедшей позднее и на Русь. В другом варианте чина, помещенном в требнике Киевского митрополита Петра Могилы, находится, возможно, совмещенный вариант и формулы, принятой в полемике с Мануилом, и предшествующей: «Отрицаеши всех лъстивых и хульных учителей турецких, и всех богохульных и блядивых басней Мухаммедовых, и по нем бывших всех, яже суть о бозе всекованном... и яко богомерзка проклинаешь ли я?»

Огромное значение томоса собора 1180 г. состоит в свидетельстве о том, что мнение о принципиальной разности богопочитания в христианстве и исламе было засвидетельствовано Церковью соборно, притом двукратно, несмотря на угрозы и давление со стороны официальной власти.

²⁷ Darrouzes J. Tomos inedit de 1180 contre Mahomet // — P. 190.

²⁸ Davreux J. Le codex *Bruxellensis*, II 4836. // *Byzantion* № 10, 1935 — P. 99.

Представление о грехе в христианстве и исламе

Однако опыт современных христианских миссионеров, работающих в арабских странах, показывает, что диалог с мусульманином следует начинать, прежде всего, с учения о грехе. Ибо мы должны помнить, что апостолы проповедовали краеугольные истины христианства людям, которые знали, что *«чистый от нечистого не рождается»* (Иов. 14, 4) и *«что нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы»* (Еккл. 7, 20). Мусульмане же этого не знают. И этим во многом объясняется расхождение и непонимание по другим, вышеозначенным вопросам.

Различия между христианским и мусульманским пониманием греха можно разделить на несколько основных пунктов.

■ 1. Существо греха

По мусульманскому учению, грех есть неведение божественного закона. Христианство же никогда не рассматривало грех только лишь как неведение. Религиозный опыт не только христиан, но всего человечества убеждает в том, что грех оказывает влияние на согрешающего

гораздо более глубинное, чтобы можно было ограничивать его только лишь умом. «Грех в православном понимании — это не преступление или оскорбление в юридическом смысле, это и не просто некий безнравственный поступок; грех — это, прежде всего, болезнь человеческой природы»²⁹, так, 6 Вселенский Собор 102 правилом определяет грех как болезнь души.

Нельзя сказать, что мусульманское учение совсем уж неверно с точки зрения христианина. Признание глубинной связи греховного состояния человека и *джахилийи*, религиозного невежества, отрицания своим умом и своей жизнью факта существования единого благого и истинного Бога имеется и в христианстве, но здесь оно осмысливается, как одно из проявлений настоящего состояния падшести человеческой природы и как следствие изначального отступничества от Бога. Ошибка мусульманского богословия в том, что оно принимает часть за целое.

■ 2. Первый грех

В Коране, как и в Библии, также описывается грехопадение прародителей. Однако в Коране этому факту не придается такого общечеловеческого значения, как в Священном Писании христианства. Адам покаялся и был прощен. Его неведение было упразднено, грех исчез. После одного из описаний грехопадения, автор Корана взывает: «О сыны

²⁹ Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. М., 1997. — С. 148.

Адама! Пусть сатана не искусит вас, как он извел ваших родителей из рая, совлекии с них одежду, чтобы показать им их мерзость. Ведь он видит вас — он и его сонм — оттуда, откуда вы их не видите. Поистине, Мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют!» (Коран 7, 27). Таким образом, каждый человек как бы находится перед тем же выбором, что и Адам, причем в равном с ним положении и с равными возможностями. Первый грех в исламе не мыслится как первородный, т.е. открывший путь всем последующим грехам. «Учение о первородном грехе не согласуется с Кораном и логически противоречит божественной справедливости. Вера в то, что грехи индивидуально ответственных людей может искупить кто-то другой, противоречит кораническим представлениям о законе, справедливости и человеке, а также доводам разума»³⁰.

Однако ни в Коране, ни в позднейшем мусульманском богословии не прояснено, почему Бог, даровав прощение Адаму, не возвратил его в Эдем? Если Адам был изгнан за свой личный грех (а Коран подчеркивает, что это именно так), и если этот его грех не имеет последствий для дальнейшего человечества (как утверждает исламское богословие), то почему мы, его потомки, также рождаемся и живем не в Эдеме, но в земле изгнания? В этой связи можно сказать, что наше нынешнее состояние не соответствует первозданному состоянию человеческой природы. Наши условия *de facto* весьма различны по сравнению с условиями, в которых находились Адам и Ева в Эдеме,

³⁰ Варденбург Жак. Мировые религии с точки зрения ислама // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. — С. 329.

так что по умолчанию некая ответственность за чужой грех все же подразумевается, и требования коранической справедливости все равно не удовлетворены. На это следует обращать внимание мусульман в диалоге.

Мусульмане считают, что «христианин оказывается в растерянности перед этой несомненной уверенностью в том, что «знать — значит делать»; в том, что спасение человека происходит исключительно под знаком откровения и, что через закон, данный в общении с Богом, лежит путь, которым человек будет следовать, пока знает о нем и видит его. Вся тайна неповиновения человека и „жестокосудности“ кажется исчезнувшей»³¹.

Тайна-то и впрямь кажется исчезнувшей. Вот только сама жестоководность и неповиновение человека все никак не исчезают. В том числе и среди мусульман. Слабость исламского богословия в этом вопросе состоит в том, что оно не объясняет состояние современного человека, в то время как христианское учение о грехе, как говорил еще св. Григорий Нисский, «не баснословное сказание, но в самом естестве нашем черпает свою вероятность»³².

По христианскому учению, вкусив плод, человек не узнал чего-то нового и не утратил части какого-то знания, но переступил грань. Грехопадение качественно изменило отношения человека с Богом, образовав пропасть между ними, и осквернило само человеческое естество. А поскольку искаженная, помраченная природа

³¹ *Яхья Осман*. Человек и его совершенство в мусульманском богословии. / *Медани Бессам*. Указ. соч. — С. 76.

³² *Св. Григорий Нисский*. Большое огласительное слово. / *Восточные Отцы и Учители Церкви IV в.* Т. II. М., 1999. — С. 159.

не может породить природу чистую и первозданную; каждый человек от рождения получает природу, пораженную грехом. Это и называется в христианском богословии первородным грехом. *«Они же, подобно Адаму, нарушили завет и тем изменили Мне (Ос. 6, 7); О, что сделал ты, Адам? Когда ты согрешил, то совершилось падение не тебя только одного, но и нас, которые от тебя исходим»* (3 Езд. 7, 118).

Как последствия первого греха христианство осмысляет несколько явлений жизни человека.

Во-первых, это духовная смерть. Наступившая после грехопадения и выразившаяся в помрачении ума, воли и чувств прародителей, она привела к расстройству самой человеческой природы. Извратилась вся прежняя богозданная иерархия в человеке: «Дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями не божественными, а подобными той автономной доброте и красоте, которые змий открыл женщине, когда привлек ее внимание к древу. Душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти. И, наконец, тело становится паразитом земной вселенной, убивает, чтобы питаться, и так обретает смерть»³⁰.

Мусульманское богословие такой удобопреклонности ко греху падшего человеческого естества формально не признает. Однако эмпирическая очевидность этого явления нашла выражение в таком понятии, как *нафс* (душа). «Естественной стороной человеческой души является нафс — источник отрицания. Человек приближается к Аллаху через

³⁰ Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1992. — С. 162.

воспитание нафса. Воспитывая животные чувства, преодолевая темные устремления к материальному миру, душа человека, подобно птице, вырвавшейся из клетки на волю, возвратится на свою волю, возвратится к Аллаху»⁴.

Мы видим, что так же, как и с последствием первого грехопадения, мусульманское богословие косвенно признает наличие повреждения в современной человеческой природе, признавать это напрямую оно избегает в силу того, что: во-первых, в таком случае будет нарушено понятие о божественной справедливости, а во-вторых, придется признать необходимость Спасителя для человека. То, что как таковой *калам*, т.е. мусульманское богословие, складывался в процессе противостояния христианской полемике, не могло не найти себе отражения. Ислам пытается осмыслить реально наблюдаемую в естестве каждого человека отрицательную силу в категориях творческого замысла Создателя, по сути, списывая ответственность за это на Бога.

Во-вторых, следствием человеческого греха явилась смерть физическая: *«Ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6, 23); посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5, 12)*. В исламе смерть мыслится как естественный атрибут человеческой природы. Это объясняется предопределением: *«И добро и зло от Аллаха»⁵*, так что

⁴ Хайдар Али. Курс лекций по основам ислама. Казань, 1997. — С. 5.

⁵ Ахмад б. Ханбаль. Акида (Символ веры). / Хрестоматия по исламу. М., 1994. — С. 413.

«все создания должны будут пройти через смерть перед днем восстания из мертвых». Но смерть, как уничтожение богозданной красоты человеческого естества, как «разрушение прекрасной гармонии»³⁶, не может быть естественным закономерным следствием нашей жизни, — это подсказывает сердце и разум каждого человека, — *«Бог не сотвори смерти и не радуется гибели живущих»* (Прем. 1, 13).

В-третьих, следуя за человеком, исказилось и все материальное творение, выразителем и главой которого он являлся. Вслед за изменением отношений человека и Бога изменились отношения человека и мира. Те животные, которым он прежде дал имена — знак величайшей власти — перестали ему повиноваться и восстали на него. «Звери... не были изначально злыми... грех же человека испортил их, ибо с преступлением человека, и они преступили. Если владыка дома хорошо ведет себя то необходимо и слуги живут благочинно, если же господин согрешит, то и слуги также будут грешить; таким же образом произошло и то, что с согрешением человека, который есть господин всего, и служащие ему твари уклонились ко злу»³⁷.

■ 3. Покаяние

В Коране христианская практика исповеди при свидетельстве священника подвергается резкой критике: *«Поистине, Аллах не прощает, чтобы Ему придавали*

³⁶ Св. Мелитон Сардийский. Указ. соч. — С. 535.

³⁷ Св. Феофил Антиохийский. 3 книги к Автолику. / Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. — С. 153.

сотоварищей, но прощает то, что меньше этого, кому пожелает. А кто придает Аллаху сотоварищей, тот измыслил великий грех. Разве ты не видел тех, которые очищают самих себя? Нет, Аллах очищает, кого пожелает, и они не будут обижены, и на финиковую плеву! Посмотри, как они измышляют на Аллаха ложь! Довольно в этом явного греха!» (Коран 4, 48—50).

Однако какова дисциплина покаяния в самом исламе? Рассмотрим несколько хадисов на этот счет.

Абу Зарра говорил: «Я попросил: „Посланник Аллаха, наставь меня“, и он ответил: „Если ты совершил дурной поступок, то соверши вслед за ним хороший, который сотрет его“»³⁸. Другой хадис, выводимый от Абу Хурайры, передает следующие слова Мухаммеда: «Когда раб Божий совершает грех, он остается черной точкой на его сердце, а когда кается, сердце его очищается. Если же он множит грехи, множатся и точки, пока не покроют все его сердце»³⁹.

С точки зрения христианства, любое совершенное человеком доброе дело не может быть сверхдолжным, поскольку является его обязанностью: *«Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17, 10). Поэтому даже миллион добрых дел не может стереть одного проступка. Только Бог может избавить человека от греха и его последствий посредством установленных Им Таинств. На деле же, как раз мусульманское

³⁸ Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. М., 2000. — С. 128.

³⁹ Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Указ. соч. — С. 155.

учение о том, что человек может очистить себя посредством собственных поступков, означает, что это мусульмане «очищают самих себя». Отказавшись от четких критериев христианской дисциплины покаяния (а попросту, не будучи с ней толком знакомым), ислам должен был выработать свои критерии, согласно которым можно было бы с достаточной степенью точности определить, в каком случае покаяние считается принятым, а в каком нет, и что именно необходимо сделать, чтобы оно считалось совершенным.

«О Аллах! Отдели меня от моих грехов, как Ты отделил Машрик от Магриба. О Аллах! Очисти меня от моих грехов, как очищаются белые одежды. О Аллах! Отмой меня от моих грехов водою, снегом и градом»^{*} — произнесение этой ежедневной молитвы при правильно соблюденном ритуале намаза и является этим самым покаянием, согласно Корану: «*Проси прощения за грех твой и возноси хвалу Господу твоему вечером и утром!*» (Коран 40, 55)

В хадисе, переданном со слов Абу Хурайры, Мухаммед спрашивает своих сподвижников: «Если бы у дверей дома кого-нибудь из вас протекала река, и он купался бы в ней по пять раз ежедневно, могла бы после этого остаться на нем грязь?» Те ответили: «После этого на нем не осталось бы ничего нечистого». Тогда Мухаммед сказал: «Это подобно пяти молитвам, с помощью которых Аллах стирает ваши прегрешения» (Бухари). Вариантов на эту тему среди хадисов огромное множество; в других

^{*} Ас-Савваф Мухаммед Махмуд. Мусульманская молитва. М., 1994. — С. 62.

хадисах фигурирует ночная молитва, пятничная молитва и т.п. Встречаются и более неожиданные для христианского взгляда условия: «Тому, кто постится в рамадан с верой и надеждой на награду, будут прощены его предыдущие прегрешения» (Бухари и Муслим), «соблюдение поста в день стояния на Арафате служит искуплением грехов прошедшего и следующего года»⁴¹ (Муслим); «если двое из числа мусульман встретятся и пожмут друг другу руки, их прегрешения обязательно будут прощены им прежде, чем они расстанутся» (Абу Дауд); «слава Тебе, о Аллах, Господь мой, и хвала Тебе, нет бога, кроме Тебя, я прошу у Тебя прощения и приношу Тебе свое покаяние — если эти слова произнесет любой человек, когда будет покидать собрание, ему обязательно простятся все прегрешения, совершенные им во время этой встречи!» (Аль-Хаким).

Все эти разновариативные высказывания выражают в общем одну ту мысль, что «предписания шариата обладают такими свойствами исцеления сердец и их очищения, которые не могут быть постигнуты путем рационального рассуждения, но могут быть усмотрены лишь оком пророчества»⁴². По сути, это означает, что строго придерживающийся ритуала человек вообще может быть свободен от таких понятий как грех и покаяние. И уже то, что ты исповедуешь ислам, избавит тебя в будущей жизни от вечных мук, какие бы грехи на тебе ни висели: «Возможно, Аллах Всевышний простит его без наказания,

⁴¹ Аль-Хашими Махаммад Али. Указ. соч. — С. 31.

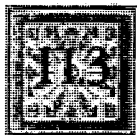
⁴² Ал-Газали Абу Хамид. Избавляющий от заблуждения. / Степанянц М.Т. Восточная философия. М., 1997. — С. 432.

а если он и накажет его за его грех, то его наказание не будет вечным, и исход его дела — воздаяние в Раю»⁴⁸. Такую установку иначе, чем самообманом, сложно назвать.

■ Заключение

В своем суровом реализме христианское учение о грехе может показаться страшным. Однако необходимо всегда помнить и напоминать собеседнику, что смысл проповеди христианства как раз состоит не в возведении гибели от греха, а в возведении спасения от Бога, явившегося нам в лице Господа нашего Иисуса Христа, *взявшего на Себя грех мира* (Ин. 1, 29), и потому именно мы не боимся осознавать грех в его истинном значении, потому что имеем истинного Спасителя, истинно разрешающего нас от наших грехов.

⁴⁸ ал-Багдади Абд ал-Кахир б. Тахир. Основы религии в богословии. / Хрестоматия по исламу. М., 1994. — С. 124.

О причинах быстрого распространения ислама

Известно, что в течение седьмого века и в последующих веках мусульмане захватили очень обширные области Византийской империи и других государств, в частности, полностью захватили Персидскую империю.

К этому были благоприятные причины политического характера. До возникновения ислама Персидская империя и Византия находились в состоянии войны, и эта война подорвала ресурсы обоих государств и опустошила их. Ценою невероятных усилий, под предводительством императора Ираклия, Византии удалось спастись от полной гибели и выйти победительницей. Но когда через несколько лет возникла новая угроза, то ни у персов, ни у греков просто не было сил и средств, чтобы выставить защиту. Это первая причина быстрых мусульманских завоеваний.

Другая причина — близорукость и политические ошибки престарелого в то время Ираклия. Ряд потерь и поражений Византийской империи было продиктовано именно этими политическими ошибками. Так Византия потеряла Египет — когда арабы подошли и заняли Сирию, Александрийский патриарх Кир с ними договорился, что он будет выплачивать им определенную дань, и за это они не будут входить в Египет. Это устраивало обе стороны. Когда Ираклий об этом узнал,

он возмутился и сказал: «Что ты за меня решаешь государственные проблемы?». Кира он сместил и заточил, и полководца Сергия отправил с небольшой армией туда. Когда на следующий год пришли арабы за данью, Сергей сказал: «Убирайтесь, я вам не Кир безоружный, у меня есть войско, ничего не получите». Тогда арабы собрали значительное войско, разбили армию Сергия и захватили весь Египет. Потом Ираклий одумался, освободил Кира и посылал вторично просить, Кир извинялся перед ними и предлагал заключить на тех же условиях договор, на что арабы, естественно, уже не пошли.

Другой пример недалёковидной политики. Как известно, арабские христианские племена жили и были буферной зоной между арабской пустыней (с арабскими язычниками) и Византийской империей. Они находились на службе у императора, и тот платил им незначительную зарплату, по сравнению с их трудом по защите границ империи от язычников. Когда в очередной раз, перед нашествием мусульман, эти христиане-арабы пришли за получением денежной платы, их прогнал представитель императорской власти, сославшись на то, что у императора не хватает денег на своих солдат, чтобы платить ещё всякому сброду. Те обиделись и перешли на сторону мусульман, образно говоря, открыв все ворота.

Но и несмотря на это, завоевание не происходило так легко и гладко, как может казаться с исторической точки зрения. 14 месяцев длилась осада Александрии и 23000 арабов погибло у ее стен. Были и другие значительные случаи сопротивления.

Кроме политических ошибок, была причина духовного плана, о чем говорили Святые отцы — Византийская империя была не православная, а монофелитская, возглавляли ее патриарх и император, исповедующие ересь монофелитства. Прп. Феофан Исповедник пишет, что именно за монофелитское нечестие Господь попустил потерять так много христианских земель. Для православных это было даже некоторым избавлением, потому что, хотя арабы и были бременем, но им не было дела до того, кто какую веру исповедует, все равно кто монофелит, несторианин, православный. Первые два века мусульманской истории арабы были очень толерантны, (терпимы) и это объяснялось политическими причинами. Большую часть подданных составляли немусульмане, граждане, населявшие мусульманские территории, и если бы с ними было жесткое обхождение, в таком случае было бы сложно управляться. Однако из века в век, по мере того как усиливалось мусульманское государство, оно закручивало гайки, все более тяжелым становилось положение христиан.

Святитель Софроний Иерусалимский, не получив в ответ на свои просьбы от императора военной помощи, после нескольких месяцев осады сдал Иерусалим лично халифу Омару, так как никакой иной возможности просто не было. Это также пример недалековидности Иракия, которому казалось, что письма, приходившие из осажденного Иерусалима, это проблемы местного характера, проблемы с «разбойниками приграничных земель», с которыми они могут справиться сами. Но технике осады арабы учились за счет персов. Многие завоеванные персы перешли на сторону мусульман

и были помощниками в этом отношении. Условия, на которых Иерусалим был сдан, не были соблюдены в полной мере, многие христиане погибли, и один из храмов был обращен в мечеть. Но это было лучше, чем захват, потому что тогда городу грозило бы полное уничтожение.

Христиане, которые оказались на территории, подвластной мусульманам, долго (в течение многих поколений) сохраняли свою веру. Процесс исламизации был процессом тысячелетия, и до сих пор в арабских странах существует христианское меньшинство, которое, несмотря на ужасные условия, которые с годами становившихся невыносимыми, сохранили свою веру. Причин было много. Христиане облагались большими налогами. Во времена терпимости этот налог составлял 80 %, а во времена гонений мог составлять до 150 % дохода. Если христианин не мог платить, забирали всю семью в рабство, продавали. Часть людей, слабых в вере, предпочитали переходить в ислам для того, чтобы избавиться от налогового бремени, которое не оставляло никаких возможностей, никаких перспектив. Другой момент — судебное преследование, когда человека за действительное или мнимое преступление влекли в суд, обвиняли в правонарушении, за которое грозило серьезное наказание, вплоть до смертной казни. Но если обвиняемый принимал ислам, с него снимались все претензии. Существовали и другие способы. Например, когда формировались военные отряды армии из янычар, мальчиков-христиан, которых отбирали в возрасте 8—10 лет, делали мусульманами и воспитывали мусульман-воинов. В Османской империи их было до 100 000,

а потом состав этой армии увеличился до 300 000. На таких условиях происходило отпадение в ислам на протяжении многих столетий, и, несмотря на это, в арабских странах существует некое количество христиан и сейчас.

Не все гладко происходило с мусульманским завоеванием в целом, арабы потерпели поражение во Франции, в Италии; в Испании у них был более «благополучный» исход, но и там,¹ в результате Реконкисты они были разбиты. Византийской империи в IX—X веках удалось отвоевать многие области, которые принадлежали мусульманам, — Крит, Александрию, Сирию. Это была эпоха византийской Реконкисты при императоре Никифоре Фоке. Большой удар по империи нанесли крестоносцы во время четвертого похода, когда они захватили Константинополь, и это привело к тому, что империя развалилась на несколько частей, большая часть попала под власть католиков в 1204 году. Поэтому можно удивляться, что Византийская империя просуществовала так долго, несмотря на все проблемы, постоянные набеги болгар, язычников и православных, русских, венгров, католиков, мусульман. Век от века империя все больше приходила в упадок и в результате была завоевана.

Святые отцы об исламе

Ниже будет представлена тематическая подборка высказываний Святых Отцов Православной Церкви с VIII по XIX вв., посвященных исламу. Она разделена на две части: в первой приводятся общие высказывания святых об исламе и мусульманах, во второй подобраны ответы Святых Отцов на традиционные вопросы мусульман, которые им приходилось разбирать.

Безусловно, целиком творения Святых Отцов об исламе многократно богаче, глубже и интереснее раскрывают их взгляд на эту религию, далеко не все вопросы, рассматриваемые ими, здесь отражены. Мы взяли на себя смелость ограничиться кругом наиболее часто встречающихся в современной практике вопросов, отвечать на которые нередко приходится и священнослужителям, и простым прихожанам. Эти вопросы и сейчас многие мусульмане задают нам, ответы же Святых Отцов в большинстве случаев применимы и в настоящем диалоге. Многие Святые Отцы лично общались с мусульманами, подолгу жили среди них и хорошо понимали их менталитет. Ниже предложен список творений Святых Отцов, положенный в основу данной подборки.

1. Прп. Иоанн Дамаскин. о ересьях, 100.
2. Св. Константин (Кирилл) Философ. — диалоги из «Жития».
3. Свт. Самон Газский. Диалог с Ахмедом Сарацином.
4. Свт. Григорий Палама. Письмо своей Церкви. Диспут с хионами.
5. Свт. Симеон Фессалоникийский. Против всех ересей, 4.
6. Послание в поддержку благочестия, против Агарян. Прп. Максим Грек. Ответы христиан против агарян, хулящих нашу православную христианскую веру.
7. Слово обличительное против агарянского заблуждения
8. Свт. Игнатий Брянчанинов. Письмо №203

■ Святые Отцы об исламе и мусульманах

Свт. Григорий Палама: Мне кажется, что с этими людьми, похваляющимися вследствие своей порочности, происходит то же самое, что и с элинами, преданными, по словам апостола, превратному уму (Рим. I, 28), ибо, познав Бога, не прославили Его и не возблагодарили Его как Бога (Рим. I, 21). Ведь и эти люди также познали Христа — говорят же они, что Он Слово и Дух Бога и, кроме того, что Он рожден от Девы, действовал и учил Божественным образом, был взят на небо, остается бессмертным и должен прийти, чтобы судить весь мир. Познав таким образом Христа, они не прославили Его как Христа, то есть как Богочеловека и Слово, но истину заменили ложью (Рим. I, 25) и уверовали в обычного смертного человека, который был погребен, — речь идет о Магомете, возблагодарили его и последовали за ним. И это

вместо того, чтобы последовать за Богочеловеком и вечным Словом... Итак, людей, о которых идет речь, за то, что они, познав Христа, не прославили и не возблагодарили (Рим. 1, 21) Его как Христа, Бог предал превратному уму, страстям и бесчестию, так что живут они постыдно, не почеловечески и богопротивно, подобно Исаву, с детства ненавистному Богу и лишенному отцовского благословения: они живут луком, мечом, в распутстве, находя удовольствие в порабощении людей, убивая, грабя и похищая, предаваясь бесчинству, разврату, содомскому греху. И они не только совершают все это, но и вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия. Вот что я теперь думаю о них, лучше узнав их образ жизни.

Свт. Симеон Фессалоникийский: Арабы, введенные в заблуждение одним нечестивейшим и бесноватым варваром, единоплеменным им, нечистым и беспутным, целиком [бывшим] жилищем Дявола, а именно, Магометом, признали Бога, [но и в этом] явились подобными совершенно безбожным, какими они и были прежде; после того, как, узнав нечто об истинном Боге, не признали безначального Отца живого Слова, нерожденного, причины всего, от века сущего, Родителя живой Премудрости, едиnorodного и неплотского Сына, и Святого Духа.

Отвергнув, безумные, Сына и Слова Божия и животворящего Духа, и сделав все [свои] порочные и общеизвестные дела, совершенно впали в еще более безобразнейшее, как в согласное с законом их, — разумеется противоестественное и мерзостное дело содомитян, множество женщин брали и наполняли [землю] убийствами и грабежом... Утверждают они при [всем] этом, что имеют

и закон, который преисполнен беззакониями и всякими видами нечестия, безбожия и бесчинства. [Утверждают это] жалкие, будучи введенными в заблуждение человеком порочным и варварским, который, находясь во власти демонического заблуждения, назвал самого себя посланником Божиим, и [сказал], что восходил на небо, чтобы через [такое] уничижение (о горе!) вознесения Христа и Бога моего, и осмелился [сей] нечестивый называть самого себя более высшим, чем Христос.

Свт. Игнатий Брянчанинов: Напрасно ж, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между... магометанами спасутся, то есть вступят в общение с Богом! Напрасно вы смотрите на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то, как вы хотите, чтоб... магометане за то, что они кажутся вам добренькими, непознавшие и неувествовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю вам, средством, — верую в Искупителя? Признающий возможность спасения без веры во Христа отрицается Христа и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства. *«Мыслим убо, — говорит святой апостол Павел, — верую оправдаться человеку, без дел закона.*

Правда же Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих: несть бо разнствия. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божией: оправдаемы туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе» (Рим. 3, 28, 22). Вы возразите: «Святой апостол Иаков требует непременно добрых дел; он научает, что вера без дел — мертва». Рассмотрите — чего требует святой апостол Иаков. — Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! Он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, без него она мертвая, как лишенная всякого движения. И, напротив того, вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца — воспрещены, отвергнуты! А эти-то, именно, добренькие дела вам и нравятся в... магомета-нах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, вы хотите им дать спасение.

■ **Святые Отцы отвечают на вопросы мусульман**

О Мухаммеде

— *Почему вы не почитаете Магомета? Ведь он весьма хвалил Христа в своих книгах и говорил про*

Него: от Девы, сестры Моисея, родился великий пророк, Который воскрешал мертвых и великой силой исцелял всякую болезнь.

Св. Константин (Кирилл) Философ: Скажи мне, если Магомет есть пророк, то будем ли мы верить Даниилу, который сказал, что с Христом прекратится всякое видение и пророчество? Как же после этого он может быть пророком? Поэтому, если мы называем Магомета пророком — значит, отвергаем Даниила.

Свт. Григорий Палама: У вас и у нас есть обычай, утвержденный длительным временем и законом: без свидетельств ничего не принимать и не почитать за истинное. Свидетельства же бывают двоякого рода: они идут от самих дел и явлений или от людей, достойных веры. Так, Моисей покарал Египет знамениями и чудесами (Пс. 134, 9), жезлом заставил море расступиться и вновь сомкнуться, по его воле хлеб выпал с неба (Исх. 16, 4). Нужно ли еще что-нибудь говорить, поскольку и вы считаете Моисея достойным веры? Он был и Богом признан как Его верный раб (Числ. 12, 4), но не Сыном и не Словом. Затем по Божественному повелению он взошел на гору и умер, и соединился с теми, кто был до него (Втор. 32, 49—50). В отношении же Христа, совершившего многие великие и небывалые деяния, имеются свидетельства самого Моисея и других пророков. От начала века Он один признается, даже вами, Словом Бога; Он один от начала века рожден от Девы; Он один от начала века взят на небо и остается там бессмертным; Он один от начала века, как надеются, снова снизойдет оттуда, чтобы

судить живых и мертвых (2 Тим. 4, 1; 1 Петр. 4, 5), которые воскреснут. Говорю же я о Нем то, что и вами, турками, признается. Вот почему мы веруем в Христа и верим Его Евангелию. Что же касается Магомета, то мы не находим ни свидетельств о нем у пророков, ни чего-то необычного и достойного упоминания в его деяниях, способного вызвать веру в него. Поэтому мы не веруем в него и не верим его книге.

Прп. Максим Грек: Магомет сказал: «Моисей и бывшие после него, так называемые пророки и сам Христос, были посланы от Бога с чудесами и различными знамениями, а я послан с мечом и имею повеление убивать непокоряющихся моим словам». Из этого грубого ответа равно как и из многих других его действий, явствует, что скверный сей не от Бога послан, — ибо преблагий Бог никого не принуждает насильно.

— В Евангелии было написано о Магомете, но вы уничтожили это свидетельство.

Свт. Григорий Палама: В нашем Евангелии решительно ничего, никогда и никем из христиан не было уничтожено или изменено. Ведь такое действие влечет тяжелые и страшные проклятия, и дерзнувший уничтожить что-нибудь в Евангелии скорее сам отвергается от Христа (Откр. 22, 19). Следовательно, как христианин мог сделать это? Мог ли быть христианином сам или вообще принятым в общение христианами уничтожающий то, что начертано Богом, что Сам Христос или написал, или предрек? С другой стороны, свидетельствуют (об этом) и многие

разные языки, на которых Евангелие Христа с самого начала было изложено, ведь оно с самого начала не было написано на одном только языке. Если бы что-нибудь (там) было изменено, как могло остаться это незамеченным? Как могло у разных народов сохраниться до сих пор единство смысла? Евангелие Христа имеется и у многих инакомыслящих, которых мы называем еретиками. Из них некоторые в ряде вопросов согласны с вами, но они не могут найти подтверждение этого в Евангелии Христа. И даже те, кто выступает против нас с самого начала, и таких много, не ссылаются на что-либо подобное. В действительности же в Евангелии можно найти явно противоположное: как же оно могло свидетельствовать в пользу противников? Кроме того, в Евангелии нет ничего, что бы не было предречено божественными пророками. Таким образом, если бы в нем было написано что-либо, благоприятное в отношении Магомета, это было бы написано и у пророков. Но ты скорее можешь найти написанным и невычеркнутым, что придут многие псевдохристы и псевдопророки и многих прельстят они (Мф. 24, 5; 11, 24; Мк. 13, 22; Ин. 4, 1). Поэтому Евангелие и призывает: «Не сбивайтесь же с пути вслед за ними» (Мф. 24, 4; Мк 13, 5; Лк. 21, 8).

— Но Мухаммеду было ниспослано Божественное Писание.

Прп. Иоанн Дамаскин: Но кто же свидетель, что Бог дал ему писание? Моисей получил Закон, когда Бог явился на горе Синае пред лицом всего народа в облаке и огне, мраке и дыме, и все пророки, начиная от Моисея

и далее, предсказывали относительно явления Христа и о том, что Бог Христос и Сын Божий придет во плоть и будет распят, умрет и воскреснет, и что этот будет судией живых и мертвых. Почему же ваш пророк не пришел так, чтобы другие свидетельствовали о нем? И почему Бог Который дал закон Моисею на дымящейся горе в виду всего народа, не в вашем присутствии дал и ему писание о котором вы говорите, что уверовали в него? Почему живы, когда Магомет в вашем писании приказывает вам ничего не делать и не принимать без свидетелей, не сказали ему: «Прежде всего, сам подтверди чрез свидетелей, что ты пророк, что от Бога пришел, и какие писания свидетельствуют о тебе?»

— Мухаммед, выйдя из крайних пределов Востока победителем дошел до Запада. Разве это не доказывает, что он — посланник Божий?

Свт. Григорий Палама: Пусть Магомет, отправившись с Востока, прошел победителем до Запада, но побежда дал он войной, мечом, грабежом, порабощением, избиением людей. Из этого ничто не может исходить от Бога, Который добр. Скорее же это обусловлено волей человека и дьявола, от начала являющегося человекоубийцей (Ин. 8, 44). Что же, разве Александр, отправившись с Запада, не покорил весь Восток? Однако и многие другие в разные времена, предпринимая военные походы, нередко овладевали всей экуменой. Никому же из них никакого народ не вверял свои души, как вы Магомету. Впрочем он, и силу используя, и наслаждения предлагая, не привлекал на свою сторону даже одной целой части экумены

А учение Христа, хотя и отвергающее почти все удовольствия жизни, охватило все пределы экумены и господствует среди тех, кто воюет с ним, без всякого насилия и, скорее, торжествуя над насилием, которое всякий раз противопоставляется ему, так что в этом заключается победа, мир победившая (2 Ин. 5, 4).

О Троице

— *Называя Христа Богом и Духа Святого Богом, вы придаете единому Богу сотоварищей.*

Прп. Иоанн Дамаскин: Так как вы говорите, что Христос есть Слово Божие и Дух, то почему вы обзываете нас придающими Богу сотоварищей, ведь слово и дух неотъемлемы от того, в ком они существуют. Итак, если в Боге существует Его слово, то ясно, что и оно есть Бог; если же оно находится вне Бога, то Бог, по-вашему, бессловесный есть и бездушный. Итак, избегая того, чтобы Бог имел другого Бога, вы убили Его. Ибо лучше было бы Вам сказать, что Он имеет другого, чем убить Его или сделать как камень или что-либо иное из бесчувственных предметов. Таким образом, вы ложно называете нас придающими Богу сотоварищей, мы же справедливо можем назвать вас богоубийцами.

— *Зачем вы, христиане, Одного Бога разделяете на три: называете Отцом, Сыном и Духом. Если Бог может иметь Сына, то дайте Ему и жену, чтобы было много богов.*

Св. Константин (Кирилл) Философ: Не хулите Пребожественную Троицу, Которую мы научились исповедовать от древних пророков, которых признаете и вы, как держащиеся вместе с ними обрезания. Они же учат нас, что Отец, Сын и Дух суть три ипостаси, существо же их едино. Подобие сему можно видеть на небе. Так в солнце, созданном Богом в образ Святой Троицы, находятся три вещи: круг, светлый луч и теплота. Во Святой Троице солнечный круг есть подобие Бога Отца. Как круг не имеет ни начала ни конца, так и Бог — безначален и бесконечен. Как от солнечного круга происходит светлый луч и солнечная теплота, так от Бога рождается Сын и исходит Святой Дух. Таким образом, солнечный луч, просвещающий всю вселенную, есть подобие Бога Сына, рожденного от Отца и являемого в сем мире, солнечная же теплота, исходящая из того же солнечного круга вместе с лучом, есть подобие Бога Духа Святого, Который вместе с рождаемым Сыном предвечно исходит от Отца, хотя во времени посылается людям и Сыном, как, например, на апостолов был послан в виде огненных языков. И как солнце, из трех предметов: круга, солнечного луча и теплоты — не разделяется на три солнца, хотя каждый из сих предметов имеет свои особенности: одно есть круг, другое — луч, третье — теплота, однако не три солнца, а одно — так и Пресвятая Троица, хотя имеет Три Лица: Отца, Сына и Святого Духа, однако не разделяется Божеством на три бога, но есть Один Бог.

Помните ли вы, как говорит Писание о том, как Бог у дуба Мамврийского явился праотцу Аврааму?

от которого вы храните обрезание? Бог явился Аврааму в Трех Лицах.

Он (Авраам) возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер свой и поклонился до земли и сказал: «Владыка! Если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего» (Быт. 18, 3). Обратите внимание: Авраам видит перед собою трех мужей, а беседует как бы с одним, говоря: Владыка! Если бы я обрел благоволение пред очами Твоими. Очевидно, что святой праотец исповедовал в Трех Лицах Одного Бога.

Прп. Максим Грек: Вы говорите, что мы, христиане, исповедуя Отца и Сына и Святаго Духа, вводим трех Богов. Не дай Господи! Этого быть не может! Если кто исповедует трех богов, тот да будет проклят на веки веков, аминь! Мы знаем единого Бога, Творца и Создателя всего, имеющего Слово и Дух, равночестных и тождественных по Божеству, собезначальных и соприсносущных, ибо никогда Бог не был без Слова и Духа. Такой хулы не будет в нас. Поэтому и говорим: «Вечен Бог Отец, вечен Сын и Слово Его, и с Ним вечен и Дух Святой, исходящий от Отца. Един Бог в Троице, а не три Бога, да не будет сего! Как ум, слово и дух все три называются одною душою, а не три души; также круг солнечный, свет и луч, все три составляют одно солнце, а не три солнца: таково и таинство Святыя Троицы». Хотя и говорим: «Бог Отец, Бог Сын и Слово Его, Бог и Всесвятой Дух; но эти три — не три Бога, а все три — един Бог, безначальный и бесконечный».

О Боговоплощении и Божестве Христа

— *Вы говорите, что Бог имел женщину, если утверждаете, что Он родил Сына.*

Свт. Григорий Палама: Вы же сами признаете Христа Словом Бога, рожденным от Девы Марии, Которую мы почитаем как Богоматерь. Итак, если Мария, родившая во плоти Христа, не имела мужа и не нуждалась в муже, так как родила во плоти Слово Бога, еще в большей степени обосновано то, что Бог, рождая Свое Собственное бесплотное Слово бесплотным и Божественным образом, не имел женщины и не нуждался в женщине, как вы это несправедливо предполагаете.

Свт. Симеон Фессалоникийский: Мы проповедуем самого Сына Божия, не телесно рожденного; потому что у Бога нет тела, но как Отец бестелесный, невещественный, вечно сущий и живой, [так] и Сын Его и Слово бесстрастный, нетелесный, вечно сущий и живой и совершенный от совершенного, как свет от огня. Поэтому мы и не говорим, будто Бог имел жену, как неразумно говорят нечестивые, будучи лишь плотскими, и от животной жизни глупые умом и неразумные, но свято и бесстрастно, неизреченно и неплотски и превыше всякого ума и ангельского и человеческого, рождает невещественный Бог и Отец невещественное Слово и Сына Своего.

— *Как вы, христиане, говорите, что Бог родился от жены? Может ли Бог родиться от женской утробы?*

Св. Константин (Кирилл) Философ: Не от простой жены, но от небрачной Пречистой Девы родился Бог Сын действием Святого Духа, Который в Пречистой девической утробе несказанно основал плоть Христу Богу и устроил сверхъестественное воплощение и рождение Слова Отца. Посему и зачатая Сына от Святого Духа Дева как пред рождением, так во время рождения и по рождению пребывала Девой чистой, по изволению Бога, которому повинуются всякое созданное существо, по словам церковной песни: «Идеже бо хочет Бог, побеждается естества чин».

А что Христос родился от чистой Девы Духом Святым, свидетельствует также и ваш пророк Магомет, написав следующее: «Послан Дух Святой к чистой Деве, чтобы по Его изволению она родила Сына». Если бы Христос был простой человек, а не вместе и Бог, то для чего должно было произойти зачатие Его от Святого Духа? Простой человек рождается от брачной жены, а не от Неискусобрачной Девы, и зачинается по естеству от мужа, а не по особому наитию и действию Святого Духа.

Свт. Григорий Палама: Бог не есть какое-то большое тело, которое не может поместиться из-за своего размера в нечто малое. Напротив, будучи бестелесен, Он способен быть везде, превыше всего и в любой малой вещи. Он может поместиться даже в наименьшую из всех возможных вещей, какую можно себе представить.

— Почему вы считаете Христа Сыном Божиим и Богом?

Прп. Максим Грек: Ваш же Коран во многих местах хвалит святое Евангелие и называет его правильным и святым и считает ниспосланным с неба. Вот и мы, читая в Евангелии, веруем гласу Божьему, говорящему: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того слушайте»*. Если же святое Евангелие показывает, что Бог Отец именует Христа Сыном Своим возлюбленным, то почему вы, агаряне, отрицаетесь сыновства и Божества Его, укоряете нас, исповедующих Его Сыном Божиим и Богом? Если признаете святое Евангелие правильным и истинным, то верьте и вы и с нами исповедуйте, что Христос воистину и действительно есть Сын Божий. Имея такое свидетельство Самого Бога Отца, спешащее с неба, мы, христиане, веруя свидетельству Бога Отца, хорошо и правильно исповедуем Христа Сыном Божиим, а не рабом и не простым человеком, как вы называете его и этим оказываетесь Его досадителями. Если вы искренно, а не лицемерно, хвалите святое Евангелие и говорите о нем «инджиль-хак»⁴, то перестаньте уже досаждать и хулить Христа, а исповедуйте Его с нами Сыном Божиим, как свидетельствует о Нем святое Евангелие.

— *Если бы Христос был Бог, то иудеи, будучи людьми, никак не могли бы причинить Ему страданий и умертвить безчестною смертью.*

⁴ «Евангелие истинно» — Коран.

Прп. Максим Грек: Он добровольно предал Себя на смерть, а не по причине бессилия человеческого Его естества, иудеи схватили Его и умертвили. Он мог в мгновение ока не только Иерусалим и живущих в нем иудеев погубить, но и находящихся по всей вселенной непокорных сразу истребить, но Он Сам Себя добровольно предал на смерть ради спасения людей, об этом Он сам свидетельствует, говоря так в Евангелии: *«Аз есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаете за овцы»*. И опять: *«Аз есмь пастырь добрый: и душу Мою полагаю за овцы. Сего ради Мя Отец любит, яко Аз душу Мою полагаю, да паки прииму ю. Никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю о Себе. Область имам положити ю, и область имам паки прияти ю. Сію заповедь приях от Отца Моего»* (Иоан. 10, 11—18).

О почитании икон

— *Зачем вы почитаете иконы? Ведь еще Моисею Бог сказал: не сотвори себе кумира?*

Свт. Григорий Палама: Друзья почитают друг друга, но не обожествляют. Очевидно для всех, что именно это, конечно, Моисей получил от Бога и именно этому он научил затем народ. Однако этот же самый Моисей и в то же время не оставил ничего, чтобы запрещало делать изображения. Он сделал помещение за завесой, подобное и представляющее небесное. Также, поскольку Херувимы есть на небе, он сделал их изображения и поместил

во Святая Святых храма. Что до внешнего устройства храма, он устроил его представляющим земное. Если кто-нибудь спросил бы Моисея: «Почему ты сделал, все-таки, такие вещи, когда Бог запретил иконы /образы/ и подобия тех /вещей/, что на небе и тех /вещей/, что на земле?» он ответил бы, разумеется, так: «Иконы и изображения запрещены так, чтобы кто-то не стал им служить, как богам. Однако, если кто возводится чрез них к Богу, это хорошо» Греки тоже служили тварям, но так, как если бы это были бы боги. Мы же тоже почитаем их, но мы чрез них возводимся к славе Божией.

О почитании креста

— Почему вы поклоняетесь кресту? Разве это не явное идолослужение?

Прп. Иоанн Дамаскин: А почему вы прикасаетесь к камню, который находится в Каабе вашей и целуете его, обнимая? Некоторые говорят, что на нем Авраам совокуплялся с Агарью; другие же говорят, что здесь он привязал верблюда, намереваясь принести в жертву Исаака. Итак, обнимая его потому только, что на нем Авраам совокуплялся с женщиной или потому, что к нему он привязал верблюда, вы не стыдитесь, как же обвиняете нас в том, что мы поклоняемся кресту Христа, которым сила демонов и заблуждения дьявола были уничтожены?

Свт. Григорий Палама: Даже мусульманский правитель, вероятно, и сам благосклонно отнесется

к почитающим его символ и в высшей степени будет недоволен теми, кто оскорбляет его; трофеем же и символом Христа является крест.

О браке

— *Почему Вы отвергаете многоженство?*

Свт. Симеон Фессалоникийский: Ибо дал [Бог Адаму] его жену и *двое*, как написано, *плоть едина* (Мф 19, 5—6), и таков был изначально переданный порядок устройства Божия, то есть один муж и одна жена, от начала [были созданы] один муж и одна жена, и они — единое естество. И потому учение [о многоженстве] есть безрассудно языческое и порочное. И Павел говорит, что мужу надлежит иметь одну жену: *«Во избежание блуда, каждый имей свою жену»* (1 Кор. 7, 2), а не многих.

О Евхаристии

— *Как это возможно для хлеба и вина, стать Телом и Кровью Христа?*

Св. Самон Газский: Ты не всегда был столь же высок, как теперь. Ты вырос, начиная с детства, и сегодня ты имеешь большее количество плоти и крови, чем имел тогда. Какова причина этого? Твое тело изменило пищу, которую ты вкушал, в плоть и кровь. Итак,

если человеческое тело может превращать пищу и питье в плоть и кровь, то поистине Бог также может сделать это⁴⁶.

— Как же, по-вашему, Тело Христово, находящееся внутри [хлеба], на бесчисленные тела и части разделяется? Разве многие разделенные Христы есть, или в каждом часть Одного?

Св. Самон Газский: Когда я говорю с отдельным человеком, он слышит меня и принимает в себя то, что я говорю. Если же я сообщаю те же самые слова тысяче людей, они бы все слышали одно и то же. Или, возьмем большое зеркало. Ты видишь свое изображение, отраженное в нем. Но однажды, когда ты разобьешь зеркало на сотню частей, ты увидишь то же самое собственное отражение в каждом из сотни осколков. Если такие явления происходят в каждодневной жизни, то почему это должно быть невозможно для Тела Нашего Господа — присутствовать во многих местах в то же самое время?

⁴⁶ Ответы св. Самона приводятся нами в кратком изложении.

Б У Д Д И З М

Предпосылки возникновения
и ареал распространения

Будда

Основные черты буддийского учения

Сангха

Хинаяна и махаяна

Тантрический буддизм (Ваджраяна)

Буддизм в Тибете

Буддизм Китая и Дальневосточный буддизм

Христианство и буддизм

БУДДИЗМ.

Предпосылки возникновения и ареал распространения

Слово «буддизм» создано европейцами в XIX веке. Сами адепты этого учения называют его просто Дхармой, что означает закон, или же Буддхидхармой — учением Будды.

Буддийская традиция признает две даты паринирваны (смерти) своего основателя — Сидхартхи Гаутамы (Будды Шакьямуни) — 544 г. до Р.Х. и 486 г. до Р.Х. В обоих случаях мы имеем дело с совершенно фантастическими датами, родившимися из астрологических выкладок поздних тантрических авторов. В настоящее время ни один из серьезных исследователей-буддологов не признает эти даты (так называемые «долгая хронология» и «исправленная долгая хронология») исторически релевантными. Буддологи также согласны с тем фактом, что Будда жил до походов Александра Македонского в Индию, то есть до 20-х годов IV в. до Р.Х. Далее начинаются разногласия: одни ученые максимально приближают Будду к эпохе походов Александра, другие разводят эти даты. Разногласия определяются источниками, которыми те или иные буддологи предпочитают пользоваться.

Буддизм возник в северо-восточной части Индии (территория современного штата Бихар), где находились

древние государства Магадха, Кошала, Вайшали, в которых проповедовал Будда, и где буддизм изначально получил значительное распространение. С одной стороны, здесь были слабее, чем в других частях Индии, позиции ведической религии и связанной с ней варновой (кастовой) системы, обеспечивающей привилегированное положение брахманской (жреческой) варны. С другой стороны, именно здесь шел бурный процесс государственного строительства, предполагающий возвышение второго «благородного» сословия — касты кшатриев (воинов и светских правителей — царей). Буддизм, как противостоящее брахманизму учение, опирался, прежде всего, на светскую власть царей. В опоре буддизма, даже не столько на сословие кшатриев, сколько на царскую власть как таковую, была скрыта серьезная опасность для его существования, которая в период упадка буддизма в Индии привела к практически полному исчезновению его на родине (VII—XIII вв.). В этот период цари постепенно переставали поддерживать буддизм, возвращаясь к традиционному индуизму. Вместе с прекращением царской поддержки буддизм исчезал.

Середина I-го тысячелетия до Рождества Спасителя была в Индии временем кризиса ведической религии необычайно сложных жертвоприношений и ритуалов. В этот период в государствах северо-востока Индии возникает множество альтернативных религиозных движений, к которым принадлежал и буддизм. Масса так называемых шраманов, аскетов, подвижников, странствующих философов, подвергших сомнению авторитет Вед и брахманов и поставивших своей целью самостоятельный поиск истины через занятия философией и йогой (психопрактикой

преобразования сознания) подвизались и проповедовали в это время. Одним из таких шраманов был и исторический основатель буддизма.

Вытесненный у себя на родине, буддизм в тех или иных своих формах получил широкое распространение в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, от Калмыкии до Японии, от Ланки (Цейлона) до Тувы и Бурятии, на Тибете, в Монголии и Китае. В XIX веке началась экспансия буддийских, а по большей части необуддийских верований в Европе и Америке, которая продолжается и по сей день.

БУДДА

Многочисленные жизнеописания основателя буддийского учения пронизаны специфическими сюжетами, тесно связанными с общеиндийской мифологией (например, верованием в переселение душ), а также элементами фольклорного характера, которые невозможно вычленишь из общего хода повествования.

Буддийские источники обычно сообщают, что до своего «последнего» рождения будущий Будда совершал бесчисленные подвиги любви и сострадания в течение сотен и сотен жизней, и сам избрал время и место своего рождения, в небольшом государстве шакьев на северо-востоке Индии

(территория современного Непала), где управлял мудрый Шуддотхана из древнего царского рода. В ночь зачатия супруга царя, царица Махамая увидела необычный сон: в ее бок вошел белый слон с шестью бивнями. Так она поняла, что зачала великого человека. Жизнеописатели подчеркивают, что зачатие было естественным, а видение белого слона было лишь знаком появления великой личности.

В соответствии с обычаем, незадолго до родов царица в сопровождении свиты отправилась в дом своих родителей, но доехать не успела: по пути у нее начались схватки, и в роще саловых деревьев, называвшейся Лумбини, царица взялась за ветку дерева и родила мальчика, который вышел из ее чрева через бедро. Младенец тут же встал на ноги и сделал семь шагов, провозгласив себя существом, превосходящим и людей, и богов. Здесь уместно провести параллель с различными апокрифическими текстами, повествующими о детстве Спасителя, которые изобилуют описанием чудес, совершенных Христом во младенчестве, и о которых умалчивают канонические Евангелия, где упор делается на беззащитности Богомладенца, пришедшего в мир нашего ради Спасения.

Вскоре после родов царица умерла. Царь призвал к младенцу астролога Ашиту, который обнаружил на его теле тридцать два признака великого человека (знак колеса между бровями, а также на ладонях и ступнях ног, ушнису — выпуклость на темени, перепонки между пальцами и т. д.) Ашита предсказал, что мальчик станет либо великим государем, либо великим аскетом. Мальчика нарекли Сиддхартхой Гаутамой. Гаутама — фамильное имя; слово Сиддхартха можно перевести как «полностью достигший цели». Отцу хотелось, чтобы его чадо стало его наследни-

ком, великим государем, а не отшельником, поэтому он постарался всячески оградить сына от страданий обычной жизни, которые могли повлечь за собой размышления о мимолетности жизни и бренности человеческого существования. Царевича поселили в оттороженном от внешнего мира великолепном дворце, где он рос, всячески преуспевая в учении и физических упражнениях. Однако с детства он проявлял склонность к созерцательной жизни, а однажды, сидя под розовым кустом, самопроизвольно погрузился в состояние йогического транса необычайной интенсивности...

По достижении положенного возраста Сиддхартха, как подобает наследнику, женился на принцессе Яшодхаре. Избранница царевича сперва не проявляла к нему благосклонности, полагая, что характер ее будущего супруга чересчур уж кроток для воина. Но жених, призванный являть совершенство во всем, продемонстрировал невесте свое воинское искусство, сердце Яшодхары смягчилось, и она согласилась стать его женой. У них родился сын Ракула. Таким образом, план царя-отца, казалось, был близок к осуществлению. Оставалось лишь передать наследнику царскую власть, чтобы спокойно отдыхать на старости лет. Но когда Сиддхартхе исполнилось двадцать девять лет, на охоте произошли три встречи, изменившие всю его дальнейшую жизнь.

Это были встречи со смертельно больным, стариком и умершим. Увидев прокаженного, царевич впервые осознал, что любого человека подстерегают ужасные болезни. Встретив старика, он понимает, что молодость и сила временны, и каждого рано или поздно неумолимо ждет дряхление и немощь. Придя в ужас от увиденного, царевич

едет дальше, а навстречу ему движется похоронная процессия. Наследник царства, никогда не знавший в жизни нужды ни в чем, внезапно понимает, что закономерный итог существования живого существа — неминуемая смерть, от которой нет избавления. Он возвращается домой в смятении духа. Мир вдруг открывается ему с совершенно иной, неприглядной своей стороны, где на каждом шагу тебя подстерегают страдания, от которых невозможно защититься. Даже временное благополучие достигается ценой мучений и гибели других существ. Он замечает, как на вспаханном поле птицы выклевают из комьев земли червей, и поражается, почему одни живые существа могут жить только ценой смерти других.

Какое-то время Сиддхартха пребывает в смятении, близком к отчаянию. Но тут ему даруется четвертая встреча. Он снова выезжает из дома и видит подвижника, погруженного в созерцание. Глядя на него, царевич осознает, что существует путь к постижению причин страдания и избавления от них, и этот путь связан с самоуглублением, самопознанием и аскезой. И тогда он принимает решение вступить на этот путь. Однажды, глубокой ночью он бежит из дворца верхом на своем любимом коне Кантаке в сопровождении единственного друга и слуги. Перед бегством, как сообщает в своей поэме Ашвагхоша, один из жизнеописателей Будды, он останавливается только у колыбели, где мирно спит недавно родившийся сын. К горлу Сиддхартхи подступает комок, но даже вид младенца не в состоянии поколебать его решимость. Отъехав достаточно далеко от дворца, на опушке леса он прощается с другом и с конем. В последний раз взяв в руки меч, он отсекает им свои длинные волосы «цвета меда» (знак

отречения от мирской жизни и вступления на путь аскета). Сделав это, он в одиночестве углубляется в лес.

На протяжении последующих лет Сиддхартха присоединялся к различным монашеским общинам, постигая на практике множество аскетических учений, ни одно из которых не удовлетворяло его и не давало ответа на терзающие его вопросы. В этот период духовного кризиса в Индии существовало множество причудливых доктрин, о которых мы можем судить исключительно по полемизирующим с ними буддийским источникам. Так, мы знаем, что Пурана Кассапа проповедовал бесполезность действий; глава известной школы адживиков (т.е. «бездушников», «джива» означает «душа») — строгий детерминизм и фатализм; Аджита Кесакамбала, прозванный так потому, что носил плащ, сотканный из человеческих волос (Кесакамбала — Волосатое Одеяло, Аджита — без души), развивал учение, близкое к материализму; Санджая Белаттипхутта был приверженцем полного агностицизма; Нигантха Натапутта — скептических взглядов. Наиболее известных учителей Сиддхартхи или Шакьямуни (Шакья — происходящий из царского рода шакьев, муни — отшельник) звали Удрака Рамапутра и Арада Калама. Эти двое проповедовали учение, близкое санкье — одной из ортодоксальных брахманских школ (санкья в переводе счет), а также учили йогической практике духовных упражнений, в том числе дыхательной гимнастике, требовавшей длительной задержки дыхания.

Нигде не найдя того, что искал и не получив ясного ответа ни на один из мучивших его вопросов, Шакьямуни в конце концов примкнул к пяти аскетам, которые практиковали полное умерщвление плоти. Он дошел до такой

крайней степени истощения, что, дотронувшись рукой до живота, чувствовал под пальцами позвоночник. Однако и аскеза не приблизила его к просветлению, истина казалась ему столь же далекой, как и тогда, когда он жил в роскоши в царском дворце. Тогда он решил отказаться от крайней формы аскетизма и немного поел рисовой каши на молоке из рук жившей неподалеку девушки. Пятеро его товарищей сочли это отступничеством и немедленно покинули его. Оставшись в полном одиночестве, бывший царевич дал клятву, что не сойдет с места, пока не достигнет своей цели. Он уселся под баньяновое дерево в позу созерцания и погрузился в глубокий транс. Злобный демон Мара пытался сначала уstrasшить, а после соблазнить его, но Сиддхартха остался непоколебим, и Мара отступил. Между тем Сиддхартха все глубже и глубже погружался в созерцание, откуда ему не открылись составляющие основу буддийского учения Четыре Благородных Истины о страдании, его причинах, о прекращении страдания и о пути, ведущему к этому прекращению. Наконец, он достиг состояния крайнего транса — самадхи, когда его сознание уподобилось безграничной гладкой поверхности Океана в состоянии штиля, когда зеркальная гладь неподвижных вод бесстрастно отражает в себе все феномены. Сиддхартха Гаутама навсегда исчез, а в мире появился Будда — пробужденный или просветленный (санскритский корень этого слова тот же самый, что в русских словах «будить», «пробуждаться»). Больше он не был ни отшельником, ни царевичем, ни наследником престола, потому что, согласно буддийскому мировоззрению, он, строго говоря, не был больше и человеком, ибо люди рождаются и умирают, а Будда превыше жизни и смерти. Отныне его принято именовать титулами Будда Шакьямуни

или Татхагата, что может одинаково интерпретироваться как «Так Пришедший», равно как и «Так Ушедший», из-за неопределенной длительности «а» в середине слова. Поскольку такая игра возможна исключительно на санскрите, на другие языки слово Татхагата переводится то как «Так Пришедший», то как «Так Ушедший». Нередко эта двусмысленность обыгрывается в буддийских текстах, например: «Татхагата ниоткуда не пришел и никуда не ушел, поэтому его и называют Татхагатой». Другие эпитеты, прилагаемые последователями к Будде: Бхагаван — благословенный, наделенный благой долей; Сутата — правильно идущий; Джина — победитель и т.д. Узрев просветление Будды, индийские небожители возрадовались и осыпали его небесными цветами. В это время сам Татхагата еще в течение семи дней пребывал в состоянии самадхи, наслаждаясь блаженством освобождения и не обращая никакого внимания на оказываемые ему почести. На восьмой день к нему опять приступил Мара, на этот раз уговаривая его остаться здесь же, под Деревом Бодхи, наслаждаясь обретенным просветлением, и отказаться от проповеди. Отвергнув это искушение, Будда немедленно встал и отправился в один из религиозных центров Индии — Бенарес. Придя туда, он направился в близлежащий Олений Парк, где произнес первую свою проповедь — Проповедь о Повороте Колеса Учения. Его первыми слушателями оказались те самые пять аскетов, которые ранее покинули его как отступника. Сперва они не хотели слушать его, но их поразила его изменившаяся внешность. Выслушав Будду, отшельники тотчас уверовали и стали первыми буддийскими монахами. Так новое учение сразу же обрело три объекта поклонения (Триратна), с принятием прибежища которых человек становится буддистом — Будду, Дхарму (его Учение).

и Сангху (монашескую общину). Кроме аскетов проповедь слышали еще и две паспиеся неподалеку газели. Изображения их по обе стороны восьмичастного Колеса Учения стало символом буддизма. Это изображение принято размещать на крышах буддийских храмов.

По преданию, Сиддхартха Гаутама покинул дворец в двадцать девять лет, стал Буддой в тридцать пять. После этого он в течение сорока пяти лет проповедовал свое учение в разных государствах на северо-востоке Индии. Богатый купец подарил общине рошшу возле столицы государства Кошала, где Будда и его монахи часто останавливались. Община росла и, если верить буддийским источникам, достигла 12 500 человек. Вокруг Будды образовался круг наиболее выдающихся учеников. Не забыл он и о своей родне, посетив страну шакьев. Его жена и сын тотчас же приняли монашество. Отец Будды, оставшийся без наследника, взял с него слово, что тот никогда не примет в общину единственного сына без согласия родителей. Этот обычай строго соблюдается в буддийских странах, особенно на Дальнем Востоке.

Шло время. Будда старел. Близился день окончательно его ухода в нирвану. Это произошло в местечке Кушинагара, относительно недалеко от Бенареса. Смерть его описывается довольно буднично. Пообедав в гостях у одного из своих почитателей, Будда заболел желудочной болезнью, по симптомам напоминающей дизентерию. Он слег и, промаявшись несколько дней, собрал вокруг себя ближайших учеников и дал им последнее напутствие надеяться на собственные силы и усердно трудиться во имя освобождения. После этого он лег на правый бок в ритуальной позе и погрузился в созерцание, сменившееся физической смертью. В соответствии с обычаями, ученики кремировали его тело.

Основные черты буддийского учения

Прежде чем вести разговор об учении буддистов, следует сделать несколько существенных замечаний. Дело в том что, во-первых, буддизм исторически представлен в виде различных течений и направлений, подчас чрезвычайно отличающихся друг от друга.

Во-вторых, чрезвычайно тяжело идентифицировать, является ли буддизм, как это принято считать, религией; или же, на самом деле, это невероятно изощренная философская система; или это некоторое построенное на психофизических практиках этическое учение. Надо сказать, что буддизм с натяжкой подпадает под любую из перечисленных категорий. Буддизм трудно называть религией, поскольку в нем отсутствует идея Нетварного Божества. На страницах сутр то и дело встречаются упоминания о различных богах, но достаточно беглого знакомства, чтобы понять, что эти персонажи проникли сюда контрабандой. Дело в том, что буддизм чрезвычайно толерантен ко всему, что напрямую не затрагивает его мироощущение. А поскольку проповедь свою буддийские учителя вели, как правило, в религиозной среде, они легко встраивали в свое учение традиции того народа, которому проповедовали, одновременно вписывая божества этого народа

в свой пантеон. Синтез буддизма с местными верованиями произошел в Китае, Японии, Монголии, Тибете и в других странах, куда проник буддизм. Кроме того, участь божеств в буддизме столь же незавидна, сколь и участь людей — они подвержены причинно-следственному круговороту, отчего вынуждены рождаться и умирать, как и прочие живые существа, за исключением Будды. Но почитание Будды тоже нельзя назвать исключительно религиозным поклонением: Будда скорее учитель, указующий путь избавления.

С другой стороны, если рассматривать буддизм лишь как философское учение, мы тут же наталкиваемся на новые трудности. Буддийская философия никогда не была умозрительной дисциплиной, направленной на поиск истины, ценной как таковой. Она всегда была лишь частью буддийской практики, направленной на трансформацию личности. Носителями философского знания в буддизме были исключительно члены монашеского сообщества — сангхи. В этом контексте буддийская философия относилась самими буддистами к области «искусных средств», «уловок» — некоей интеллектуальной игры, призванной трансформировать сознание, разрушить привычные связи.

В силу изложенных причин, отстраненному исследователю невозможно вычленил некий «истинный буддизм». Тем не менее, существует некий круг идей, которые в том или ином виде, с той или иной акцентуацией характерны для всех направлений буддизма. К этим идеям следует отнести, так называемые, Четыре Благородные Истины; учение о причинно-зависимом происхождении и карме; доктрину анатмавады («не души») и кшаникавады (учение о мгновенности), а также буддийскую космологию.

Все буддисты верят, что эти принципы были провозглашены самим Буддой.

■ **Четьре Благородные истины** представляют собой формулировки, вполне сопоставимые с формулировками врача, ставящего больному диагноз и назначающего лечение.

Первая Благородная истина — это истина о страдании. Термин *дуккха* — страдание, можно также перевести как тягота, бремя, канитель. «Все есть страдание. Рождение — страдание, болезнь — страдание, смерть — страдание. Соединение с неприятным — страдание, разлучение с приятным — страдание. Поистине, все пять групп привязанности суть страдание» — такой формулировкой передается первая Благородная Истина. Для буддиста страдание есть фундаментальная характеристика бытия как такового. Мир является не результатом Благого Творения, а кошмарным порождением человеческого желания. Даже временное удовлетворение желания и связанное с этим удовлетворением удовольствие не является противоположностью страданию, а включено в него, представляя собой его аспект. Человек находится в состоянии постоянной неудовлетворенности, его желания даже могут вступать в конфликт друг с другом. Говоря о страдании, буддизм не ограничивается человеческим уделом. Страдают животные, в природе жизнь одного покупается ценой жизни другого. Неисчислимы страдания обитателей буддийских адов, где страдают от никогда не удовлетворяемых влечений голодные духи, страдают и божества. Нет такой формы жизни, которая не была бы подвержена страданиям.

Вторая Благородная истина — истина о причинах страдания. Эта причина — влечение, желание, стремление, привязанность к жизни. Это влечение понимается буддизмом чрезвычайно широко, в это понятие включается и отвращение, как обратная сторона влечения. В основе жизни — влечение к приятному и отвращение к неприятному, основанные на непонимании того, что суть бытия есть страдание. Влечение порождает страдание, если бы не было влечения и жажды жизни, не было бы и страдания, но этой жаждой пронизана вся природа. Регулируется же эта жизнь законом *кармы*. Слово *карма* может быть переведено как «дело», «действие», причем это действие обязательно имеет причинно-следственный результат. Совокупность всех действий, совершенных в течение жизни, точнее, общая энергия этих действий определяет необходимость нового рождения, которое полностью определяется кармой (т.е. характером совершенных действий) умершего. Иными словами, всякое действие является следствием какого-либо уже совершенного действия и причиной еще имеющего место совершиться. Этот круговорот действий, ведущий к непрекращающейся череде рождений-смертей, в религиях Индии называется *сансарой*. Избавление из круговорота *сансары* является основной целью этих религий. Согласно общеиндийскому мировоззрению, сансара безначальна, то есть ни у одного из существ не было абсолютно первой жизни, все они пребывают в сансаре извечно. Это означает, что человек, заброшенный в мир, снова и снова совершает поступки, каждый из которых заранее предопределен, поскольку является не действием свободного волеизъявления, а следствием всего ряда предшествующих

деяний. Сансарическое существование чревато повторяемостью ситуаций и ролей, мучительным однообразием циклической воспроизводимости одного и того же содержания, для индийца она сопряжена с чувством несвободы и мучительной поработченности. В отличие от христианства здесь отсутствует линейность времени, его эсхатологическая направленность к концу, когда пришествие Спасителя должно положить конец власти греха, страдания и смерти, когда человек может надеяться на иное бытие в Его Царстве, неподвластном тлену. В индийских религиях время течет по замкнутому кругу. При этом причинно-следственный закон (*карма*) понимается буддистами не как некое возмездие или воздаяние со стороны Бога, а как абсолютно объективный базовый принцип существования, неотвратимый как закон природы, действующий безлично и автоматически. Помимо человеческого, буддист признает еще пять возможных форм существования: рождение в качестве божества (дэва), воинственного титана (асура), а также животного, голодного духа (преты) и обитателя ада. Первые две формы рождения вместе с человеческой считаются «счастливыми», остальные три — «несчастливыми». Никакой идеи «духовной эволюции», которую проповедуют нетрадиционные оккультные учения, в буддийской модели не заложено: после смерти в качестве божества можно снова родиться человеком, потом попасть в ад, потом родиться животным, снова человеком и так до бесконечности. Но, согласно большинству буддийских учений, человек единственный из всех существ способен порождать карму и, таким образом, несет все же некоторую долю ответственности за свои поступки, другие же существа только

пожинают плоды благих и дурных деяний, совершенных ими в предыдущих рожденьях. В буддийских текстах постоянно подчеркивается, что человеческая форма существования особо благоприятна. С одной стороны, человек не так погружен в обманчивое блаженство, как небожители, с другой, не настолько измучен страданиями, как обитатели адов, кроме того, в отличие от животных он наделен достаточным интеллектом. Это уникальное положение предоставляет человеку парадоксальную толику свободы: возможность выйти из всеобщего круговращения в вечное блаженство *нирваны*. Тут мы непосредственно приближаемся к содержанию.

Третья Благородная истина — истина о прекращении страдания, то есть о нирване. Несмотря на то, что все уровни существования пронизаны страданием, существует, как утверждает буддийское учение, такое состояние, в котором страдания больше нет, и состояние это достижимо. Именно это состояние буддисты называют *нирваной*.

Слово «*нирвана*» восходит к санскритскому корню «*нир*» со значением «угасание», «затухание». Исходя из этого, востоковеды XIX века трактовали нирвану как полное прекращение жизни, некое полное умирание, вследствие чего обвиняли буддизм в пессимизме. Сами буддийские тексты настойчиво подчеркивают, что угасание вовсе не означает прекращение бытия. Угасают именно аффекты и страсти, являющиеся причиной страдания, а вместе с причиной должно исчезнуть и следствие. Однако если бы мы попытались дать позитивное

определение нирваны, нас постигла бы неудача... Дело в том, что Будда, никогда не давал прямого ответа на вопрос, что же такое нирвана, более того, старался промолчать, когда этот вопрос ему все-таки задавали. Опираясь на свидетельства источников, мы можем констатировать только, что нирвана, о которой учит Будда — не Бог, и не безличный Абсолют, и его молчание не имеет ничего общего с апофатической теологией. Нирвана не некая субстанция, поскольку субстанций буддизм вообще не признает, а, скорее, некоторое неподдающееся описанию состояние, абсолютно не имеющее отношения к обычному (сансарическому) опыту, в котором нет ничего подобного. Поэтому правильное ничего не говорить о нирване, нежели сравнивать ее с чем-либо нам известным, иначе буддист силою воображения немедленно сконструирует «свою» нирвану, создаст некий ее ложный образ и привяжется к ней, сделав, таким образом, саму нирвану объектом вождения, а, следовательно, и источником страдания. Поэтому Будда ограничивался самыми общими характеристиками нирваны как состояния, свободного от страдания, или как состояния высшего блаженства.

Четвертая Благородная истина указывает буддисту путь, двигаясь которым он может достичь освобождения — нирваны, то есть *Благородный Восьмеричный путь*. Путь этот разделен на три большие этапа, которые буддисты называют: этап мудрости, этап нравственности, или соблюдения обетов, и этап сосредоточения, то есть психопрактики. Первый этап включает в себя две ступени, остальные по три.

I. Этап мудрости

1) Правильное воззрение. (Здесь и далее, на протяжении изложения этапов Восьмеричного пути, слово «правильный» (самьяк) может быть переведено как «целостный», «полный» или «всеохватный». Таким образом, оно одновременно указывает и на правильность, то есть на предписанный буддийской традицией характер практики, и на всеобъятность, тотальность этой практики). На этом этапе адепт должен узнать и усвоить Четыре Благородные Истины и другие базовые положения буддизма, пережить их, сделать основой мотивации всего своего поведения.

2) Правильная решимость. Руководствуясь принципами буддийского учения, адепт должен раз и навсегда встать на путь, ведущий к нирване.

II. Этап нравственности

3) Правильная речь. Итак, исполнившись решимости, буддист должен избегать лжи, клеветы, лжесвидетельства, брани, закрыть свой рот для питающих вражду сплетен.

4) Правильное поведение. Живя в миру, адепт принимает минимальное количество обетов, которые должны способствовать накоплению благой кармы. Вот список этих обетов:

1. Ненасилие, непричинение вреда живым существам.
2. Отказ от дурной речи (ложь, клевета и все, что уже перечислялось в связи с третьим шагом).
3. Отказ от воровства, присвоения чужой собственности.
4. Отказ от прелюбодеяния.
5. Отказ от употребления дурманящих веществ.

Обеты для монашествующих куда более строги и предназначены не для улучшения кармы, а для полного ее исчерпания и изничтожения.

5) Правильный образ жизни, по сути, дело то же, что и правильное поведение, но этот шаг больше ориентирован на других, взятый в социальном измерении. Правильный образ жизни предполагает, что буддист будет воздерживаться от тех занятий, которые несовместимы с правильным поведением. Например, он должен воздерживаться от торговли живыми существами, будь то работорговля или просто торговля скотом, от торговли оружием, от службы в армии, распространения наркотиков или алкоголя. Кроме того, адепт не может заниматься профессиями, связанными с обманом (к числу таких буддисты относят и занятие гаданиями, предсказание судьбы, составление гороскопов и т.п.).

III. Этап сосредоточения

Этот этап самый важный для достижения цели (предыдущие этапы должны рассматриваться исключительно как необходимая подготовка к нему, не имеющая самостоятельной ценности), предназначен уже в основном для монашествующих.

6) Правильное усердие, заключающееся в постоянных занятиях буддийской йогой. Санскритское слово «йога», образованное от корня «йудж» — связывать, воедино, сопрягать, запрягать, родственно русскому «його» и английскому «yoke» — «ярмо», «його». Оно означает концентрацию, сосредоточение всех сил для достижения цели. Издревле этим словом называли в Индии ряд различных, весьма сложных систем психофизического

тренинга, направленного на изменение сознания и переход из обычного «профанного» состояния в сакральное состояние «бессмертия и свободы». В широком смысле слова, йогой зовут любую форму психотехники, практикуемой для освобождения от сансары. О «правильной решимости» здесь говорится как о развитии установки на углубленное, соответствующее буддийской традиции занятие психофизической практикой созерцания для перехода в нирвану.

7) Правильное памятование, представляющее из себя тотальный контроль над физическими и сознательными процессами при развитии непрерывной осознанности. Адепт сначала старается достичь успокоения сознания, прекращения волнения психики, избавления от аффектов и психической нестабильности. Когда это удастся, он должен сознательно культивировать благие, с точки зрения буддизма, состояния и отсекал неблагоприятные.

8) Правильное сосредоточение, или правильный транс. На этом последнем этапе буддист ставит себе целью достижение *самадхи*, предельной формы созерцания, при которой полностью должны исчезнуть различия между созерцающим (субъектом), созерцаемым (объектом) и самим процессом созерцания. Буддийская традиция описывает многочисленные виды самадхи, некоторые из которых должны приводить к нирване. Правильная, с буддистской точки зрения, практика транс самадхи приводит монаха к освобождению и он становится *архатом*, т.е. «достойным». Достижение этого состояния является целью Восьмеричного Пути и исчерпывает собою содержание четвертой Благородной Истины.

■ **Учение о несуществовании индивидуального простого вечного «я», анатмавада** — доктрина, кардинально отличающая буддизм от большинства религий и занимающая ключевое место в буддийской практике трансформации сознания. Несмотря на то, что проработана она детально и скрупулезно, а изложена достаточно четко и ясно, именно эта доктрина при изучении буддизма наиболее сложна для понимания.

Как мы помним, причиной возникновения и продолжения страданий буддизм видит страсти и влечения, приводящие к причинно-следственным связям и удерживающие живое существо в колесе сансары. А именно, чувство «я» и неизбежно возникающую из этого чувства привязанность к собственному «я» буддизм считает источником прочих привязанностей и, следовательно, корнем всех зол. Стало быть, для того чтобы избавиться от аффектов, необходимо положить конец этому влечению, а это возможно, если доказать, что «я» как объект, на который направлено базовое влечение, не существует. При такой постановке, речь естественно не может идти о некотором «объективном» рассмотрении вопроса. Логiku буддийского отношения к «я» можно представить следующим образом: уверенность в существовании индивидуального «я» препятствует достижению того единственно приемлемого состояния сознания, в котором сознающий не проводит разграничения между собою, сознаваемым и процессом сознания. Поэтому, следует построить такое доказательство, которое разрушило бы устойчивое и пагубное представление об индивидуальном «я», свело бы это представление к абсурду. И такое доказательство блистательно выстраивается.

Буддисты утверждают, что индивидуальность человека есть ничто иное, как объединенная общим именем совокупность

соединенных в определенном порядке психофизических элементов. В знаменитом буддийском сочинении «Вопросы Милинды», буддийский монах Нагасена просвещает на этот счет греко-индийского царя Милинду (Менандра). Царь полагает, что если души нет, то ни один из элементов психофизического состава человека не может считаться личностью. В ответ Нагасена указывает царю на колесницу, и, называя по одной каждую из ее частей, спрашивает, не является ли эта часть колесницей. В результате, собеседники приходят к выводу, что ни одну из частей, ни все части, собранные воедино колесницей назвать нельзя. Колесница — это только имя, обозначающее все эти части, сложенные в определенной последовательности и имеющие определенную функцию. Точно так же и личность, включает по аналогии Нагасена, является только именем, обозначающим упорядоченные определенным образом пять групп элементов опыта. В буддийской традиции эти группы именуются *пятью скандхами* («скандха» дословно означает «куча»). Это:

1. «куча» чувственного, всего, что мы могли бы отнести к чувственно воспринимаемому и материальному;
2. «куча» чувствований, то есть ощущения приятного, неприятного и нейтрального;
3. «куча» осознания различий, а также формирования представлений и понятий;
4. «куча» свойств, определяющих поведение — волеи и побудительных импульсов. Именно эта группа свойств формирует карму;
5. и последняя «куча» — сознание как таковое (*виджняна*).

Следует подчеркнуть, что порядок перечисления скандх не случаен — он отражает порядок восприятия объекта и его освоения сознанием. Вначале воспринимаются только чувственные данные, затем сопровождающее их чувство удовольствия или неудовольствия, только после этого формируется конкретный образ воспринимаемого объекта и оформляется отношение к нему. Все эти процессы сопровождаются спонтанным участием в них сознания, присутствующего даже на уровне восприятия. Следует обратить внимание, что буддийское определение личности включает в себя не только воспринимающего (субъекта), но и всю область восприятия, воспринимаемые им внешние предметы. Для буддийского мышления отдельно не существует «человека» и «солнца», а есть некоторое целое, «человек, видящий солнце»; т.е. солнце оказывается не внешним объектом, а частью личности, включенной в процесс восприятия. Иными словами, буддиста интересует не мир, в котором мы живем, а мир, который мы воспринимаем. Еще раз напомним, что состояние сознания, к которому стремится буддист, предполагает полное слияние воспринимающего, воспринимаемого и процесса восприятия. А собственное «я» не может быть объектом; для того, чтобы воспринимать его, человек должен совершить некоторую недопустимую интеллектуальную процедуру; посмотреть на самого себя со стороны, глазами другого. А эта процедура не может восприниматься буддистом иначе как недопустимая и даже пагубная, поскольку разверзает непроходимую пропасть между «я» воспринимающим и «я» воспринимаемым. Вдобавок, даже с нашей, совсем не индийской точки зрения, второе «я» оказывается не более

чем измышлением, ошибкой ума. Для того чтобы избежать подобного недоразумения, буддист должен отказаться от «я», как от содержания сознания. Однако простого отрицания идеи «я» оказывается недостаточно. Буддийская логика идет дальше.

Оказывается, что скандхи, образующие личность, тоже нельзя назвать реально существующими. Они лишь группы элементов наделенных формальной реальностью. Эти элементы буддисты называют дхармами. Кратко определить понятие «дхарма» чрезвычайно трудно. Само слово образовано от санскритского корня *dhr* — держать. Дхарма — это, можно сказать, такой «носитель», «держатель» некоего качества, элементарный, неделимый и почти неуловимый элемент человеческого психофизического опыта, элементарное состояние. Каждая дхарма несет только одно качество — свое собственное, причем она неотличима от этого качества, полностью совпадает с ним. При этом существование дхармы длится мгновение. То есть, воспринимаемый мир, составляющий структуру личности не более, не менее, как калейдоскоп вспыхивающих и тотчас исчезающих навсегда дхарм. Дхармы постоянно возникают и исчезают, заменяясь новыми, которые обусловлены предшествующими дхармами по закону причинно-следственной зависимости. В своей совокупности эти постоянно возникающие и исчезающие дхармы образуют поток, который обнаруживает и начинает переживать себя как живое существо. Таким образом, любое существо воспринимается буддистом не как неизменная сущность, а как череда постоянно изменяющихся состояний, не прекращающийся ни на миг процесс.

■ Доктрина о мгновенности

С учением о дхармах тесно связана еще одна особенность буддийского мировоззрения — **доктрина о мгновенности**. Она утверждает, что каждая дхарма существует ничтожно малое мгновение, и потому поток дхарм даже во времени качественно не равен самому себе. Выше мы отметили, что буддисты используют общеиндийскую мифологию, одним из неотъемлемых элементов которой является учение в перевоплощении души после смерти. В учении о мгновенных дхармах эта доктрина кардинально переосмысливается. Оказывается, что перевоплощаться, строго говоря, некому. Просто процесс, который представляет собою человеческая жизнь, со смертью не прекращается, череда мимолетных неудовлетворенных желаний, никогда не прекращающееся стремление в дурную бесконечность. Одним словом, буддизм выстраивает такую «картину мира», в которой негде удержаться взору, невозможно помыслить хотя бы один реальный объект. При этом такая картина никоим образом не имеет отношения к какой-либо объективности. Буддиста волнует только приведение своего сознания в определенное состояние.

■ Буддийская космология

Буддийская космология ставит перед собою ту же задачу. Почти все школы индийского классического буддизма не сомневались в существовании мира вне сознания воспринимающего субъекта, но этот совершенный мир в себе совершенно и принципиально не интересовал

буддистов. Мир буддийской космологии — это мир, уже отраженный в сознании человека и, таким образом, включенный в дхармический поток, ставший его частью. Здесь буддисты опять заимствовали общеиндийскую космологию, изменив ее в соответствии с принципами своего учения. Традиционный буддийский мир трехслоен, т.е. состоит из трех уровней, трех миров — мира желаний, мира форм и мира не-форм.

Мир желаний — место, где живут (точнее — место, которое переживают) почти все живые существа, за исключением некоторых буддийских божеств и преуспевших в йогических упражнениях монахов. В мире желаний пребывают обитатели адов, голодные духи, животные, люди, большая часть богов. В центре плоской земли находится устремленная ввысь гора Сумеру, вокруг которой располагаются дворцы тридцати трех богов мира Брахмы. Гора эта окружена несколькими кольцами других гор, которые, в свою очередь, омывают воды мирового океана. В этом океане находится четыре континента, одним из которых является «наш» континент. Под землею расположены обиталища голодных духов — претов, а также десять холодных и горячих адов. Самый страшный из них называется «нирая» — срок обитания в нем невероятно долог, но все же конечен, как и все в буддийском мире.

Таких трехслойных миров, подобных нашему, чрезвычайно много, все они существуют по одним и тем же законам, параллельно друг другу. Космическое время циклично и безначально, ни один из циклов его не может считаться первым. Разумеется, в таком мире не может идти речь о Творении. Причина существования миров — энергия совокупной кармы живых существ предыдущего цикла.

После разрушения одной из вселенных на ее месте существует лишь бесконечное пространство, в котором в некоторый момент начинают веять некие смерчи, постепенно превращающиеся в мощный ураган, который начинает сгущаться и затвердевает до алмазной твердости. Далее этот самовозникший мир формируется «сверху вниз», от сложного к простому. Вначале возникает небесный дворец индийского небожителя Брахмы, который сидит на своем престоле, вокруг него появляются другие тридцать три бога мира желаний. Видя Брахму, они восклицают: «Вот создавший нас! Он вечен! Он был всегда!» — так возникает вера в бога-творца. Златоцветные облака, клубящиеся в выси, начинают изливаться дождь, заливающий диск ветра внизу, и образует мировой океан. Из растворенной в океане мути поднимаются гора Сумеру и континенты. Последними появляются ады. Люди, появившиеся уже после на континентах, поначалу божественны и мало чем отличаются от небожителей. Срок их жизни равняется 84 000 лет. Напомним, что числа подобной величины указывают адепту на некий предел и не обязательно должны восприниматься буквально. В данном случае важно, что 84 тысячи, с одной стороны, достаточно большой срок, который невозможно сопоставить с обычной человеческой жизнью, с другой стороны — это все равно конечное число. Земля в это время покрыта необыкновенным земляничным пирогом, источающим необычайный благовонный аромат. Природа первых людей такова, что они вообще могли бы обходиться без еды, но аромат земного пирога настолько пленяет их, что они съедают его. Тем временем срок их жизни понемногу сокращается, тела грубеют, образуются органы пищеварения. К тому времени, когда

весь пирог оказывается съеденным, люди уже не могут обходиться без пищи. Им не остается ничего другого, как начать выращивать рис, но риса не хватает на всех, и тогда люди проводят межи, отделяя один участок от другого. Так появляется собственность. Но риса становится все меньше, люди по-прежнему продолжают испытывать недостаток в пище. Появляются те, кто нарушает установленные межи и ворует рис. Воцаряется беспорядок, учащаются столкновения между людьми. Тогда люди решают, что наступило время навести порядок и для этого принимают решение избрать из своей среды наиболее достойного. Так появляется первый царь. Он отбирает себе в помощники наиболее достойных людей, призванных непосредственно к поддержанию порядка. Из них складывается сословие воинов (кшатриев). В это же время на земле начинают появляться Будды.

Постепенно человеческие нравы вырождаются все больше и больше. Эгоизм становится столь велик, что люди не могут выносить уже даже вида друг друга. По мере нравственной деградации сокращается и срок их жизни, постепенно он уменьшается до десяти лет. Это не означает, что люди умирают детьми, в короткий срок уменьшается весь жизненный цикл и, если раньше люди были подобны небожителям, то теперь они мало чем отличаются от кошки или собаки. В конце концов, люди разбредаются по лесам, стараясь не встречаться, а, встречаясь, пытаются сразу же убить друг друга. Этот период нравственной деградации продолжается до тех пор, пока не находится человек, который понимает, что так жить больше нельзя. Он идет к другим людям и обучает их дружелюбию. Нравы начинают медленно улучшаться,

а срок жизни постепенно возрастает и снова достигает восьмидесяти четырех тысяч лет, после чего, как можно уже догадаться, начинается новый этап деградации. Период уменьшения срока жизни и нравственной деградации получил название «периода убывания», противоположная фаза цикла — «периода возрастания». Эти отрезки являются условной единицей измерения времени всего космического цикла, даже тех его периодов, когда ни людей, ни других живых существ еще не было. Вся *махакальпа* (великий период, полный цикл существования вселенной) делится на четыре малых *кальпы*: пустоты (от разрушения одного мира до начала формирования другого), формирования, пребывания (когда космос относительно стабилен) и разрушения. Каждая из четырех *кальп* состоит из двадцати периодов возрастания и убывания, то есть время существования мира от одного момента разрушения до другого равняется восьмидесяти периодам возрастания и убывания.

В течение периода пребывания мира появляются Будды и *чакравартинь*. Чакравартин (Государь, Поворачивающий колесо) — миродержец, совершенный вселенский монарх, обладающий теми же тридцатью двумя признаками, что и Будда, но признаки эти выражены слабее. Непременным атрибутом чакравартина является *чакра* — боевой метательный диск. По типу чакры чакравартинь отличаются друг от друга: чакравартин с золотой чакрой все люди сами просят, чтобы он правил ими; чакравартин с серебряной чакрой начинает собирать войска, но не успевает собрать их, поскольку люди раньше признают его власть; чакравартин с железной чакрой двигает свои войска в поход, но его противники

сдаются без боя. Для буддиста важно, что правление настоящего чакравартина обходится без насилия.

Спустя двадцать периодов возрастания и убывания накопившаяся дурная карма приводит к тому, что мир начинает разрушаться. Первым признаком разрушения является прекращение рождения в адах, поскольку ады, возникшие последними, разрушаются первыми. Наконец, все существа гибнут, а мир охватывает пожар. Последним вспыхивает дворец Брахмы и мир исчезает, уступая место кальпе пустоты. Далее весь цикл неизменно повторяется. Уже в рамках *махаянского* буддизма велись споры о том, прекратится ли этот цикл, если все живые существа достигнут нирваны? Одни буддийские школы признавали такую возможность, другие отметали ее, принимая доктрину не только о безначальности, но и о бесконечности сансары.

Но что представляют собой два высших мира буддийской космологии — миры форм и не-форм?

Мир форм назван так оттого, что группа чувственного там представлена значительно слабее, чем в мире желаний. Здесь пребывают чистые формы, не заключенные в грубую материальность. Мир этот населен высшими богами, не вмешивающимися в дела мира желаний. Срок их существования чрезвычайно велик, так как два высших мира не подвержены постоянным разрушениям и воссозданиям. Мир не-форм представляет собой чистые состояния сознания без соответствующих им местопребываний. Здесь нет ни времени, ни пространства, ни восприятия, ни не-восприятия. Тем не менее, это не нирвана, а часть сансары. Обычное живое существо не может родиться в этом мире, но йогины, еще при жизни приводящие свое

сознание в определенное состояние, после смерти могут проявиться здесь. Однако срок пребывания здесь настолько долг, что даже время длительности великой кальпы ничто по сравнению с ним. Поэтому стремиться сюда ни коим образом не следует, ведь рано или поздно сила кармы все равно проявится, и йогин, вознесшийся сюда, непременно ниспадет в более низкие круги сансары, ничего не приобретя, а лишь потеряв драгоценное время, которое могло бы быть использовано для достижения нирваны. Рождение здесь считается столь же неблагоприятным, как и рождение в аду. А посему буддизм не одобряет лишенную направленности на освобождение, чисто технически изощренную психотехнику. Считается, что сам Будда вошел в окончательную нирвану не с предельной восьмой ступени созерцания, а с четвертого уровня. Некоторые буддийские тексты высказываются в том смысле, что именно достижение мира не-форм принимают за освобождение индийские мистики не-буддисты (индуисты, джайны и пр.). Они становятся жертвами собственных достижений психопрактики.

Таков вкратце мир, в который помещает себя буддист, и от которого он стремится освободиться. Еще раз подчеркнем, что это огромное и неуютное мироздание ни в коем случае не может называться объективной реальностью, это скорее некое «правильное представление о мире», причем «правильность» представления заключается именно в том, что оно помогает адепту в его единственной кардинальной цели — стремлению к нирване. Нужно отметить, что сами буддисты никогда не придавали какого-то исключительного значения этой картине мира и довольно спокойно трансформировали ее в различных регионах распространения буддизма под влиянием местных космологических систем.

САНГХА

Теперь попробуем посмотреть, как буддийское учение отражается на устройении жизни. Буддизм по преимуществу монашеское учение. Среди Трех Драгоценностей, Трех прибежищ, к которым обращается буддист в начале своего пути, немаловажное место уделяется сангхе — монашеской общине. Формула Трех Драгоценностей, которую произносит всякий, кто решил посвятить свою жизнь достижению нирваны, звучит так:

В Будде я принимаю прибежище.

В Дхарме я принимаю прибежище.

В сангхе я принимаю прибежище.

Во второй раз я принимаю прибежище в Будде.

Во второй раз я принимаю прибежище в Дхарме.

Во второй раз я принимаю прибежище в сангхе.

В третий раз я принимаю прибежище... и далее.

То есть, формула приверженности Будде, его учению и его общине повторяется троекратно.

По существу, только монахи являются буддистами в собственном смысле этого слова. Высокие требования, которые буддистская община предъявляет к своему адепту, практически неприменимы к статусу домохозяина. Это

было общим убеждением буддистов всех направлений во все времена, разделяла же их в этом вопросе лишь степень строгости. В упоминавшейся выше книге — «Вопросы царя Милинды» — вскользь допускается, что мирянин может достичь нирваны, но сразу же оговаривается, что рано или поздно он должен либо вступить в общину, либо умереть. При этом предполагалось, что достигший нирваны домохозяин следовал монашеской дисциплине в одной из своих предыдущих жизней.

Единственным неизменным фактором буддийской истории была и остается непрерывная преемственность монастырской организации. Монашеская жизнь регламентировалась правилами *винаи*. Термин этот произведен от слова «винаяти», что означает «уводить прочь от зла», «дисциплинировать». Монахи придавали соблюдению правил *винаи* особое значение. Различные школы насчитывали от 227 до 253 правил. Во всех источниках эти правила почти одинаковы, что позволяет буддистам не сомневаться в их древности, поскольку правила возникли до разделения буддизма на независимые школы. Дважды в месяц правила декламируются вслух на собрании всей общины. Три столпами монашеской жизни во все время существования буддизма были бедность, безбрачие и непричинение вреда.

■ Бедность

У монаха почти никогда не было никакой личной собственности. Ему позволяется иметь одежду, чашу для подаяний, иглу, четки, бритву, которой раз в две недели он должен брить себе голову, и цедилку для удаления насекомых

из питьевой воды. Одежда монаха первоначально состояла из лохмотьев, подобранных им на кучах мусора за деревнями. Это тряпье сшивалось и выкрашивалось в подобающий монашескому одеянию шафрановый цвет. Позднее ткань для одежды стала предоставляться мирянами в качестве пожертвования. По предписанию монах должен был обходиться без дома. Первоначальная строгость монашеских правил, очевидно, предполагала, чтобы монах жил в лесу у подножия дерева. Пищу следовало добывать подаянием, целиком полагаясь на милость дающего. Однако, по-видимому, уже с довольно ранних времен, находились монахи, которые пренебрегали этим правилом, принимая приглашения в дома верующих.

Достаточно долго существовал запрет на владение деньгами. Примерно через сто лет после основания общины некоторые монахи из Вайшали попытались нарушить его. Второй собор в Вайшали решил эту проблему в пользу строгого соблюдения правил, но в более поздние времена были сделаны значительные послабления в вопросе о владении деньгами, землей и другой собственностью.

Чаша для подаяния служила знаком независимости Будды. Многие статуи показывают Будду с чашей в руках; считается, что он получил ее в качестве вознаграждения за свой отказ от мирской власти. Нередко учителя отдавали чашу преемнику в знак передачи ему своей власти.

Случалось, что, собирая подаяние, монахи сталкивались с негативным отношением со стороны населения. Их называли «лысоголовыми», или же давали иные обидные прозвища. Обуздание гордости считалось одним из преимуществ сбора милостыни, кроме того, монах целиком зависел от чужой воли. Временами ему приходилось вообще

обходиться без пропитания и самых необходимых вещей. Практика прощения подаяния использовалась также для обуздания своих чувств и эмоций. Монах должен был переходить от одного дома к другому, не замечая различий между теми, кто богат, и теми, кто беден. Он не должен был обращать внимание на то, что получает, не должен высказывать удовлетворения или же недовольства. Если пищу подавала женщина, монах не должен был ни смотреть на нее, ни разговаривать с ней.

Хинаяна считает сбор милостыни прежде всего самодисциплиной; *махаяна* делает упор на альтруистическом аспекте подобной практики.

Со временем, практика сбора подаяния фактически свелась на нет.

■ Монашеское безбрачие

Помимо самоотречения, воздержание буддийского монаха несет в себе этическую подоплеку. Давая жизнь другому существу, считает буддист, ты тем самым обрекаешь его на страдания сансары.

Однако буддизм не был бы буддизмом, если бы на протяжении истории это правило соблюдалось всеми без исключения. Сохранились сведения о женатых монахах из Кашмира, живших около 500 г. по Р. Х.; далее, примерно с 800 г. по Р. Х. Тантра санкционировала женитьбу монахов в тех регионах, что попадали под ее влияние. Падмасабхава Лотосорожденный, принеший буддизм в Тибет около 770 г. и считающийся среди своих последователей вторым Буддой, принял в дар от тибетского царя одну

из его пяти жен. На многих изображениях Падмасабхава представлен в окружении двух своих главных жен, Мандаравы и Еше Цогел. Марпа — переводчик, один из наиболее почитаемых учителей Тибета, женился в 42 года, но, помимо супруги, у него было еще восемь учениц, также являвшихся его женами.

Последователи японской школы син, основанной около 1200 г., также вступали в брак, но по причинам, совершенно несхожим с мотивацией тантриков. Адепты этой школы заявляли, что от них нельзя требовать соблюдения заповедей Будды, настолько они низки и ничтожны. Поэтому они по привычке продолжали вести семейный образ жизни и есть мясо.

Вообще, взгляды буддистов на брак претерпевали значительные изменения. Обычно, они были ориентированы на установления местного населения. Если в регионе, куда приходили с проповедью буддисты, практиковались моногамные браки, буддийские учителя благословляли мирян иметь одну жену; если же местное население допускало многоженство, вскоре здесь появлялись буддисты, у которых было несколько жен.

Отношение к браку показывает, как легко буддизм приспосабливается к самым различным общественным установлениям, используя две противоположные идеи для проповеди своего учения.

■ Непричинение вреда

Сюда входит запрет на убийство животных. Учение это основывалось на двух принципах:

1. Вера в родство всего живого, которая на бытовом уровне усиливалась благодаря учению о перерождении.
2. Принцип сострадания.

Монах, добывающий пищу подаянием в деревне населенной невегетарианцами, сталкивался с определенными трудностями. Ведь монах должен был принимать любое подаяние, не разбирая качества пищи.

В позднейшие времена прецеденты нарушения запрета на вкушение мясной пищи возникали, к примеру, в Тибете, где допускается есть курятину в лечебных целях.

В странах Юго-Восточной Азии распространена практика временного принятия монашеских обетов, прежде всего во время сезона дождей, когда, по древней традиции, в монастырях усиленно практикуются медитативные упражнения. На время принятия обетов миряне уходят в монастырь, где ведут ту же жизнь, что и монахи. По окончании определенного срока обеты снимаются, и тогда миряне возвращаются к своим семьям.

ХИНАЯНА И МАХАЯНА

Буддийское предание утверждает, что почти сразу же после *паринирваны* (смерти) Будды учение начало делиться на различные течения и направления. В течение последующих трехсот-четырёхсот лет в буддизме возникло около двух десятков школ, представлявших две большие группы. Эти две группы дают начало двум основным направлениям буддизма, существующим и поныне: *тхераваде* (хинаяне) и *махаяне*.

Слово «*Хинаяна*», означает «Малая Колесница» (то есть «малый» или «ущербный» путь), соответственно значение слова «*Махаяна*» это — «Великая Колесница», «великий» путь. Уже из названий видно, что термин *хинаяна* не самоназвание. Так именовали своих оппонентов махаянисты, считавшие себя следующими Великим путем совершеннейшего учения Будды. Впрочем, обычно, стараясь соблюдать в споре корректность, они называли хинаянистов учениками или *пратьекабуддами*. В свою очередь *тхэравадины* (*тхэравада* (учение старцев) — самоназвание *хинаяны*) считали *махаяну* позднейшим искажением хранимого ими в нерушимости учения.

Вопреки распространенному мнению, *тхэравату* и *махаяну* по времени возникновения не разделяет продолжительный период времени. Неправильно было бы ставить знак равенства между *хинаяной* и ранним буддизмом, а также считать махаяну исключительно поздним явлением в буддизме. С полным основанием временем оформления *хинаяны* можно считать 80 г. до Р.Х. В это время на Ланке впервые происходит письменная фиксация *палийской Типитаки* — тхэравадинского канона, но где-то в это же время начинают появляться и первые махаянские сутры. Но до этого времени махаяна прошла период первичного становления в рамках школ *махасангхиков*. (Термин «*махасангха*» — буквально: «великая сангха» — исследователи интерпретируют двояко. Одни считают, что оно связано с тем, что *махасангхики* считали необходимым расширить сангху за счет допуска в нее мирян, другие полагают, что это название появилось потому, что сторонники этого учения представляли в общине большинство). Если считать *махасангху*

«протомахаяной», то это направление буддизма имеет еще более древнее происхождение.

Принципиальным отличием, определившим разделение двух направлений, стало их отношение к спасению мирян, определившее представления об идеальной личности и цели буддийского пути. Другое отличие, вытекающее из первого, — различные представления о природе Будды.

Хинаяна

Идеалом **хинаяны** является личность *архата* (это слово означает «достойный»). *Архат* — это монах, собственными усилиями достигший цели Благородного Восьмеричного Пути — нирваны — и навсегда покинувший мир. По учению хинаяны, Будда до своего пробуждения был обычным человеком, наделенным великими добродетелями, обретенными благодаря совершенствованию в течение множества сотен жизней. После пробуждения, которое было обретением плода архатства, Сиддхартха Гаутама перестал быть человеком, став Буддой, освобожденным от сансары, но никак не какой-либо сверхъестественной сущностью. Если монах, соблюдающий все обеты *винаи*, станет во всем следовать примеру Будды и его учения, он достигнет того же самого, чего достиг тот. Сам же Будда, уйдя в нирвану, раз и навсегда исчез из мира, поэтому бессильно молиться ему и молить его о помощи. Поклонение Будде не предполагает его ответа и заступничества, а нужно людям, воздающим таким образом долг памяти освободителю и упражняющимся в добродетели даяния. Хинаяна — это сугубо монашеская форма буддизма, в рамках

этой традиции не монах не может считаться буддистом в прямом смысле слова. Только монахи могут надеяться на достижение нирваны, только монахам открыты все наставления Будды, и только они могут практиковать предписанные Учителем медитативные упражнения. На долю мирян остается усовершенствовать свою будущую участь посредством добрых дел, направленных на поддержку и содержание сангхи. Благодаря этим заслугам, в одной из последующих жизней мирянин может оказаться достойным принятия монашеских обетов, после чего он встанет на Восьмеричный путь. *Тхэравадины* никогда не стремились к активной миссионерской деятельности и не допускали вовлечения мирян в жизнь общины. По этой причине хинаяна получила распространение лишь в странах, чья культура формировалась под сильным влиянием культуры Индии, то есть в странах Юго-Восточной Азии. До эры мусульманских завоеваний VII—VIII веков хинаянский буддизм был также распространен в Центральной Азии, на территории современных Узбекистана, Таджикистана, где он успешно конкурировал с зороастризмом.

Махаяна

Махаяна изначально относилась к проповеди совершенно иначе. Здесь идеалом всегда был не обретший нирвану *архат*, а стремящийся к состоянию Будды на благо всех живых существ *бодхисаттва*. И уже не нирвана, а пробуждение, просветление (*бодхи*) становится целью буддийского пути. А Будда в махаянистских текстах из человека превращается в некую метафизическую реальность,

истинную природу всех дхарм, лишь явленную людям в образе Учителя, как до этого она была явлена в образе других Будд и как будет явлена позднее в Буддах будущих времен.

Начиная с самых ранних махаянских текстов, провозглашается принцип, согласно которому нирвана, к которой стремятся *тхэравадины*, не является настоящей и истинной нирваной. По мнению махаянистов, последователи Малой Колесницы хотя и выходят из сансары, освобождаясь от круговорота рождений и смертей, но высшая истина остается недоступной для них. Освободившись от власти аффектов, они остаются под воздействием препятствий, связанных с неправильным знанием, которые могут быть преодолены исключительно на пути махаяны. Всецелое пробуждение, недоступное им, есть состояние Будды, который, согласно учению Великой Колесницы, был не просто первым *архатом*, а великим окончательно и всецело пробужденным существом. Это состояние полного пробуждения для махаяниста имеет ценность на много порядков превосходящую то, что считается нирваной у хинаянского архата. Более того, махаянские тексты обычно называют лиц, воплотивших в себе идеал тхэравадинского совершенства не *архатами*, для них это всего лишь *шраваки* и *пратьека-будды*. *Шраваки* (слушающие голос) — это ученики Будды, не постигшие всей глубины учения *Татхагаты* и потому привязавшиеся к идее индивидуального освобождения, выразившейся в стремлении к обретению нирваны. *Пратьека-будды* (уединенные, отъединенные Будды, Будды «для себя») — те, кто обретает нирвану собственными усилиями, вне связи с *сангхой* и без опоры на учение Будды. По сути дела, когда Мара

искушал Будду призывом остаться под деревом Боддхи и отказаться от проповеди, он предлагал ему остаться *пра тьяка-буддой*.

Идею *боддхи*, то есть истинного пробуждения Будды часто называют *бодхисаттваяной*, что означает — колесница *бодхисаттв*, пробужденных существ. В раннем буддизме так назывался будущий Будда до того, как он обрел окончательное просветление. В ранней Махаяне *бодхисаттва* это любой человек, наделенный *бодхиचितтой*, то есть твердым устремлением достичь *боддхи* — полного пробуждения. В настоящее время это раннее употребление термина *бодхисаттва* сохраняется лишь у китайских буддистов, где, в некоторых случаях, *бодхисаттвой* (кит. *путисадо* или чаще в сокращенной форме *пучи*) может быть назван любой адепт. Позднее в текстах, посвященных идеалу бодхисаттвы, это слово начинает наполняться другим смыслом, постепенно становясь основным и важнейшим. Ведь, в отличие от *архата*, *бодхисаттва* стремится к пробуждению не только ради собственного спасения, но, в первую очередь, для того, чтобы способствовать пробуждению остальных живых существ. Стандартная формула, выражающая суть *бодхиचितты* звучит теперь так: «Да стану я Буддой на благо всех живых существ». Отныне стремящемуся к пробуждению адепту необходимо обрести умение видеть каждое живое существо в качестве своей «матери». А поскольку хороший сын или дочь не могут равнодушно смотреть на мучение своего родителя не могут стремиться к нирване, оставив мать страдать в круговерти циклического существования, их святой долг заключается в отказе от собственного спасения

до тех пор, пока не будет спасена мать. Именно так зрелая махаяна в проповедях ее современных представителей описывает нам суть *бодхиचितты*. Так, двумя определяющими качествами бодхисаттвы становятся *мудрость* и *сострадание*. Тексты классической махаяны утверждают, что невозможно стать Буддой, в совершенстве не обладая двумя этими качествами. При этом, практическом смысле, сострадание начинает восприниматься как набор «искусных средств» (*упая*), посредством которых движимый состраданием бодхисаттва получает возможность помогать живым существам освободиться от сансарического состояния. И здесь очень важно отметить, что вся содержательная часть буддийского мировоззрения тоже рассматривается как набор «искусных средств», призванных вызвать в адепте стремление к пробуждению. Поэтому критическое отношение к содержанию буддийского учения, скорее всего, не способно достигнуть цели. Мудрость же, скорее всего, воспринимается адептом не как некий интеллектуальный багаж, и не как овладение определенной логической системой, но как способность видеть вещи под определенным углом зрения, опыт, который невозможно передать посредством описания.

Наиболее красноречивым текстом, где изображено великое сострадание бодхисаттвы, стала написанная в VII—VIII вв. Шантидевой Бодхисаттваचारьяватара, где идеал выражен в следующих словах:

Пусть я буду лекарством, кому нужно лекарство;
Пусть я буду рабом, кому нужен раб;
Пусть я буду мостом, кому нужен мост.

Иногда тексты выделяют три типа бодхисаттв: Бодхисаттва-царь, который, достигнув пробуждения, заботится обо всех живых существах, как царь о подданных; Бодхисаттва-лодочник, перевозящий живых существ по одному к другому берегу существования; Бодхисаттва-пастух, вначале спасающий всех и лишь потом, вслед за другими, сам вступающий в нирвану. Логически, махаяна выводит идеал бодхисаттвы из доктрины *анатмавады* (не-души), о которой шла речь выше. Понятие индивидуального освобождения, принятое в *тхэраваде*, внутренне противоречиво, подчеркивает она, ведь если не может существовать различия между «я» и «не-я», не может существовать и некоей индивидуальности, которая достигает нирваны в то время, пока другие продолжают страдать. А, следовательно, только спасение всех есть спасение каждого.

Сострадание бодхисаттвы, продиктованное сугубо определенной целью, в некоторых случаях резко отличается от христианского представления о милосердии. Иногда оно может быть выражено в виде очень жестоких поступков. «Искусные уловки», используемые буддийскими наставниками, зачастую пренебрегают свободной волей адепта, изменения его сознания могут быть спровоцированы действиями, которые мы, скорее всего, будем вынуждены счесть манипуляциями. Печально известный принцип, согласно которому цель способна оправдать любые средства, здесь никогда специально не оговаривался, но, похоже, принимается буддийским сознанием как нечто само собой разумеющееся.

На пути к достижению состояния Будды бодхисаттвы восходят на десять ступеней совершенствования. Путь этот чрезвычайно сложен и долот. Подробную классификацию

состояний бодхисаттв, находящихся на различных ступенях этой иерархии, дает махаянская литература. На последней ступени бодхисаттва обретает пробуждение, не уходя в нирвану. К этому времени он приобретает многочисленные атрибуты, делающие его схожим с одним из божеств ведического пантеона и даже превосходящим добуддийские божества своим могуществом. Со временем махаянисты стали называть бодхисаттвами именно таких достигших высоких ступеней подвижников, а не просто стремящихся к пробуждению, как это было в ранней махаяне. Одновременно развивался культ бодхисаттв высшей ступени, таких как Авалокештешвара (символ великого сострадания), Маньджужри (воплощение запредельной премудрости) и многих других.

Путь бодхисаттвы махаянисты называют путем *парамит*. Слово «*парамита*» обозначает свойство, переводящее на другой берег существования. Как правило, в текстах дается набор из шести таких свойств. Первые пять относятся к группе искусных средств (*упая*), шестая *парамита*, имеющая особое значение, образует отдельную группу — группу мудрости (*праджня*). Единство всех шести свойств, как единство метода и мудрости, и есть пробуждение, обретение состояния Будды. Категория мудрости (*праджня*), обозначавшая в *хинаяне* умение распознавать *дхармы* (не сводимые к другим простые элементы опыта), в махаяне трактуется как особая способность воспринимать реальность непосредственно (в буддийской терминологии эта способность обозначается словом *татхата* — таковость). *Праджня-парамита* (свойству мудрости) посвящен целый раздел махаянской литературы, получивший название *праджня-парамита сутр*.

Развитие идеала стремления к пробуждению привело также к возникновению своеобразной махаянистской метафизики, получившей свое выражение в *Учении о природе Будды*. Поскольку Будда является таковым вследствие обретения *бодхи*, то природа Будды и природа бодхи совпадают. Пробужденность Будд выражается в Дхарме — учении, и, таким образом, Дхарма формирует истинное тело Будды. Но под дхармой понимается также элементарная частица опыта, и потому тело Будд есть Дхарма дхарм, «дхармовая природа», истинный опыт. В ходе подобных рассуждений в махаяне сложилось учение о Дхармовом теле, едином для всех Будд, истинной реальности и природе всех дхарм. Следовательно, природа Будды — истинная природа всех элементов возможного опыта. Из этого положения махаяна делает окончательный, радикальный вывод: нирвана и сансара тождественны, между ними нет сущностного различия; сансара есть лишь иллюзорный аспект нирваны, никогда не возникавший и нигде не исчезающий. При этом нирвана лишена *сансарности*, иллюзорности, и это отсутствие иллюзии и делает ее истиной. Но если все дхармы — дхармы Будды, то носители этих дхарм — живые существа — являются носителями природы Будды. Они не кто иные, как Будды, не пробудившиеся к пониманию своей природы.

Таким образом, в отличие от тхэравады, махаяна утверждает, что, пробудившись, Будда не покидает мир навечно, не уходит в недоступную для сансарических существ нирвану без остатка.

Популяризаторы буддизма в христианском мире, такие как Эдвард Конзе, стремились провести аналогию между Божественной природой и природой Будды, дабы как-то

сблизить буддийское и христианское мировосприятие. Между тем они совершенно упускали из виду, что, согласно христианскому учению, человек изначально не наделен природой Бога, но сотворен Создателем по Его образу и подобию. С другой стороны, для не приемлющего опосредованный опыт и не знающего Божественного Откровения буддиста, вряд ли возможно полновесное сравнение между природой Будды и Божественной природой. Природа Будды, которой он (адепт) изначально обладает, представляет для него реальный опыт, Божественная же природа — опыт исключительно умозрительный и поэтому не имеющий для его практики особой ценности. Поэтому вышеупомянутая аналогия имеет скорее исключительно миссионерское значение.

Хинаяна и махаяна также весьма различно относятся к участию мирян в жизни общины. В настоящее время считается, что первоначальные расколы в сангхе, приведшие к образованию новых направлений, вызваны были не доктринальными расхождениями, а различиями в интерпретации монашеских уставов и правил (Винаи). Именно это различие повлекло первоначальный раскол на различные направления, что не мешало последователям хинаяны и махаяны на протяжении нескольких веков жить в одних и тех же монастырях.

В отличие от тхэравады, в махаяне принятие монашеских обетов не является необходимым условием для обретения состояния Будды. Исходя из доктрины «искусных средств», махаянисты стремятся подыскать средства воздействия на все типы личности и на все социальные группы. Именно благодаря проповеди махаяны, буддизм распространился от Индии до Бурятии, от Японии

до Калмыкии, став мировой религией. В настоящее время происходит настоящая экспансия буддизма в Европе и Америке. Во Франции и Германии буддизм уже стал третьей по распространенности религией.

Распространяясь в различных регионах среди самых различных народов и верований, буддизм махаяны проявлял изрядные чудеса гибкости, приспособляясь к культам и обычаям местного населения. Вдохновляемые идеей «благой уловки» проповедники перерабатывали местные учения в духе Четырех Благородных истин, а местных богов объявляли воплощениями или проявлениями сил Будд и бодхисаттв. При этом буддисты стараются никогда и ни с кем вступать в прямую полемику, предпочитая приспособлять доводы оппонентов под себя. Однако гибкость буддистских проповедников нельзя считать беспринципностью — буддизм никогда не жертвовал ни одной из своих формообразующих доктрин.

В настоящее время существует две достаточно сильно отличающиеся друг от друга версии махаянского буддизма. Это тибетско-монгольская Махаяна с каноническими текстами на тибетском языке (Тибет, Монголия, население различных областей Гималаев, некоторые народы России, такие как буряты, калмыки, тувинцы) и дальневосточная Махаяна с каноническими текстами на китайском языке (Китай, Корея, Япония, Вьетнам). Особое место занимает буддизм неваров (Непал), который, по всей видимости, представляет собой рудимент классической индийской махаянской традиции в ее позднем варианте, когда она включила в себя учения и формы практики *тантрического* буддизма *Ваджраяны*, а также испытала на себе влияние индуизма.

Тантрический буддизм (Ваджраяна)

В начале второй половины первого тысячелетия по Р.Х. в рамках махаянского буддизма возникает новое направление, получившее название *Ваджраяны*, или тантрического буддизма.

Слово *ваджра*, входящее в самоназвание данного направления, первоначально употреблялось для обозначения громового скипетра ведийского бога Индры, но постепенно его смысл претерпел изменения. Одно из значений слова «*ваджра*» — «алмаз», «адамант». В рамках буддизма оно ассоциируется, с одной стороны, с изначально совершенной природой пробужденного сознания, с другой — подчеркивает мгновенность пробуждения, наступающего внезапно, подобно вспышке молнии. Следовательно, *Ваджраяна* одинаково может переводиться как «Алмазная Колесница», так и «Громовая Колесница», однако первый вариант перевода более распространен. Термин «тантра» первоначально обозначал тип текстов, содержащих в себе стержневую суть учения, служащих основой. Хотя тантры всегда подчеркивают, что *Ваджраяна* — путь внутри *Махаяны*, последователи *тантрического* буддизма противопоставляют этот путь классическому махаянскому пути постепенного совершенствования, так называемой

Парамитаяме, то есть пути *парамит* (совершенных свойств), переводящих на Тот Берег существования *Ваджраяна* делает упор на возможность достижения состояния Будды в течение одной жизни, в то время как *Парамитаяна* растягивает этот процесс на практически неизмеримый срок.

Теоретически тантрический буддизм почти не предлагает ничего нового в сравнении с классическим вариантом махаяны, все его своеобразие касается практических методов — применения тех самых искусных средств (*упая*), о которых уже шла речь в предыдущем разделе. *Ваджраяна* подчеркивает, что активное использование этих средств позволяет человеку стать Буддой практически «мгновенно» — в течение одной жизни. Таким образом, адепт тантрического пути может быстрее выполнить обет бодхисаттвы — стать пробужденным для освобождения всех живых существ. Вместе с тем наставники *Ваджраяны* подчеркивали, что этот путь является и наиболее опасным, сравнивая его с восхождением на вершину горы по канату, натянутому над ущельями и бездонными пропастями. Малейшая ошибка может привести адепта к безумию или рождению в особом «варджном аду». Только твердое стремление обрести состояние Будды в наиболее короткий срок и приверженность идеалу бодхисаттвы способны защитить его от падения. Если же йогин вступает на Колесницу Грома ради собственного преуспевания, в погоне за магическими силами и могуществом, он неминуемо потерпит поражение.

Тантрические тексты считались сокровенными. Начало практики в системе *Ваджраяны* обставлялось получением специальных посвящений. Чрезвычайно велика в тантрической

практике была роль *гуру* — учителя и наставника, достигшего реализации пути. Иногда молодые адепты тратили много времени и прилагали огромные усилия, чтобы найти достойного наставника.

Доктринальные тексты Ваджраяны, то есть тантры, подобно сутрам представляют собой наставления, вложенные авторами в уста самого Будды — Бхагавана, и делятся на четыре класса. Каждому типу тантр соответствовали свои методы: в одном случае это внешние формы практики — различные мистические ритуалы; в другом появляются элементы внутренней, созерцательной практики; в третьем — созерцательная практика начинает преобладать, а четвертый тип тантр — *аннурата йога тантры* (тантры наивысшей йоги) относятся уже исключительно к психопрактике.

Основные методы, предлагаемые первыми тремя классами тантр, в основном сводятся к совершению особых, имеющих сложное символическое значение ритуалов, к практике *мантр*, технике визуализации (мысленного воспроизведения образов) божеств и созерцанию *мандал*.

Значение чтения *мантр* в практике Ваджраяны столь велико, что часто ее называют также *Мантраяной* — Колесницей Мантр. Произнесение мантр практиковалось еще в классической Махаяне, однако махаянские мантры рассчитаны обычно на понимание непосредственного смысла составляющих их слов и предложений, в тантрических же мантрах делается особый акцент на священную неперево-димость. Звукосочетания, образующие эти мантры, такие как *хум*, *ах*, *э-ма-хо* не несут в себе никакого словарного смысла. Они рассчитаны исключительно на непосредственное воздействие на сознание и психику повторяющего

их адепта, при этом особое значение придается звуковым колебаниям и модуляциям голоса. Произнесение мантр также подразумевает созерцательное сосредоточение и понимание глубинного смысла мантры и ее воздействия. Также практикуется созерцание написанного текста мантры. Практика тантрических мантр предполагает получение специального посвящения, сопровождающегося объяснением правильного произнесения того или иного звука.

Также чрезвычайно разработана в Ваджраяне техника визуализации божеств. Адепт должен научиться представлять того или иного бодхисаттву или Будду как живого человека, а не как некое изображение. Обычно визуализация сопровождается произнесением посвященных данному божеству мантр.

Манда́ла (круг) — сложная трехмерная модель психокосма того или иного Будды или бодхисаттвы, изображение которого обычно помещается в центре *мандалы*. Визуализирующий мандалу адепт пытается воспроизвести ее внутри своего сознания. Затем он проецирует созданное изображение, совмещая его с внешней мандалой, изменяя свое сознание таким образом, что оно начинает разворачиваться как сознание божества мандалы. Существовали также огромные храмовые комплексы, построенные в форме *мандалы*.

В середине VIII века, когда все описанные методы были уже детально разработаны, начинается формирование тантр наивысшей йоги (*аннута́ра йога-тантры*). Они используют все описанные выше методы и приемы, но их содержание значительно меняется. Кроме того, тантрам наивысшей йоги присущ ряд специфических черт, которые в популярной литературе обычно ассоциируются со словом

«тантра». Обычно, когда говорят о тантрах, имеют в виду именно *аннутара йога-тантру*. Для того чтобы лучше понять особенности этого направления, необходимо сделать небольшой экскурс в историю происхождения Ваджраяны.

Общеизвестно, что буддизм во многом формировался в рамках протеста против застывших предписаний брахманского ритуализма и догматизма с его элитой «дважды-рожденных». Однако ко времени появления Алмазной Колесницы уже в самом буддизме развилось внешнее благочестие, возникла монашеская элита, произошла некоторая рутинизация учения. Внутри буддийской общины все чаще стали появляться люди, готовые бросить вызов сложившемуся укладу жизни во имя возрождения духа учения Будды, чуждого формализму и базирующегося непосредственно на психотехническом опыте. Наивысшее выражение это стремление получило в образах так называемых *махасиндхиков* («великих совершенных»), людей, которые предпочли опыт индивидуального отшельничества и йогического совершенствования соблюдению монастырского уклада. В образах махасиндхиков, дошедших до нас в текстах, много гротескных, порой даже шокирующих черт, но, прежде всего, это практики — йогины, которых интересует скорейшее достижение, поставленной буддийской парадигмой, цели, а не абстрактные утонченные интерпретации Дхармы. Йогины-махасиндхики не связывали себя принятием монашеских обетов и вели свободный, а порой даже вызывающий образ жизни. Даже внешним видом они отличались от монахов, которым по предписанию полагалось брить голову. «Великие совершенные» обычно отращивали длинные волосы, а иногда

и бороды. В настоящее время, во время совершения тантрических ритуалов, в некоторых дацанах Монголии и Бурятии ламы-монахи надевают на свои коротко подстриженные головы парики с характерной прической йогинов. Кроме того, махасиндхики свободно общались с индуистскими йогинами, презревшими брахманистскую кастовую ограниченность, что приводило к обмену методами практик и взаимопроникновению мистических идей. Именно в подобной среде, по всей видимости, и происходило формирование характерных приемов для тантр класса наивысшей йоги. Изоуренные практики махасиндхики, применение которых небезопасно даже для людей с крепкой психофизической организацией, ставили своей целью умение входить в различные состояния сознания, сохраняя при этом полный контроль над своими действиями.

Другой аспект, связанный с практикой махасиндхики, — тенденция к персонификации пробужденного сознания, которая находит свое полное завершение в текстах поздней тантры. Абсолютный Ум, объемлющий собой все пласты бытия и включающий в себя как сансару, так и нирвану, отождествляется здесь с *Адибуддой* (Изначальным, Предвечным Буддой), а многие йога-тантры говорят о «Великом Я» (*махаатман*), как синониме дхармового тела Будды.

При первом ознакомлении с тантрическими текстами шокирует выставление в самом привлекательном свете всего самого греховного, преступного и ужасного, отвратительного не только для человека, получившего начатки христианского воспитания, но и для адепта классических буддийских школ. Истинному йогину рекомендуется совершать святотатство, прелюбодеяние,

воровство, кровосмешение, убийство и даже каннибализм. Тантры наивысшей йоги представляют привычный буддийский мир в перевернутом свете, но при этом постоянно декларируют общность целей с классической Махаяной. Сами тантрики объясняют возникающее здесь противоречие тем, что их метод направлен на исправление самых темных, греховных глубин человеческой природы, помимо воздействия на сознание адепта. Именно поэтому, как утверждают они, здесь во много раз возрастает роль наставника (*гуру*), поскольку сам адепт не в состоянии справиться с безумным потоком темных страстей. Большую роль в определении *гуру* конкретной практики для каждого ученика играет выявление базового аффекта (*клеши*), которым одержим адепт. При этом ваджраянские тексты постоянно подчеркивают, что аффекты должны не искореняться, а трансформироваться и осознаваться, в конце концов, превращаясь в пробужденное сознание. Постоянно проводится параллель между практиками алхимика, превращающего в золото железо и свинец, и махасандхика, преображающего пять *скандх* («куч» страстей) в пять запредельный мудростей Будды. Основой такого превращения страстей является *буддхатва* — природа Будды, общая для всех состояний психики и присутствующая в любом, даже самом низменном психическом акте. Здесь последователи Ваджраяны просто доводят до логического конца одно из основополагающих положений Махаяны о тождественности и недвойственности сансары и нирваны.

Тантрические тексты полны многозначности, символически и не рассчитаны на однозначное, дословное понимание.

Особый акцент делается на том, что это изложение тайных доктрин, опасных для профанов. Обычно существует несколько уровней интерпретации подобного текста. Так, в одной из интерпретаций требование убить родителей истолковывается как искоренение клеш (страстей) и двойственности, служащих родителями сансарическому существу, в другой — как конкретные рекомендации психопрактики.

Особое место занимает в тантрах символика физической близости.

Тантрический буддизм вызвал к жизни целый пантеон божеств, неизвестных другим формам буддизма. Ваджраяна использовала внешность и форму объектов языческих культов, переосмыслив их содержание. Образы демонов она превратила в символы тех или иных состояний психики. Изображения ужасных многоруких и многоголовых существ, увешанных человеческими черепами, которые часто помещают в альбомах по восточному искусству, — это иконы тантрического буддизма. Особый класс божеств здесь составляют так называемые «покровительствующие божества» (тиб. *йидам*). По виду они мало чем отличаются от описанных выше, но наделены множеством атрибутов, указывающих на то, что они представляют высшие состояния сознания. Имена *йидамов* обычно совпадают с названиями тантр, поскольку предлагаемые тантрами методы могут быть наглядно представлены в этих страшных образах. Таким образом, *йидамы* символизируют совершенное и всецелое пробуждение, а по своему статусу приравниваются к Буддам и тождественны им. Грозный вид их должен демонстрировать готовность уничтожить все пороки. В процессе йогического созерцания практикующий адепт должен визуализировать соответствующего

йидама, затем отождествить себя с ним, перенося его атрибуты на себя, а после, вместе с ним, раствориться в природе Будды, которая есть и его собственная природа. Практика созерцания йидама наглядно представляет характерную черту тантрического буддизма — стремление представить умозрительные категории в виде наглядных образов.

Кроме всего этого, тантры полны описания магических ритуалов, причем зачастую вредоносных — подчинения и уничтожения. Правда, в текстах всегда делаются оговорки — ритуалы уничтожения должны совершаться для блага живых, например, для уничтожения врага, способного причинить смертельный вред монашеской общине, или искоренения буддизма в данной местности. Однако история знает немало примеров, когда эти ритуалы использовались в совершенно иных целях.

Другой жуткий ритуал *чод*, весьма популярный у буддистов Монголии, создан в XII веке тибетской йогиней *Мачиг Лабдон*. Он совершается в полном уединении в горах и представляет собой призывание голодных духов и демонов, которым практикующий адепт предлагает для насыщения собственное тело. Разумеется, ваджраянисты считают, что этот обряд, шаманские корни которого совершенно ясны, развивает сострадание и способствует преодолению иллюзии собственного «я» и привязанности к индивидуальному существованию.

Важнейшим положением Ваджраяны является тезис о недвойственности тела и сознания. Сознание занимает центральное место в учении Ваджраяны: сансара и нирвана это два различных состояния одного и того же сознания, а пробуждение — постижение природы сознания —

пустотного и недвойственного. Это сознание провозглашается неотличимым от тела, недвойственным (*адвая*) ему. Отсюда стремление тантрического йогина в своих практиках не отделять тело от сознания, а воспринимать их как некую целостность.

В VIII—XIII вв. тантрический буддизм фактически стал ведущим направлением поздней индийской Махаяны. В этом статусе он был заимствован формировавшейся в то же время тибетской традиции. Позднее тибетский буддизм был перенесен в Монголию, а также заимствован народами России — бурятами, калмыками и тувинцами. В самой же Индии он исчезает как организованная религия после мусульманского завоевания Бенгалии и Бихара в XIII веке.

На Дальнем Востоке тантра не получила значительного распространения, хотя и повлияла на иконографию китайского буддизма.

Буддизм в Тибете

В популяризаторской литературе тибетский буддизм часто ошибочно называют ламаизмом. Сами тибетцы не знают этого слова, для них существуют лишь такие общие обозначения, как *чой* (*дхарма*, закон), дхарма Будды, махаяна (*тегпа чэн по*). Слово же «ламаизм» было

изобретено европейцами в XIX веке, чтобы подчеркнуть существовавший в Тибете культ «доброго друга» (*кальяна митра*) — *ламы*. Слово «*лама*» образуется из тибетских слов «*ла*» — «высокий» и «*ма*» — «нет» и буквально означает высочайший. Тибетский буддизм не являлся отдельной конфессией, его монастырская традиция с тщательностью сохранила позднеиндийскую традицию во всей ее полноте. Отличия тибетского буддизма от индийского затрагивают только народные и бытовые верования, существенно не влияя на «большую традицию». Что касается культа лам, то он вполне соответствует повсеместно распространенному в Индии почитанию *гуру*.

Буддизм проник в Тибет не раньше VII века. В то время это высокогорное государство представляло из себя мощную военную державу, управляющуюся царями, которые впоследствии стали возводить свой род к древнеиндийским раджам. На территории Тибета была повсеместно распространена религия *бон*, представляющая, по всей видимости, один из вариантов центрально-азиатского шаманизма. Позднее *бон* подвергся сильному влиянию буддизма настолько, что, по существу, превратился в одну из его форм. Религиозная доктрина, иконография, содержание и форма священных текстов *бон* теперь мало чем отличаются от собственно буддистских. Существует также мнение, что зловещие ритуалы, описанные в предыдущем разделе, тибетский буддизм позаимствовал от *бон*. В настоящее время не представляется возможным определить: какая из двух религий Тибета оказала большее влияние на другую.

Итак, к началу распространения буддизма Тибет был сильным молодым государством, представлявшим серьезную

угрозу безопасности своих соседей, прежде всего китайской империи Тан, на границе которой постоянно происходили вооруженные конфликты. В первой половине VII века на престол Тибета вступил первый из «царей дхармы» — *Сроцзангампо*, который позднее стал почитаться как воплощение покровителя Тибета — бодхисаттвы *Авалокитешвары*. Он взял в жены двух принцесс — дочь царя Непала и дочь китайского императора Тай-цзуна. Обе жены Сроцзангампо были буддистками, привезшими с собою в Тибет буддийские тексты и предметы культа. Кроме того, царь послал в Индию своего сановника, который разработал национальный тибетский алфавит на основе индийского бенгальского письма. Этот же сановник, *Тхонми Самбхоту*, написал первую тибетскую грамматику, взяв за образец грамматику санскрита.

Последующее столетие буддизм медленно усваивался тибетским обществом, в целом оставаясь для тибетцев религией чуждой и инородной. В середине VIII века царь *Тисрондэцван* пригласил для проповеди одного из крупнейших буддийских ученых и философов того времени — *Шантаракишиту*. *Шантаракишта* основал в Тибете первые буддийские монастыри, прежде всего монастырь Самье близ Лхасы, примерно в это же время ставшей столицей тибетского государства, и постриг в монахи несколько представителей знатных тибетских кланов. За свои заслуги он был удостоен титула Бодхисаттва-Учитель. Но утонченное учение классической махаяны, представителем которой был *Шантаракишта*, с трудом воспринималась тибетцами, а бонские жрецы и шаманы чинили ему различные препятствия. В конце концов, *Шантаракишта* посоветовал

царю пригласить в Тибет учителя тантры *Падмасамбхаву*. *Падмасамбхава* сыграл важную роль в распространении буддизма в Тибете. Последователи нероформированных школ почитают его почти наравне с Буддой. Достоверной биографии *Падмасамбхавы* не сохранилось. Согласно легендарным жизнеописаниям, он обладал выдающимися магическими способностями, чем произвел на тибетцев большое впечатление. *Падмасамбхава* посрамил бонских колдунов, а демонов и злых духов Тибета подчинил своей воле и обратил в буддизм, превратив их в божества, защищающие дхарму. При приемнике Шантаракшиты Камалакшиле произошел важный спор в Самье между ним и китайскими проповедниками буддизма, определивший направление дальнейшего развития буддизма в Тибете. Согласно традиционным тибетским источникам, после полной победы Камалакшилы царь запретил проповедь китайского буддизма. В действительности, последствия состоявшейся полемики, возможно, были скромнее, чем их пытаются представить тибетские тексты. Влияние китайского буддизма Чань присутствовало в тибетском буддизме вплоть до конца IX века и исчезло лишь в связи с гонением, произошедшим на буддизм в обоих государствах. В середине IX века в правление царя Ладгармы произошла рецепция религии бон и восстановление привилегий бонского жречества. Начались гонения на буддизм, сопровождавшиеся закрытием монастырей и насильственным возвращением монахов к мирской жизни. Упадок буддизма продолжался вплоть до XI века. Затем началось его возрождение, имевшее ряд отличий от первого периода. Раньше

буддизм был распространен, прежде всего, в среде тибетских аристократов, теперь его проповедь была обращена и к простому народу.

За сравнительно короткий период в сто-двести лет буддизм распространился в Тибете повсеместно. Восстановление буддизма шло двумя путями: реставрацией монашеской традиции и распространением йогических форм тантрического буддизма Ваджраяны. Огромную роль в восстановлении монастырской системы сыграл монах по имени Атиша. Созданная им школа *Кадам-па* стремилась возродить строгие монастырские принципы монашеских уставов, основанных на *винае*, но одновременно пыталась совместить с *винаей* ваджраянскую практику тантрической йоги. Вторая линия возрождения буддизма в Тибете была чисто йогической. Она восходила к индийской традиции *махасиндхиков*. В Тибет ее принес йог и переводчик Марпа. Школа, основанная им, получила название Кагью-па (школа преемственности), поскольку ее последователи придавали огромное значение непосредственной передачи учения от учителя к ученику.

Преемник Марпы — *Миларепа* (1040—1123) — стоит у истоков тибетской традиции уединенного горного отшельничества. В горных пещерах он практиковал йогу внутреннего тепла, которая, по его словам, неоднократно спасала его в суровые зимы. Практика внутреннего тепла занимает важное место в методах школы Кагью. Своим преемником Миларепа сделал Гамбопу, автора многих ученых буддийских сочинений. К его времени относится появление у школы Кагью-па собственных монастырей. После Гамбопы школа *Кагью-па* раз-

делилась на несколько ветвей. Наиболее важной и влиятельной из них стало направление *Карма-кагью*. Лидер этого направления носит титул *Кармапа*. Карма-кагью часто называют черношапочной школой, поскольку Кармапа носит ритуальный головной убор черного цвета, пожалованный одним из императоров китайской династии Юань. По своему рангу Кармапа считается третьим по статусу иерархом Тибета после Панчэн-ламы и Далай-ламы. С начала 90-х годов XX века в Карма-кагью существует раскол, поскольку часть монахов не признала Кармапой XVII, найденного на территории Тибетского Автономного района КНР и поддержанного Далай-ламой, Уртёна Тинглей, объявленного перевоплощением Кармапы XVI. Раскол поддержали монахи из монастыря Румтек.

С направлением Карма-кагью связано начало практики поисков перевоплощений его иерархов. Впоследствии эта практика приобрела всеобщий характер как в Тибете, так и в соседствующих с ним регионах.

Карма-кагью занимается активной миссионерской деятельностью на Западе. В России хорошо известен модернизируемый вариант этого учения, проповедуемый датским ламой Оле Нидалом. В своих проповедях, обращенных к массовой аудитории, он бравирует тем, что в молодости занимался распространением наркотиков. Организация Оле Нидала, подобно многим возникшим на территории России в последнее время сектам, ведет свою проповедь довольно агрессивным способом. Люди, впервые столкнувшиеся с живыми носителями буддизма в крупных городах нашей страны, чаще всего имели дело именно с этой сектой.

Другие ветви школы Кагью-па в Тибете со временем были вытеснены доминирующей там школой Гелунг-па на окраины тибетского мира.

Еще одной влиятельной школой в Тибете была школа *Сакья-па*. Именно с ней связано происхождение титула Далай-лама (лама, чья мудрость подобна океану). Именно так назвал одного из виднейших иерархов Сакья-па китайский император монгольской династии Юань Хубилай, живший в XIII веке. Несмотря на то, что представители этой школы отличались ученостью, школа прославилась в первую очередь своей политической активностью. Во второй половине XIV века Сакья-па утратила свое политическое влияние. Хотя она существует и по сей день, другие школы занимают более значимое положение.

Позднее других оформилась школа Ньингма-па, хотя название ее означает «старая», «древняя». Ее последователи считали, что сохраняют верность тому буддизму, который принес в Тибет Падмасамбхава, и отрицают пришедшие позднее в Тибет доктрины как нововведения. Многие ритуалы Ньингма-па содержат в себе шаманские элементы. Для этой школы также характерно отсутствие больших монастырей и предпочтение практики в затворничестве. Последователи этой школы встречаются среди народов России, чьей религией буддизм считается традиционно. Одним из них был известный бурятский буддист Бидия Дандарон, репрессированный в 1972 г.

О простонародных верованиях тибетцев красочно повествует книга французской исследовательницы-этнографа Александры Давид-Неэль, которая многие годы путешествовала в горах Тибета вместе со своим сыном в поисках материалов.

Буддизм Китая и Дальневосточный буддизм

Китайский буддизм являет собой своеобразный продукт синтеза китайской и индийской культур, распространившийся по всем странам Дальнего Востока. Проникая в Корею, Японию и Вьетнам, он нес с собою иероглифическую письменность, а также те аспекты китайской культуры, которые прямого отношения к буддизму не имели. Именно распространение буддизма повлияло на своеобразие культурного процесса этого региона. В лице буддизма Китай впервые столкнулся с мировоззрением, глубоко чуждым его ценностным ориентациям. Буддизм не просто сумел вписаться в изначально чуждый китайский культурный стереотип, но и во многом трансформировать китайский взгляд на мир. Но и сам буддизм сильно видоизменился в результате этого взаимного влияния, по существу превратившись в особую буддийскую конфессию. Процесс становления буддийской традиции в Китае часто называют китаизацией буддизма (*чжун-гохуа*).

Если попытаться понять, в чем именно состояла несовместимость двух традиций — китайской, представленной конфуцианством и даосизмом, и собственно буддийской, сформировавшейся в индийском культурном контексте, можно выделить сразу несколько важных аспектов.

Во-первых, буддийская доктрина постулирует возможность выхода из круговращения мирового цикла, провозглашая полную десакрализацию мира, даже на своих высших уровнях остающегося частью сансары, в то время, как и для конфуцианцев, и для даосов чувственный космос выступает в качестве единой и единственной реальности. Высшее состояние в религиях Китая воспринималось как достижение полного единения с универсальными космическими началами.

Во-вторых, понимание мира в буддизме, как уже не раз подчеркивалось, сутобо психологично и не может рассматриваться вне связи с разворачиванием сознания адепта. Но для традиционной китайской культуры, где человек лишь маленькая частичка в общем мировом потоке, подобная постановка вопроса была в принципе невозможной. И, наконец, добуддийская китайская культура не имела представления о космических циклах.

Уместно также коснуться вопроса о самой возможности утверждения идеи сансары в рамках традиционной китайской культуры. В написанных в Китае буддийских сочинениях мотив страдания, как определяющего свойства для всякого существования не получил развития. Китайские представления о структуре космоса — сакрализованность, упорядоченность, гармоничность и предельная реальность воспринимаемого чувственно — прямо противоположны характеристикам сансары. Тем не менее, состоявшееся утверждение буддийской традиции в Китае парадоксальным образом свидетельствует о принятии здесь этой доктрины.

Начало проникновения буддизма в Китай из Центральной Азии можно отнести к I веку по Р.Х. В письме

удельного чуского царя Лю Ина, написанном около 65 г., царь упоминает три буддийских термина — *упасака* (буддист-мирянин), *Будда* и *шрамана*. Первые монастыри появляются гораздо позднее — не раньше III века. До этого времени буддизм оставался для китайцев мало-понятым экзотическим учением, которое неискушенные часто путали с одним из направлений даосизма.

Первыми буддистами в Китае были центральноазиатские купцы. Работники торговых домов Западного Края, ведущие постоянную торговлю с Ханьской империей, часто оседали в Китае на всю жизнь. Для их детей и внуков китайский становился родным языком, и, если они были буддистами, для них возникал вопрос о переводе буддийских текстов на китайский язык. Первым переведенным текстом считается «Сутра в сорока двух главах». Скорее всего, это компиляция из нескольких текстов. К этому времени (I в.) в Индии еще окончательно не оформилась махаяна, поэтому первоначально на китайский язык переводились либо хинаянские тексты, либо тексты с неопределенной доктриной, содержавшие элементы и хинаяны, и махаяны. В отличие от Тибета, распространение буддизма в Китае не получило ни малейшей государственной поддержки. Не было никакой системы в переводе буддийских текстов на китайский язык. Представление о буддизме как целом китайские буддисты вынуждены были формировать по фрагментарным текстам.

Проблема перевода исключительно важна для понимания особенностей буддийской традиции в Китае. Дело в том, что китайская иероглифическая письменность, передающая не произношение корня слова, а его значение, создавала немалые трудности для переводчиков. Кроме

того, китайская культура уже разработала сложную систему философской терминологии, весьма отличную от буддийской. Первоначально переводчики пытались передать понятия буддийской доктрины при помощи понятий традиционной китайской философии, но подобный перевод подменял исконные значения терминов. Первоначально буддийская мысль выступала в сильно китаизированном виде. Значительный прогресс в переводе буддийских текстов был достигнут благодаря деятельности *Кумарадживы*. Он впервые выдвинул принцип подбора значений, согласно которому предпочтение отдавалось неологизмам, а традиционные китайские понятия использовались ограниченно. Разработанные Кумарадживой принципы перевода были применены целым рядом его последователей.

С самого начала проповедь буддизма в Китае столкнулась с целым рядом трудностей. Задолго до появления первых буддийских проповедников здесь утвердилось мировоззрение, согласно которому Китай — центральная страна мира, а китайская культура — единственная культура мира. Преодолевая эту культурную самодостаточность, апологеты буддизма стремились представить это учение тождественным принципам китайских «совершенных мудрецов» — Чжоу-гуна и Конфуция. Буддизм, говорили они, дополняет и углубляет даосское и конфуцианское учение.

В китайском обществе, построенном на культе предков, не было никаких аналогов институту монашества. Безбрачие и отказ от данного при рождении имени, практикуемые в постриге, воспринимались китайцами как тяжкое преступление против своего рода. Антимонашеская деятельность конфуцианских критиков косвенным образом

способствовала развитию в Китае мирского буддизма. В конечном итоге, сангха в Китае оказалась под полным контролем государства, регламентирующего все стороны ее деятельности, включая признание того или иного чело- века монашествующим.

К VI веку буддизм окончательно утвердился в Китае. По всей стране существовало множество монастырей, буд- дизм пользовался покровительством императоров. Офор- милось представление о *сань цзяо* (триаде учений), то есть конфуцианстве, даосизме и буддизме, взаимодополняющих друг друга.

Сложившиеся в VI—VIII веках школы китайского буд- дизма можно разделить на три группы.

1. Школы трактатов (*лунь*), занимающиеся по пре- имуществу изучением и комментированием текс- тов индийского буддизма. Эти школы были мало- численны, лишены существенного влияния и в са- мом Китае рано прекратили свое существование. Частично они сохранились в Японии.
2. Школы сутр (*цзин*), базирующиеся на том или ином тексте, приписываемомся традици- ей Будде и в рамках данной школы считаю- щемся высшим выражением буддийской исти- ны. Эти школы создали специфические систе- мы буддийской философии, базирующиеся на теории *Татхагатагарбхи* (учении о приро- де Будды, заключенной в каждом живом суще- стве). После расцвета в VII — первой полови- не IX века их влияние ослабело, хотя филосо- фия школ сутр сохранила свою актуальность

в течение всей истории буддизма на Дальнем Востоке.

3. Школы дхьяны (*чань*), уделявшие внимание преимущественно буддийской психопрактике и медитации. К середине IX века школы этой группы становятся главенствующими для китайского, а с XII—XIII веков и для всего дальневосточного буддизма.

В настоящее время наиболее всего известна школа *Чань*, в своем японском варианте получившая большое распространение в Европе и Америке и весьма популярная среди невоцерковленной российской интеллигенции. Эта школа относилась к наиболее китаизированным школам дальневосточного буддизма. Название ее весьма точно отражает ее существо. Слово *чань* представляет собой транскрипцию санскритского слова *дхьяна* (созерцание). Другое, менее известное название этой школы — школа сердца Будды. Согласно чаньскому преданию, ее основал сам Будда Шакьямуни. Однажды, собрав учеников во время, положенное для проповеди, он ничего не сказал, а только поднял перед ними цветок и улыбнулся. Этот жест Будды понял один только Махакашьяпа и ответил ему, также подняв цветок и улыбнувшись. В это мгновение он пережил пробуждение, оно было передано ему учителем непосредственно, без наставлений в устной или письменной форме. Так началась традиция прямой передачи пробуждения от учителя к ученику. В Индии эта передача продолжалась в течение двадцати восьми поколений наставников. Двадцать восьмым патриархом *чань* был Бодхидхарма,

брахман из Южной Индии, который прибыл в Китай и стал первым патриархом в Срединной Империи. После Бодхидхармы, согласно полулегендарной хронологии, было еще пять патриархов. После Шестого патриарха произошло деление школы на различные ветви.

Достоверно известно, что на рубеже VII—VIII веков школа Чань пережила раскол на Северную и Южную школы. В основе раскола лежал спор о постепенном (цзянь), или мгновенном, внезапном (дунь) пробуждении. Южная школа во главе с учеником Шестого патриарха Хэцзе Шень-хуэем утверждала, что пробуждение, будучи самой природой сознания, не может быть ничем обусловлено и потому подобно вспышке молнии. Северная школа во главе с Шен-сю, учеником Пятого патриарха, настаивала на постепенном характере пробуждения, сравнивая его с рассветом после долгой ночи. Существовали также промежуточные точки зрения.

К середине IX века Северная школа прекратила свое существование. Южная школа к тому времени разделилась на пять направлений (домов) классического Чань, два из которых *Линцзи* (яп. *Риндзай*) и *Цаодун* (яп. *Сото*) существуют и поныне. Три других дома прекратили свое существование после XII—XIII веков.

До середины IX века школа Чань пользовалась сравнительно небольшим влиянием относительно других школ. Ей удалось без значительных потерь пережить антибуддийские гонения императора У-цзуна, во время которых проводились массовые конфискации монастырской собственности и насильственное возвращение монахов к мирской жизни. Школа Чань почти не понесла ущерба, поскольку в то время у ее монахов почти не было

собственных монастырей, кроме того, они занимались выращиванием чая, что освобождало их от обвинения в тунеядстве. В результате к X—XI векам Чань превратилась в одну из наиболее влиятельных школ китайского буддизма.

Основные положения школы Чань: «Смотри в свою природу и станешь Буддой» и «Пробуждение передается особым образом от сердца к сердцу без опоры на письменные знаки». Первое из них означает, что поскольку каждое живое существо является Буддой, то любой человек может узреть эту природу в качестве своего истинного «я». Для этого вовсе не нужно изучать изощренные тексты или в течение многих жизней постепенно восходить по ступеням пути бодхисаттвы. Цель Чань — обретение состояния Будды в этой жизни — роднит ее с тантрой и тибетским Дзонг-чэн. Второе положение подчеркивало, что, будучи изначальной и нерожденной природой сознания, пробуждение не может быть обусловлено никакими внешними факторами. Состояние пробуждения доступно любому человеку через просветление сознания, что осуществляется уже просветленным учителем благодаря воздействию на психику ученика. Благодаря этому воздействию он передает осознанную пробужденность своего сознания ученику, подобно тому как Будда передал свое пробуждение Махакашьяпе. Поэтому для Чань так важна передача списков преемственности. Для подчеркивания непосредственности такой передачи многие чаньские наставники демонстративно сжигали тексты сутр и священные изображения.

В методах созерцания школа Чань значительно отличалась от других версий буддизма. Большинство ее направлений

предписывало не прекращать созерцания при любых формах деятельности, даже во время занятий физическим трудом, обязательных для всех чаньских монахов. Наиболее опытные монахи должны были заниматься созерцательной практикой даже во сне. Иногда чаньские монахи практиковали для стимулирования мгновенного пробуждения различные непредсказуемые ситуации, в которые они ставили учеников.

Наиболее распространенным способом сосредоточения были парадоксальные высказывания и случаи, предлагаемые ученику для их разрешения, так называемые *гунь-ань* (яп. *коан*). Логическая неразрешимость коанов должна стимулировать интуитивный прорыв сознания ученика за пределы всякой двойственности. Иногда ответ на коан звучал так же парадоксально, как и сам вопрос. Впоследствии в Китае возникла мода на *гун-ань*, и чаньские диалоги зачастую просто имитировались.

Вот для примера один из коанов:

Ученик спрашивает учителя: «Наделена ли собака природой Будды?»

«Му», — отвечает тот.

(Здесь непереводаемая игра слов: «му» одновременно может означать и «нет», и «гав-гав», и священный ритуальный слог, не подлежащий переводу).

Хотя школа Чань принципиально отвергала разработку отвлеченных философских проблем, она охотно пользовалась положениями и теориями других школ.

Из Китая чаньский буддизм быстро распространился в другие страны региона. Во Вьетнаме в X—XIV веках Чань (тхиен) фактически стал официальной идеологией правящих династий. Возникло два специфических вьетнамских направления *тхиен*: *Чуклам* и *Лиену Куан*.

В Корее Чань (*сон*) играл очень важную роль в XI веке. Позднее, в связи с утверждением в Корее монополии конфуцианства, буддизм во многом утратил свои позиции.

В Японию школа Чань (*дзэн*) проникла сравнительно поздно, на рубеже XII—XIII веков. Первыми проповедниками дзэн были Эйсай (направление *Риндзай*) и Доген (*Сото*). Очень быстро дзэн приобрел огромное влияние в самурайской среде, а пришедший вместе с ним культ Будды Амитабхи получил особое распространение как среди горожан, так и среди крестьянства.

На Дальнем Востоке Чань остается одной из лидирующих школ. Другая школа («Чистая Земля»), также сохраняющая влияние в этом регионе, представляет собою культ Будды *Амитабхи*.

Христианство и Буддизм

«Буддизм в сравнении с христианством» — так назывался фундаментальный труд православного ученого-энциклопедиста Владимира Александровича Кожевникова. Два первых тома увидели свет в 1916 году, третий так и не успел появиться в печати — помешали война и революция. Впоследствии верстка третьего тома была утеряна, так что до наших дней труд Кожевникова дошел неоконченным. Не сохранились также его архивы. В 2002 г.

двухтомник был переиздан тысячным тиражом в издательстве «Грааль». Чтобы оценить предполагаемый объем этой замечательной монографии, заметим, что первый том почти целиком посвящен изложению и анализу жизнеописания Будды, второй том — устройению буддийской монашеской общины.

К сожалению, по ряду причин этот замечательный труд сегодня не может вполне удовлетворить нас. Во-первых, потому что работа Владимира Александровича так и не была завершена. Во-вторых, с момента ее опубликования прошло почти девяносто лет, за это время буддология ушла довольно далеко, а само представление о буддизме претерпело значительные изменения.

Обычно, пытаясь сравнить буддийское мировоззрение с христианским учением, критикуют содержательную его часть. Это не совсем корректно. Буддийское сознание устроено таким образом, что для него важнее не содержание опыта, а его «правильная» (с буддийской точки зрения) организация. Ради организации опыта буддист легко пожертвует его содержанием и даже примет точку зрения оппонента. С другой стороны, попытка проникнуть в структуру буддийского опыта вынуждала бы христианина отказаться от самих основ, на которых держится Благая Весть.

Отказ от идеи Бога

На вопрос о существовании Бога основатель буддизма, согласно преданию, отвечал благородным молчанием. Молчание означало не отрицание бытия Божия —

скорее Будда подчеркивал, что в рамках его учения этот вопрос невозможно разрешить удовлетворительным образом. К тому же, для реализации «спасения» в рамках буддийской программы — обретения нирваны, существование Бога не имело решающего значения. Буддизм не знает Божественного Откровения, не отрицает и не утверждает возможность такового. Если в буддийских текстах что-либо и говорится о Боге, то этот Бог не имеет ничего общего с Богом христианской традиции, Богом Авраама, Исаака и Иакова, с Которым верующий может встретиться лицом к лицу. Идея Бога, которую часто критикуют буддисты, — это умозрительная идея Высшего Существа, создавшего тот внешний мир, в который помещен человек, являющийся предметом опыта адепта буддизма. Если внимательно вчитаться в буддийские тексты, можно обнаружить, что их авторы равно отрицают не только идею такого Бога, но и идею такого мира. Вернее, говорят они, мы с точностью не можем утверждать того, что находится за пределами нашего восприятия. Иначе говоря, для буддиста, не постигшего тайны Боговоплощения, Бог, находящийся извне его бытия, не может быть предметом опыта. Здесь буддийская мысль неожиданно перекликается со святоотеческой, утверждающей, что может быть «знание Бога», но не может быть «знания о Боге». С той лишь разницей, что для лишенного Божественной Благодати буддиста, «знание Бога» представляется также невозможным.

В популярных изданиях буддизм часто называют «религией без Бога», но с православной позиции его корректнее было бы назвать «религией вне Бога».

Человек

Как это ни парадоксально, буддизм с его доктриной анатмавады — отрицания индивидуальной души, является, пожалуй, самым антропологическим учением. Наверное, уместно провести следующую параллель: если христианство *теоцентрично*, то буддизм *антропоцентричен*. Причем, во избежание возможного недоумения, сразу нужно отвергнуть часто встречающуюся в популяризирующих буддизм текстах идею, что в буддизме, как и в некоторых других восточных культах, человек занимает место Бога. Между тем буддизм, учение исключительно практическое, построенное, прежде всего, на реальном опыте своих адептов, а не на отвлеченных умозрениях, является детально разработанной антропологической моделью. О чем бы ни шла речь в буддийских текстах: об источнике страданий, о космологии, или даже о конечной цели спасения (нирване) — это всегда описание возможных форм человеческого восприятия — либо желательных, либо наоборот вредоносных для реализации конечной цели.

Поэтому именно сравнение буддийского учения в целом с христианским учением о человеке представляется, пожалуй, единственной возможной в наше время попыткой как-то сопоставить буддизм и христианство.

Грехопадение

Выстраивая опыт своего адепта, буддизм всегда имеет дело с конкретным, а не отвлеченным человеком. Поэтому, хотя доктрина грехопадения в буддизме отсутствует,

это всегда опыт падшего человека, причем адепт знает о своей падшести и пытается собственными силами положить преграду ее разрушительным последствиям.

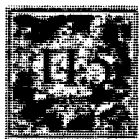
Воспринимаемый мир, который описывают буддийские тексты, поражен страданием. Страдание — определяющее свойство этого мира, но корень его лежит в самом опыте, а не во внешне полагаемых объектах, сами по себе они мало волнуют буддиста. А поскольку этот мир порожден нашим восприятием, восприятием уже падшего человека, страдание видится буддисту безначальным и безграничным. Иными словами, этот мир, соответствующий обыденному человеческому опыту, творится воспринимающим его человеком по образу мира, сотворенного Богом уже после грехопадения. Лишенный света Божественного Откровения, буддист ничего не знает о состоянии до грехопадения. Надо отдать должное, буддистский метод познания отличается удивительной трезвостью. Буддистская аскетика не пытается искусственным путем, логически достроить недостающие звенья, не пытается смоделировать неведомого Бога или человека до грехопадения. Единственное, к чему может апеллировать предоставленный самому себе падший человек, — это его собственный опыт. Опыт этот изменчив, противоречив, а в большинстве случаев просто недостоверен. Однако буддийская доктрина все же систематизирует его, причем систематизирует достаточно действенно. Но для осуществления подобной задачи должен существовать некий коррелят, точка отсчета, отталкиваясь от которой можно отличить подлинный опыт от состояния прелести. Для христианина таковыми являются церковное общение в Духе Святом,

осуществляемое через Таинства Церкви. Буддизм же находит для себя иной ориентир — неподвластную греху часть человеческого существа, которая обозначена в махаянском варианте буддизма как природа Будды, изначальная природа человека. В христианской антропологии она может быть сопоставлена с Образом Божиим, но для буддиста это образ лишен всякой связи с Первообразом, не знает его и не стремится к нему. Здесь вполне уместно привести слова архимандрита Софрония (Сахарова), характеризующие восточную мистику в целом, но применимые также и к буддизму: «Пребывая во мраке совлечения, ум испытывает своеобразное наслаждение и покой, и если при этом он как-то обратится на самого себя, то может ощутить некое подобие света, который, однако, не есть еще несозданный свет Божества, а естественное свойство ума, созданного по образу Божию. Как исход за грани временного, это созерцание приближает ум к познанию непреходящего и тем делает человека обладателем нового познания, и горе тому, кто мудрость сию принимает, как познание истинного Бога, и созерцание сие, как приобщение Божественному бытию».

Вся буддийская доктрина пронизана ощущением непреодолимого одиночества. Не зная Бога, буддизм не может понять и ближнего. Надо отдать должное, история буддизма наглядно демонстрирует нам, что его адепты прекрасно чувствуют эту слабость и стараются направить все свои усилия на преодоление ее. Но ближний, сострадание к которому декларирует уже классическая Махаяна, оказывается не более чем модусом собственного существования.

Из всех современных восточных учений дзен, возможно, самое интеллектуально изощренное и духовно трезвое учение. Его учение о сочувствии и о любви к «космическому Будде» — быть может, самый высокий религиозный идеал, которого может достигнуть человеческий разум без Христа. Его трагедия в том и заключается, что в нем нет Христа, а значит, нет спасения, и сама его изощренность и трезвость очень эффективно препятствуют его последователям искать спасения во Христе. При всем своем спокойном и сочувственном тоне дзен, быть может, является самым печальным из всех напоминаний о «постхристианской» эпохе, в которую мы живем. Нехристианская «духовность» уже больше не чуждое влияние, проникшее на Запад, она сделалась собственно американской религией и пустила глубокие корни в сознании Запада. «Пусть это послужит нам предостережением: религия будущего будет не просто культом или сектой, но могучим и глубоким религиозным течением, которое будет абсолютно убедительно для ума и сердца современного человека», — писал иеромонах Серафим (Роуз) в своей книге «Православие и религия будущего», завершая описание деятельности буддийской общины в штате Калифорния.

Святые Отцы о буддизме

Святитель Николай Японский. В своем «Дневнике» св. Николай употребляет словосочетание «буддийские потемки» [1, 284], буддийских священнослужителей называет «врагами Православия», которые «не упускают везде и во всех случаях пользоваться обстоятельствами, чтоб тревожить православных и ослаблять православие, что им, однако, пока нигде не удастся» [1, 403]. В другом месте, говоря об одном из распоряжений японского правительства, святитель замечает, что «не лестно христианству быть поставленным наравне с буддизмом и синтоизмом» [1, 92], а также характеризует, что «буддизм есть ни что иное, как философия пантеизма» [1, 180].

Св. Николай пишет, что в буддизме много фантастического, но когда слушаешь проповедь монаха секты Монтосю «можно забыть и подумать, что слышишь христианского проповедника. Уж не от христиан ли заимствовано это учение?» [2].

Отмечает он также и определенное действие промысла Божия через эту религию, указывая, что «три доселешние няньки японского народа, каждая воспитала

в нем нечто доброе: синто — честность, буддизм — взаимную любовь, конфуцианизм — взаимное уважение» [1, 25].

При этом время этих религий и особенно буддизма, по его мнению, прошло; так, например, он отзывается об увиденном им в пути обнищавшем буддийском храме: «Император Микадо целый день отдыхал в этом храме, когда четыре раза путешествовал на север; теперь в этой комнате на столе — доска, надпись которой гласит, что это — место покоя Высочайшего; и перед всегда стоит жертвоприношение, состоящее из чашки воды. Но к чему служит эта лесть! Получил храм от императора тогда 1 000, о чем извещает крупнейшая надпись над самым входом в храм, — и будет; больше вероятно никаким угодничеством не вызовет к себе внимания, как и весь буддизм вообще. Падает он видимо, отслужил свою службу, — и пора в сторону» [1, 96].

В интервью японской газете он продолжает эту мысль, отвечая на вопрос журналиста:

— Но ныне оживляется буддизм. Как Вы на это смотрите?

— Как на всякую дутую речь. Буддизм умер в Японии; японцы переросли эту религию без Личного Бога; напрасно толкуют, что он — еще жив и пробуждается к энергетическому действию; то — пустая хвастливость бонз⁴⁶, которые сами не верят тому, что говорят [1, 121—122].

⁴⁶ Название буддийских служителей в Японии.

«Буддизм дошел в Японии до последних нелепостей, до диаметральных противоречий себе самому и легко опровергается на основании самых простых суждений здравого смысла. Японский народ в религиозном отношении можно разделить на четыре класса: верующих в бесчисленное множество будд и бодисатв и молящихся им без всякого разумного отчета, кроме единственного натолкованного бонзами побуждения — по смерти избежать ада — это старухи и старики из простонародья; очень слабо верующих, но не считающими себя обязанными молиться — это вся, далекая от смерти молодежь из простонародья; презирующих буддизм, но стоящих горою за Синто, хотя и не верующих — это все горячие патриоты из образованного класса... и не верующих ни во что — это образованный класс вообще» [1, 705].

Св. Николай касался действий будизма и в других странах; например, описывая восстание боксеров в Китае, он несколько иронично пишет, что «буддисты заслуживают слово поздравления. Они связали себя с животрепещущим делом и извлекли для своей религии из китайских осложнений весь капитал, какой только может быть извлечен. Один только вопрос они оставили нерешенным, а именно: были ли боксеры буддисты? Если да, то как буддизм избежит ответственности за их возмутительные жестокости?» [1, 59].

Известно святителю и о начинавшемся тогда буддийском прозелитизме среди западных народов: «Есть в Сан-Франциско и бонзы, проповедующие буддизм, и есть у них несколько обращенных в буддизм американцев; на Гавайских островах построены кумирни; бонзы там копируют христианских миссионеров — устраивают

по воскресеньям свои богослужения и проповедь, занимаются благотворительностью» [1, 43].

Упоминается низкий моральный облик буддийского монашества в Японии; так, один богатый землевладелец говорил св. Николаю, что «возненавидел бонз, которые собирают деньги на религиозные нужды, а половину их пропивают в непотребных домах» [1, 64].

Святитель Николай Сербский пишет, что «индийское учение о вечности и бесконечности этого мира представляет собою мрак, вызывающий разве что плач и рыдания. Это основное заблуждение предопределило и все другие ужасные заблуждения индусов. Ведь если мир сей вечен и бесконечен, тогда нет места миру иному. Тогда и бессмертной душе из этого мира деваться некуда, кроме как переходить из тела в тело, и так без конца. Это заблуждение — камень преткновения для Будды, оно же — мать буддизма. Но ведь его-то даже современная наука разбивает утверждением, что вселенная ограничена и во времени, и в пространстве, т.е. что она когда-то возникла и когда-то перестанет существовать. Из этого рождается надежда, что лабиринт всего мира может иметь двери и окна в какой-то иной мир, в который бы души людские, расставшись с телами, отправлялись из этой мировой Сансары» [3].

Святитель Феофан Затворник в одном из писем замечает: «Узкий путь нам не нравится... Подавай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить домостроительство

жизни нашей не хочет, потому что это было бы не к добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию и о тех, кои в тесноте, судит как о близких к Богу сынах. Нынешние умники не вмещают слова сего и тем погружают себя в непроглядный мрак, простертый будто над жизнью нашею земною. Отсюда туга, уныние, нечаяние, томление и самоубийство. Исходная точка их омрачения та, что наша последняя цель, будто, на земле... Но она не на земле. На земле — начало жизни, подготовительный ее период, а настоящая жизнь начнется по смерти... и особенный, исключительный способ приготовления — благодушное терпение теснот, лишений и скорбей. Кто взглянет или будет смотреть на земную жизнь такими глазами, тот не станет убиваться, не видя в своей жизни широты и простора... а возревнует об одном: как сделать, чтобы теснота принесла наилучший плод, вкушение которого отсрочивается до будущей жизни. Изобретатели мрачного смотрения на жизнь настоящую — суть буддисты... и происходит от Будды... у нас распространяет его в настоящее время белогорячный Л. Толстой, — безумец из безумцев... Это настоящий конец, в который упираются опирающиеся на одном своем личном постижении истины... Истина Божия о жизни пребывает на земле во всех верах и у всех народов. Неверующие — вырождающиеся несчастнейшие из несчастных!..» [4].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский свидетельствует: «Нечестивые не узрят Славы Твоея, Христе, т.е. неверующие, непрививающиеся, католики злые, лютеране богохульники и реформисты, евреи, магометане, все буддисты, все язычники. А мы узрим ли? Это зависит от нашей жизни, веры, благочестия» [5].

Преподобный Варсонофий Оптинский рассказывает следующую историю: «Что вам сказать в утешение и назидание? Сегодня я прочел одну статью, которая вам может быть полезна. В Сибири живет много инородцев, в том числе бурят. Живут они патриархально, добры, простодушны, по вере — буддисты. Однажды приехало ревизовать сибирские области одно высокопоставленное лицо — какой-то генерал-губернатор. Побывал он и у бурят, отнесся к ним милостиво и был, по-видимому, поражен огромным идолом. Встал он перед ним на колени и помолился со слезами. На обратном пути он заехал опять в тот улус (селение), где была кумирня Будды, снова поклонился ему и попросил всех бурят с их жрицами и старейшинами собраться для беседы.

- У меня к вам большая просьба, исполните ли вы ее?
 - Непременно исполним, ваше превосходительство! Вы так уважаете нашего Будду, что мы считаем вас своим.
 - Да, я буддист, и вот у меня к вам просьба: дайте мне на время вашего Будду, я свезу его домой в Иркутскую губернию, в свою семью, чтобы они все поклонились ему. Я воздвигну ему кумирню, а затем приезжайте за ним, я отдам вам его.
- Все согласились.

— У нас есть подставной Будда, он будет покамест вместо настоящего.

Уложили в ящик, и генерал отправился в путь. Проходит месяц, два, целый год. Соскучились буряты о своем боге: что же его превосходительство не возвращает Будду? Написали ему, он ответа не прислал. Написали в другой раз, он ответил уклончиво. Поехали старшины в Иркутск, оказалось, что его превосходительство перевелся в Петроград и бога взял с собой. Погоревали, погоревали буряты, да что же делать?

Но неужели генерал действительно верил в идола? Ничуть! Ларчик просто открывался: Будда был сделан из чистого золота и стоил больших денег. Поклонился он не Будде, а золоту и употребил сатанинскую хитрость: золоту принес жертву. Идола он велел разбить на куски и перелить на монетном дворе. Отрекся он от Христа, поклонился золоту, тому золотому тельцу, которому и раньше поклонялись неразумные люди и теперь кланяются. Да сохранит вас от этого Господь!» [6].

■ Литература

1. Дневник св. равноап. Николая архиеп. Японского. СПб.2003.
2. Русский вестник // Япония с точки зрения христианской миссии, №9, 1869)
3. Свт. Николай Сербский. Стекланные глаза Индии. Минск, 2001, с. 7

4. Свт. Феофан Затворник. Письма, Вып. 1, пис. 186, Сс. 214-215
5. Св. прав. Иоанн Кронштадский. Предсмертный дневник, запись под 25 Июля 1908 г.
6. Прп. Варсонофий Оптинский. Духовное Наследие, Беседы с духовными чадами, беседа за 29 марта 1912 г.

И У Д А И З М

Ветхозаветный иудаизм

Новоиудейство

Талмуд

Иудейский ритуал

Вероучения

Течения в позднем иудаизме

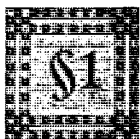
Иудейский мистицизм (каббала)

Христианство и поздний иудаизм

Говоря об иудаизме, необходимо разделять два совершенно разных явления: ветхозаветный иудаизм, возникший с конца III тысячелетия до Р.Х., и поздний иудаизм, сформировавшийся в I—VI веках по Р.Х. Нередко, к сожалению, эти два совершенно разных и самобытных явления в религиозной истории человечества искусственно объединяют в одно, для чего, со строго религиоведческой позиции, нет достаточных оснований.

Ветхозаветный ИУДАИЗМ

Ветхозаветный иудаизм получил свое начало от откровения Бога Аврааму. Именно с Авраамом был заключен этот завет, именно в этой точке впервые проявились вместе те важные элементы, которые стали впоследствии характерными особенностями религии Ветхого Завета.

Прежде всего, это личное откровение человеку Бога *Всемогущего* (Быт. 17, 1), Бога *Всевышнего*, Владыки неба и земли (Быт. 14, 22), Судии всей земли (Быт. 18, 25).

Второй важный аспект — заключение Завета или договора, и, таким образом, поднятие отношений человека с Богом на качественно новую ступень: *«И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя и дам тебе*

и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом» (Быт. 17, 7—8). Со своей стороны Авраам и его потомки должны почитать Бога и в качестве знака, символа этого Завета совершать обрезание (Быт. 17, 9—11).

Наконец, третье — обетование, данное Богом при заключении Завета. Оно привносит эсхатологическое напряжение, характерное для всей религии ветхозаветного иудаизма. Еще бездетному Аврааму предвозвещается, что от него произойдет многочисленный народ (Быт. 13, 16), что этот народ будет владеть землей ханаанской (Быт. 15, 18), но, самое главное, в обетовании уже привносится измерение иного порядка, выходящее за пределы интересов одного человека или даже одного народа и имеющее значение для всего человечества: *«...и благословятся в тебе все племена земные»* (Быт. 12, 1—3).

Кроме того, как важную особенность можно отметить состояние постоянного откровения, прямого общения Бога с человеком, которое впоследствии будет главным образом характеризовать израильских пророков, неслучайно, что и сам Авраам при этом называется пророком (Быт. 20, 7).

Дальнейшую историю Завета, заключенного Богом с Авраамом, можно условно разделить на семь периодов или эпох, которые отражают стадии религиозно-общественного становления богоизбранного народа древнего Израиля.

1. Эпоха патриархов от Авраама до Моисея, которая заканчивается египетским пленом.
2. Эпоха Моисея и Иисуса Навина, в которую сбывается ряд обетований, данных Богом Аврааму, а вместе с тем Завет обновляется, дополняется целым рядом условий, заповедей, предписаний,

новых обетований и, в целом, религиозная жизнь народа упорядочивается.

3. Эпоха судей.
4. Эпоха ранней монархии, продолжавшаяся при Сауле, Давиде, Соломоне и, частично, Ровоаме. Строительство Иерусалимского Храма.
5. Эпоха разделенных царств, когда Израиль делится на два часто враждующих государства: Самарию и Иудею. Духовная жизнь народа в обоих царствах неуклонно приходит в упадок и развращение, характеризующаяся как нравственным падением, так и религиозным: обращением к иным богам, презрением заповедей и т.д.
6. Эпоха вавилонского плена, посланная как наказание за грех отступничества евреев от Завета.
7. Эпоха возвращения из Вавилона и восстановления завета с Богом. Вновь отстраивается Храм в Иерусалиме, восстанавливается религиозная жизнь в народе. После этого урока Израилю удается в целом освободиться от соблазна уклонения в язычество, и народ в большей степени пытается соблюдать заповеди, чем когда-либо прежде.

Подробно останавливаться на тех событиях, которые наполняли эти эпохи, в рамках данной работы не представляется возможным. Однако следует назвать ряд специфических черт, определяющих и отличающих ветхозаветный иудаизм как самобытную религию, которые ясно просматриваются, начиная с эпохи Моисея и до начала I в. по Р.Х.

1. Вера в единого личного всевышнего Бога-Творца (Втор. 6, 4).
2. Существование избранного Им и посвященного Ему святого народа, заключившего с Богом завет (Быт. 17, 7, Исх. 23, 22—23).
3. Ритуал жертвоприношений как единственно возможное средство для очищения от греха (Лев. 16, 10, Чис. 28, 22).
4. Священство как особое родовое сословие, посвященное на сугубое служение Богу и имеющее особую на это благодать. (Втор. 10, 8).
5. Храм и храмовое богослужение. Единственный храм вмещал в себя Ковчег Завета, и *слава Господня наполняла его* (3 Цар. 8, 11), он был центром религиозной жизни древнего Израиля, только в нем могли приноситься установленные законом жертвоприношения.
6. Непрерывная цепь пророков, через которую Господь постоянно возвещал избранному народу Свою волю (4 Цар. 21, 10).
7. Фигура царя, имеющая кроме политического и священное значение. Царь являлся помазанником Божиим (1 Цар. 12, 5), он принимал помазание от пророка (3 Цар. 19, 16), сакрально представлял народ пред Богом.

На протяжении всей истории евреи неоднократно нарушали завет, заключенный Богом с Авраамом, и обновленный через Моисея: *«Они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет (Ис. 24, 5), они же, подобно Адаму, нарушили завет и там изменили Мне (Ос. 6, 7), Дом Израиля и дом Иуды нарушили завет Мой, который Я заключил*

с отцами их» (Иер. 11, 10). Поэтому Господь еще в древние времена предрекает, вынося определение: «Вот наступают дни,— говорит Господь,— когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними,— говорит Господь (Иер. 31, 31—32).

■ Иудаизм I века

К началу нашей эры ветхозаветный иудаизм претерпевает несколько значимых изменений, происходит ряд крупных событий религиозно-политического характера.

В 63 году до Р.Х. Иерусалим был завоеван, иудеев заставили платить дань Риму. Иудея, тем не менее, сохраняла значительную степень автономности под управлением царей династии Хасмонеев. В 37 году до Р.Х. при поддержке Рима царем Иудеи стал Ирод Великий. Правление Ирода вызывало недовольство иудейского народа. Он не был чистокровным евреем, а образ жизни был весьма далек от благочестивого.

Преемником Ирода, умершего в 4 году до Р.Х., на иудейском престоле стал его сын Архелай, Галилея и Перея отошли к другому сыну Ирода — Антипе. В 6 году по Р.Х. Рим, недовольный распрями между сыновьями Ирода, передал управление Иудеей императорскому прокуратору. Иудея лишилась даже видимости автономии, оккупация стала полной, чередой царей на престоле Давида прервалась. Все это послужило

усилению в народе ожидания скорейшего пришествия Мессии-Освободителя.

Иродом было положено начало процессу падения авторитета первосвященников. Опасаясь конкуренции со стороны первосвященников, он отменил традицию, в соответствии с которой данный пост являлся пожизненным и переходил по наследству от отца к сыну. Первосвященниками он назначал своих приближенных и смещал их по собственному желанию. Ирод также назначил самого себя хранителем облачения первосвященника и еще более увеличил зависимость первосвященника.

Параллельно с этим возрастает общественное значение и авторитет мудрецов, изучавших и толковавших Писание самостоятельно, независимо от сословия священников. В отличие от них, эти народные учителя могли происходить из разных слоев и родов не только Израиля, но и диаспоры. В их кругу начало формироваться устное предание, авторитет которого некоторые из мудрецов со временем пытались поднять до уровня Священного Писания.

Получили распространение синагоги, как вид молитвенных домов, в то время не отрицающих и не противопоставлявших себя Иерусалимскому Храму, который оставался центром ритуально-обрядовой жизни иудеев. В этих синагогах и учили указанные мудрецы-книжники, стремясь распространить религиозное знание и собственную интерпретацию Закона среди простого народа.

К тому времени религиозно активная часть иудейского общества распалась на несколько течений, наиболее известны из которых: фарисеи, саддукеи, ессеи и зилоты.

Фарисеи особенно радели за чистоту иудаизма, выступали против контактов с чужеземцами и против

участия в любых языческих празднованиях. Будучи, по преимуществу, движением вышеупомянутых народных мудрецов, они прилагали немалые усилия к тому, чтобы изучение Писания стало достоянием масс; применительно к ним в особенности стало употребляться обращение «равви» (учитель). Фарисеи учили, что «Устный Закон», состоящий из комментариев и интерпретаций, сложившихся в их же кругу, продолжает и развивает «Письменный Закон», то есть Священное Писание, и настаивали на необходимости его обязательного соблюдения и высоком авторитете. Своеобразный культ рациональной учености, начетничества, породил у фарисеев распространение строгой иерархической системы обучения и наложил отпечаток на все движение. Фарисеи верили во всеобщее воскресение, в наличие бессмертных душ, в бытие ангелов.

Саддукеи учили о необходимости и самодостаточности для религиозной жизни иудея, прежде всего, храмового ритуала в том виде, как он предписан Писанием, и связанных с ним подробных сводов, регламентирующих поведение. Они отрицали «Устный Закон», сформированный фарисеями, признавая лишь Писание и придерживаясь его буквального понимания. По учению саддукеев, души людей умирали вместе с телом; они также отрицали воскресение и бытие ангельского мира. К этому направлению относили себя высшие слои еврейского общества, представители аристократии и финансовой элиты. Хотя саддукеи были в меньшинстве, но благодаря своему общественному положению и богатству, являлись самой влиятельной частью еврейского общества. Многие из них были священниками Храма и первосвященниками.

Ессеи представляли аскетическое течение, полагая необходимым удаляться от повседневной жизни современного им общества. Они образовали обособленное братство, считая лишь себя истинным Израилем. Предписания и толкования, выработанные ессеями, расходились с фарисейскими во многих принципиальных пунктах. Ессеи жили в обособленных мужских коммунах, хотя некоторые брали себе жен ради продолжения рода. Члены общины занимались физическим трудом, в основном земледелием. Все их имущество находилось в коллективном владении. Общими были трапезы, молитвы и ритуальные омовения. Все свободное от работы время посвящалось изучению Писания. Каждый новый член общины проходил трехлетний испытательный срок, после чего должен был дать клятву быть благочестивым, не делать зла, ненавидеть ложь, не красть, не иметь тайн от членов братства и не предавать братьев даже под угрозой смерти.

Зилоты являлись экстремистским течением. Вопрос политической независимости Иудеи для них имел религиозную значимость, борьбу за освобождение от римской оккупации зилоты полагали священным долгом каждого иудея. Основателем движения был Иуда Галилеянин, поднявший волнение в 6 году по Р.Х. после введения Римом прямого управления через прокураторов. В течение последующих 70 лет сыновья и родственники Иуды возглавляли повстанцев по всей Иудее. Возведя политическую свободу Иудеи в степень религиозной доктрины, многие из них были охвачены сильными мессианскими настроениями. В 47 г. во главе мятежа встали Иаков и Симон, сыновья Иуды. После нескольких успехов Симон объявил себя Мессией, и авторитетнейший фарисей того времени —

равви Акиба — признал его, дав наименование «Сын звезды». Однако прокуратор Тиберий-Александр разбил силы мятежников и предал распятию Иакова и Симона — несостоявшегося Мессию.

При всех этих событиях не прошло незамеченным явление подлинного Мессии — Христа, принесшего избавление не от оккупации римлян, а от ига греха. Весть о спасении выходила за пределы одного народа, будучи адресована всему человечеству. По различным оценкам, благодаря апостольской проповеди до трети еврейского народа на протяжении I века обратилось в христианство, и сродники Господа по плоти более столетия стояли во главе Иерусалимской Церкви.

Господь Иисус Христос заветовал Своим ученикам равно беречься *«закваски фарисейской и саддукейской»* (Мф. 16, 6, 12). *«Если праведность ваша,— говорил Он ученикам,— не будет больше праведности книжников и фарисеев, не войдете в Царство Божие»* (Мф. 5, 20). Саддукеи, равно как и фарисеи, были яркими противниками Христа, они спорили с Ним о предметах своего учения. Апостолы и первые христиане подвергались жестоким гонениям со стороны не принявших Христа иудеев. Однако судьба самих гонителей оказалась крайне жалкой: пламя войны, постоянно разжигаемое зилотами, наконец разразилось пожаром, погубившим Иудею и ознаменовавшим окончание ветхозаветного иудаизма.

В 66 г. разразилось великое иудейское восстание против Рима. В Иерусалиме вспыхнули бои между повстанцами и противниками восстания. На помощь последним в город прибыли солдаты Агриппы II. Мятежники овладели большей частью города, подожгли дом первосвященника Анания

и потребовали прекращения жертвоприношений за благополучие римлян. Ананий как сторонник римской власти был убит⁴⁷.

Противники зилотов отступили во дворец Ирода, который стал последним оплотом римского гарнизона, а также еврейских солдат Агриппы II и сторонников римской власти. Началась продолжительная осада. Руководство осадой взял на себя Маннаим, третий сын Иуды Галилеянина, прибывший в город после того, как вместе со своими людьми захватил Массаду. В ходе переговоров с осажденными он разрешил покинуть дворец лишь евреям и солдатам Агриппы. Римляне вынуждены были оставаться в осаде. Окрыленный успехами, Маннаим, по примеру брата объявил себя Мессией и царем Израиля. Однако вскоре он был убит людьми Елеазара, другого лидера зилотов, и руководство восстанием перешло в руки последнего. Осажденный римский гарнизон, чье положение ухудшалось, договорился с повстанцами, что сможет, сложив оружие, беспрепятственно покинуть дворец. Однако Елеазар нарушил соглашение, и как только римляне сложили свое оружие, зилоты напали на них и перебили их всех.

Посланные из Рима легионы под командованием талантливых полководцев Веспасиана и Тита сокрушили восстание. В 70 г. после жестокой осады был взят Иерусалим и совершенно разрушен. Разрушению подвергся и Храм, лишь одна стена ограды была оставлена в качестве памятника доблести римских воинов, одолевших столь мощные укрепления⁴⁸. Евреям строго-настрого запрещалось приближаться к Иерусалиму, кроме од-

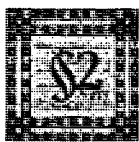
⁴⁷ Тот самый Анания, которому апостол Павел предрекал незавидное будущее (Деян 23:3), и по повелению которого убили апостола Иакова, брата Господня.

⁴⁸ Ныне знаменитая Стена Плача.

ного дня в году, когда они, за большую плату могли приходить к руинам и оплакивать свое поражение и унижение.

Последние очаги сопротивления римляне подавили к 73 году. Зилоты были уничтожены, поселения и братства ессеев, поддерживавших восстание, стерты с лица земли. Из-за разрушения Храма и, в связи с этим, фактического упразднения священства, саддукеи сошли с исторической арены. Для той части еврейского народа, что отвергла Христа, оставалась лишь одна альтернатива: последовать за фарисеями, основавшими центр в г. Ямнии. Именно они в изменившихся обстоятельствах, исключавших всякую возможность продолжения существования иудаизма в ветхозаветном виде, положили начало так называемому позднему, раввинистическому иудаизму, — по сути, уже иной религии, с иными характерными признаками.

Новоиудейство

Фарисеям-раввинам, организовавшим центр в Ямнии, в новых, изменившихся условиях пришлось настолько серьезно изменить и реформировать ветхозаветную религию, что образовавшийся благодаря их трудам поздний иудаизм или новоиудейство настолько разительно отличалось от богооткровенной веры, что фактически стало новой, совершенно иной религией. Основополагающим нововведением,

определяющим вероучительную и обрядовую составляющую позднего иудаизма, является Талмуд.

Древние священные писания иудеи называют Танахом. По сравнению с христианским Ветхим Заветом в Танахе отсутствуют т.н. второканонические книги, а также некоторые части канонических книг, например, заключительные главы книги пророка Даниила.

Порядок книг в иудейском каноне соответствует делению на три группы, которые по-еврейски назывались *Torah* («Закон»), *Navim* («Пророки») и *Ketuvim* («Книги»). Аббревиатура трех заглавных букв этих слов и составляет название Танах. К Торе относится Пятикнижие Моисеево. К разделу *Navim*: книга Иисуса Навина, книга Судей, книга Самуила (1—2 кн. Царств в православной традиции), книга Царей (3—4 кн. Царств), книги Исаяи, Иеремии, Иезекииля и книги 12 малых пророков. Третий же раздел — *Ketuvim* — включает книги: Руфь, Псалмы, Иов, Притчи, Екклесиаст, Песнь Песней, Плач Иеремии, книга Даниила, Есфирь, книга Ездры, книга Неемии и книга Хроник (в православной традиции 1—2 кн. Паралипоменон).

Каноническим текстом в иудаизме является т.н. масоретский текст. Масоретами называли тех иудейских исследователей, которые в период с VI по X в. осуществили работу по стандартизации и выработке единого текста Танаха. Первоначально их задачей была устная передача Писания, не допускавшая искажений, однако впоследствии они приступили и к письменной его фиксации, которая сопровождалась предоставлением огласовок, знаков пунктуации и др. Окончательное закрепление масоретского текста произошло к X в. Единственная дошедшая до нас полная масоретская рукопись Библии, получившая, по месту хранения, название Ленинградской, была создана ок. 1010 г. в Каире.

ТАЛМУД

Талмуд (от др.-евр. *lamed* — изучение) — обширный свод комментариев к Торе, касающийся области вероучения, философских построений, права, истории, медицины, естественнонаучных знаний, частной и общественной жизни.

Во II веке лидеры иудейской общины начали труды по систематизации фарисейского «Устного Закона». К началу III в. по Р.Х. рабби Иегуда ха-Наси записал «Устный Закон», сформированный поколениями предшествующих толкователей-фарисеев. Это были записи комментариев-постановлений, дополняющих Пятикнижие, собранный материал толкований получил название *Мишны* (вторичный закон). Она состоит из 63 трактатов, объединенных по шести общим темам:

1. **Зраим** («посевы») — правила, определяющие сельскохозяйственные работы, отделение милосердия и десятины с урожая и т.п.
2. **Мозд** («праздники») — правила соблюдения постов и праздников, а также траура.
3. **Нашим** («женщины») — брачное право.
4. **Незиким** («ущерб») — уголовное право, этические вопросы.

5. Кдошим («священные дела») — богослужебные предписания.
6. Таарот («ритуальная чистота») — вопросы ритуальной чистоты и оскверненности.

То, что не вошло в Мишну рабби Иегуды, было впоследствии собрано в книгу, называемую *Тосефта* (дополнения).

Впоследствии толкованию подверглась и сама Мишна; эти толкования составили *Гемару* («изучение»). Вместе с Мишной Гемара образовала Талмуд, окончательное формирование текста которого завершилось в V в. по Р.Х. Поколения раввинов, составлявших Мишну, называются *танаи*; поколения, составившие Гемару — *амораи*. Амораи выработали правила, определяющие отношение к разногласиям, существовавшим между *танаи*. Если разногласия казались непреодолимыми, то их вычеркивали из Гемары, но сохраняли в Мишне. Существовали некоторые общие принципы при разрешении разногласий: например, мнение учителя обычно было предпочтительнее мнения ученика. Если вопрос возникал по поводу законодательных предписаний, то принималось более легкое постановление, если законоучители разных поколений по-разному решали вопрос, то предпочтение отдавалось представителям более позднего поколения. Иногда вопрос так и оставался открытым, а решение его оставлялось на усмотрение будущих поколений.

Текст Талмуда построен следующим образом: вначале приводится отрывок из Мишны, содержащий законодательное постановление, затем даются материалы дискуссий, постановление и комментарии к этому постановлению. Запись речей ученых в Гемаре похожа на протокол собрания: каждый участник высказывает свое мнение

по данному вопросу и спорит с остальными, с той лишь разницей, что участники дискуссий в Гемаре часто принадлежали к разным поколениям и даже эпохам.

Талмуд существует в двух параллельных версиях: Иерусалимской и Вавилонской, соответственно, по месту их составления. Иерусалимский был составлен в IV веке по Р.Х., Вавилонский Талмуд был собран и отредактирован раввином Аши и его учениками на стыке V—VI веков, в городе Сура. Оба эти Талмуда имеют много отличий. Вавилонский значительно больше и пользуется гораздо большим авторитетом.

По характеру текстов, составивших его, в Талмуде различают *галаху* и *агаду*, которые переплетаются друг с другом. Галаха — это законодательное предписание, касающееся религиозной, семейной и гражданской жизни. Агада определяет духовные, вероучительные основы иудаизма. Записи агады называются мидраши, которые, как правило, записаны в виде поучительных историй-притч. Значительная часть агады была включена в Талмуд.

Поскольку систематизация Талмуда была далека от совершенства, средневековые иудейские законоведы продолжали труды, призванные сделать более понятным талмудический текст. Наиболее важным из таких трудов является комментарий Раши Рабби Шломо бен Ицхака (1040—1105), который до настоящего времени считается непревзойденным и общепринятым.

Другие раввины составляли кодексы — упорядоченные сборники авторитетных галахических решений. Наиболее крупнейшими трудами являются кодекс Маймонида (1135—1204), систематизировавшего законы по определенным темам, и кодекс Иосефа Каро (1488—1575), чей

труд «Шулхан Арух» («накрытый стол») включал вынесенные к тому моменту новые галахические решения, изложенные в посланиях иудейских авторитетов раввинам.

Талмуд регламентирует все стороны жизни иудея. Фактически в иудаизме по авторитетности и значимости он заменил само Ветхозаветное богооткровенное Писание. Талмуд во многих местах провозглашает свое превосходство над Библией: так, например, уподобляя Писания воде, Мишну вину, а Гемару — ароматическому вину, утверждается, что «грехи против Талмуда более тяжки, чем грехи против Писания» (Санхедрин, 88), что слова Талмуда более сладки, чем слова Завета (Иерусалимский Талмуд, Берахот, 1) и т.д. Сами иудеи признают, что талмудические комментарии нередко приводят к совершенно иному и даже прямо противоположному смыслу, нежели непосредственное понимание библейского текста, о таких случаях говорят: «Закон вытесняет текст» (Сота 16а).

Иудейский ритуал

Синагога (от греческого «собрание», сами иудеи ее называют *шул* или *бет а-кнесет*) является культовым зданием в позднем иудаизме, представляющим собой молитвенный дом, а не храм. Первые синагоги начали строиться незадолго до Р.Х. и поначалу выступали не более как

смысловое дополнение в религиозной жизни еврейского народа, средоточием и центром которой был храмовый ритуал. После гибели храма в 70 г. по Р.Х. роль синагог претерпела существенное изменение и переосмысление, став новым центром ритуальной жизни.

Это было по-своему радикальным переворотом в жизни еврейства и уникальным нововведением в истории религии: в отличие от храма, богослужение в синагоге не велось священниками и левитами, и культ жертвоприношения полностью отсутствовал. Место священников заняли законоучители-раввины. В рамках синагоги вырабатывались новые формы богослужения. Синагога приобрела огромное значение, будучи одновременно молитвенным домом, местом религиозного обучения и центром общественной жизни.

В основе планировки лежит конструкция Храма. Синагоги строятся так, что их фасад всегда обращен к Израилю, по возможности, к Иерусалиму. У входа помещается раковина, где можно помыть руки перед молитвой. Синагога имеет обычно прямоугольную форму, для мужчин и женщин существуют отдельные помещения. В той части синагоги, которая соответствует местоположению Святилища в Храме, устанавливается большой шкаф, покрытый занавесом, называемым *парохет*. Такой шкаф называется ковчегом и соответствует священному ковчегу в Храме, в котором хранились скрижали с Десятью Заповедями. В шкафу находятся свитки Пятикнижия.

В центре синагоги имеется возвышение (*бима* или *ал-мемар*), с которого читается Писание, на нем установлен стол для свитка. Над ковчегом располагается *нер тамид* — «неугасимый светильник». Он горит всегда, символизируя

менору, масляный светильник Храма. Рядом обычно помещается каменная плита или бронзовая доска, с выгравированными на ней Десятью Заповедями. Рядом с ковчегом находится место раввина. Кроме раввина, в персонал синагоги входят хазан, шамаш и габай. Хазан ведет общественную молитву и представляет всю общину в обращении к Богу. Шамаш — синагогальный служка, обязанности которого — наблюдать за порядком и чистотой в синагоге и заботится о сохранности синагогального имущества. Габай решает административные и финансовые вопросы синагоги.

Раввинат. После уничтожения Храма исполнение предписанных Пятикнижием обрядов стало физически невозможным; при фарисеях-раввинах, ставших лидерами иудеев и отвергших Господа Иисуса Христа, значение священников практически полностью нивелировалось. В современном иудаизме память о выродившемся и вычеркнутом из религиозной жизни священническом сословии представляют *коганим* — лица, являющиеся потомками (по отцовской линии) Аарона. В настоящее время коганим отведены символические обязанности: проводить обряд выкупа первенцев и благословлять народ в синагоге.

В ветхозаветные времена помимо богослужебных обязанностей, священники были также духовными наставниками народа, его судьями и учителями, что имело закрепление и в самом Писании (Втор. 17, 8—11). Все эти функции взяли на себя раввины, претендовавшие на доскональное знание и право единственно истинного понимания Закона. Их авторитет определялся лишь степенью учености, не Божьей благодатью, на обладание которой раввины, в отличие от ветхозаветных священников, и не претендовали.

Раввины возглавляют иудейские общины, разрешают недоуменные вопросы и споры, совершают публичные богослужения, частные обряды, учат и толкуют Писание. В ведении раввина находится конкретное применение тех или иных талмудических предписаний в конкретной ситуации. Поэтому именно раввин дает совет, равносильный приказу, как поступить в том или ином случае жизни. Раввины руководят и духовным судом — *бет-дин*, и каждый иудей обязан в споре с другим иудеем обращаться именно в этот суд, а не в государственный. Талмуд предписывает относиться к словам раввинов с большим вниманием, чем к словам Писания (Эрубин, 21), «Слова раввинов есть слова Бога живого», «Если раввин скажет, что твоя правая рука есть левая, а левая — правая, верь его словам» и т.д.

Обряды и запреты. В Талмуде разработаны до мельчайших деталей предписания и запреты, касающиеся всех сторон повседневной жизни иудея. Насчитывается 613 таких предписаний и запретов, которые называются *мицвот*. Они касаются пищи, одежды, туалета, распорядка дня, молитв, соблюдения праздников, указывают, что когда можно и что когда нельзя делать. Среди мицвот разделяют 248 повелений и 365 запретов.

На восьмой день жизни новорожденный мальчик-еврей подвергается обрезанию, которое проходит также и взрослый человек, обращающийся в иудаизм. Каждый шаг иудея должен сопровождаться молитвой. Особенно многочисленны пищевые запреты и правила, поэтому в городах, где есть крупные иудейские общины, имеются специальные магазины, продающие кошерные (дозволенные в пищу) продукты питания, приготовленные по особому ритуалу.

Особые правила касаются одежды: мужская одежда должна быть длинной, сделанной из однородной ткани, иметь карманы ниже пояса, голова, даже во время сна, должна быть покрыта (обычно маленькой круглой шапочкой — *кипой*); религиозному иудею предписывается иметь бороду, отпускать длинные волосы на висках (пейсы), во время молитвы надо надевать поверх одежды особое молитвенное облачение *талит* и т.д. Многочисленны предписания, касающиеся омовений, особенно для женщин; омовения должны совершаться в специальном обрядовом бассейне *микве*. В целом женщине иудаизм отводит подчиненное положение в семье и в обществе. Талмуд налагает на женщину множество унижительных ограничений; она не может быть свидетельницей в суде, не может выходить на улицу без покрывала, в синагоге женщины должны молиться отдельно от мужчин и пр. Согласно Талмуду, жена — послушная раба мужа. Каждый верующий еврей ежедневно произносит молитву, в которой благодарит Бога за то, что Он не создал его женщиной, а женщина должна в молитве благодарить Бога за то, что Он создал ее для послушания мужчине.

Соблюдение субботы подчинено особо строгим правилам: в этот день не только нельзя выполнять какую-либо работу, но нельзя готовить пищу, зажигать огонь, переносить что-либо в руках, прикасаться к деньгам и пр.

Празднества. Из годовичных праздников донныне соблюдаются: Пасха (14-го нисана по староеврейскому календарю), шеббуот (в пятидесятый день после пасхи,

в древности праздник жатвы), рошгашана (новый год, осенью, в седьмой день месяца тишри), иомкипур (день прощения, на десятый день после Нового года), суккот (кущи, семидневный осенний праздник, когда по ритуалу требуется жить в особых шалашах — куцах), пурим (весенний праздник в память библейской истории Эсфири и Мардохея) и др.

Богослужение. Иудейский молитвенник, содержащий текст установленных молитв, называется *сидур* (множественное число — *сиддурим*), что значит — «установленный (порядок)». Сиддурим печатаются на иврите. Тем не менее, сиддурим обычно снабжены постраничным переводом, так что человек, незнакомый с ивритом, может молиться на родном языке.

Каждый день в синагоге бывает три службы: *шахарит* — утренняя молитва, *минха* — дневная молитва и *арвит* — вечерняя молитва. В синагогах время этих молитв совпадает со временем жертвоприношений евреев в древнем Храме. В дни новолуния и в праздники есть дополнительная молитва (*мусаф*). Она произносится в то время, в которое приносились дополнительные жертвы по таким случаям.

Самая важная иудейская молитва — это Шма. Она состоит из трех фрагментов: Второзаконие 6, 4—9 и 11, 13—21 и Числа 15, 37—41. Она начинается провозглашением единства Бога, за которым следует признание связи с Ним и обязательство выполнять Его заповеди. Шма произносится во время утренних и вечерних богослужений. Иудей должен произносить ее и отходя ко сну. По субботам и праздникам в синагоге

читают Пятикнижие (*Тору*). Также она читается во время утреннего богослужения по понедельникам и четвергам.

Многие части богослужения, и все публичные чтения Пятикнижия требуют присутствия десяти мужчин, достигших возраста 13 лет. Это называется миньян (необходимое число). Установленные молитвы могут быть произнесены и не в миньяне, но тогда определенные части их опускаются.

Молитвенное облачение. Во время утренней молитвы иудеи-мужчины надевают *талит* и *тфилин*.

Талит представляет собой квадрат или прямоугольник из белой ткани (обычно из шерсти или шелка). К каждому из четырех концов прикрепляются кисти, называемые *цицит*. Талит должен покрывать большую часть тела невысокого человека, поскольку он также используется как саван, в котором его владелец будет похоронен. Размер талита для взрослого должен быть примерно 2 метра на 1,5 метра.

Тфилин представляет собой две черные кожаные коробочки, одну из которых надевают на верхнюю часть руки, а другую накладывают на голову. Коробочки содержат маленькие пергаментные свитки с фрагментами из Пятикнижия. Это два первых отрывка Шма, а также *Исход* 13, 1—10 и 13, 11—16. В ручном тфиле все четыре фрагмента записаны на одном пергаменте. Коробочки прошиты снизу сухожилиями. Свитки пергамента, коробочки, швы и ремни должны быть сделаны только из органов тела кошерного животного.

Особенности вероучения

Основные вероположения иудаизма средневековые иудейские мыслители начали формулировать под сильным влиянием других религиозных и философских систем. Маймонид (1135—1204) сформулировал 13 принципов веры, которые стали общепринятыми:

1. существование Бога;
2. Его единственность;
3. Его нематериальность;
4. Его вечность;
5. необходимость поклонения только Ему одному;
6. вера в пророчество;
7. абсолютное верховенство Моисея как пророка;
8. Божественное происхождение Торы;
9. неизменность Торы;
10. всеохватывающее Божественное провидение;
11. вознаграждение и кара;
12. пришествие Мессии;
13. воскресение мертвых.

Очевидно, что эти принципы весьма общие и оставляют большое поле для самого разного наполнения. Так, например, иудеи считают, что, хотя сотворенный Богом из ничего мир реален, он существует только тогда, когда

в него вливается творческая эманация Бога. Таким образом, творение — это не единичный акт, а постоянный процесс. Поэтому в молитвах иудеи прославляют Бога как Того, Кто «по Своей доброте постоянно, каждый день возобновляет сотворение мира».

В молитвах иудеи, обращаясь к Богу, называют Его также одним из тех имен, которые упомянуты в Пятикнижии. Культивируя особое благоговение к этим именам, они произносят их только в молитве, а одно из них — *Яхве* — вообще никогда не произносится. Говоря о Боге, иудеи часто называют Его словом «*Гашем*» («имя»).

Многие важнейшие положения Библии перетолкованы в Талмуде в совершенно ином освещении. Если для Библии характерен ярко выраженный персонализм, то есть представление о Боге и сотворенном Им человеке как о личностях, то в Талмуде говорится о том, что человек изначально был сотворен гермафродитом и лишь позднее возникает разделение полов, возникают Адам и Ева. Возрождаются в Талмуде и пантеистические воззрения: так, например, говорится о сотворении Богом душ евреев из самой Божественной сущности.

Иудаизм учит, что, когда человек покидает этот мир, он получает награду или наказание за все, что делал в течение своей жизни. Под наградой понимается степень приближения к Богу. Наказание осознается как процесс очищения. Евреи не верят в ад как место вечных мучений. Они верят, что человек не может сделать ничего настолько плохого, чтобы наказание за это было бесконечным. В еврейском понимании ад — своего рода прачечная, где души отмываются от грехов, чтобы в конечном итоге удостоиться приближения к Богу. Иудеи также верят в воскрешение из мертвых.

Кроме того, существует представление о переселении душ (*гилгул*). Те иудеи, кто не достиг совершенства в своей жизни, для очищения перевоплощаются в новых телах — в растениях, в животных, в телах неевреев, и, наконец, в теле еврея, после чего могут заслужить вечное блаженство.

Иудеи верят в грядущий приход **Мессии**, который построит Храм и станет провозвестником новой эры, будет потомком царя Давида, человеком исключительной святости и учености. Ему якобы удастся объединить все человечество на основе особой роли евреев и подчиненного положения всех прочих народов, установить мир и благоденствие на Земле. Тогда прекратятся войны, религиозные конфликты уступят место единой религии, основанной на так называемых общечеловеческих ценностях, которые в иудаизме мыслятся как низшая в сравнении с самим иудаизмом вера в «Семь заповедей сынов Ноя» или «Новый Кодекс».

Одной из особенностей позднего иудаизма является учение об особой роли еврейского народа. «Евреи приятнее Богу, нежели ангелы», «как человек в мире высоко стоит над животными, так евреи высоко стоят над всеми народами на свете» — учит Талмуд*. Избранничество мыслится в иудаизме как право на господство. Иудеи продолжают ожидать Мессию и ежедневно молятся о его приходе.

* Цит по: *Бренье Ф.* Евреи и Талмуд. Париж, 1928. в источнике ссылки: *Traite Chulin*, folio 91, b., *Sepher Zeror pa Mar*, folio 107, b.

Течения в позднем иудаизме

Поздний иудаизм неоднороден, как и в других религиях, на протяжении истории, в нем возникали разделения и разногласия как по вероучительным, так и по обрядовым вопросам. Основное, «традиционалистическое» направление, принято называть *ортодоксальным иудаизмом*. Именно его вероучение и практику в первую очередь мы изложили выше. Кроме него до настоящего времени существуют следующие крупные течения: *хасидизм*, *реформистский иудаизм* и *либеральный иудаизм*, каждому из которых мы уделим несколько строк. Незначительные течения вроде *консервативного иудаизма* в США или британского *масорти*, стоящие между ортодоксальной и реформистской версиями позднего иудаизма, мы рассматривать не будем, так же как и малочисленные внеталмудические секты вроде *караимов*. Частично воспринимая хасидов, приверженцы ортодоксального иудаизма однозначно не считают иудеями последователей реформистского и либерального течений и не признают законности их обрядов.

■ **Хасидизм** — религиозно-мистическое движение, возникшее в конце 30-х годов XVIII века в Подолии (современные Винницкая и Хмельницкая области Украины).

Само слово «хасид» означает «благочестивый». Основателем хасидизма явился раввин Израиль Бааль-Шем-Тов, известный по аббревиатуре как Бешт.

Между 1735 и 1740 годами Бешт выступил в роли религиозного учителя и народного проповедника. Основами проповеди были религиозный пантеизм и признание непрерывного взаимодействия между человеком и Богом. Бешт придал своей системе форму, отвечающую принципам демократизации иудаизма, построения религии на основах сердечной, интимной привязанности человека к Богу и оптимистическом отношении к жизни и людям. Его проповедь основывалась на учении каббалы в упрощенном изложении (для восприятия простых людей. Он учил, что целью служения Богу является соединение с Ним. Этого можно достичь не только изучением Писания, но и глубоко искренней молитвой, а также воодушевленным выполнением заповедей. Он внушал беднякам, что их скромность дает им преимущество перед учеными раввинам, на чьем пути к Богу стоит препятствие гордости.

Хасидское движение в короткое время охватило еврейское население Подолии, Волыни, Галиции и большей части Краковского воеводства Польши, затем интенсивно распространилось среди евреев Литвы, Белоруссии, Румынии и Венгрии. В своих общинах Бешт ввел вместо обычного молитвенника каббалистический ритуал, чем положил начало полному обособлению хасидов от раввинистов в богослужении и ритуальной жизни.

Широкое распространение хасидизма вынудило вождей, рассматривавших новое учение как разрушителя всего здания иудаизма, ополчиться на его последователей. Новшества, введенные хасидами в богослужении и ритуале, подвели

их под категорию отступников от традиций. В Литве в 1781 году для хасидов был повсеместно провозглашен хэрем (отлучение, проклятие). В своем послании вождь литовского раввинизма ребе Авраам Каценеленбоген призывал всех «соединиться и ополчиться на хасидов... губить и искоренять их, преследовать их лично и имущественно, и гнушаться их, как нечистых тварей». Яркие противники хасидизма получили название *митнагдим*.

Противоборство начало смягчаться лишь в 90-х годах XVIII века, когда в литературе появились хвалебные гимны хасидизму, положившие начало так называемому неохасидизму. К настоящему времени острота полемики и накал страстей спали, однако среди ортодоксальных иудеев до сих пор немало тех, кто отказывается признавать хасидов настоящими иудеями.

В своем развитии хасидизм получил два направления: *польско-украинское* и *литовско-белорусское*, именуемое также *хабад*. Польско-украинский хасидизм своим необыкновенным успехом в значительной степени обязан Бешту.

В Литве и Белоруссии хасидизм обрел самобытный характер, охватив в первое время не широкие массы, а лишь отдельных молодых людей, образовавших тайные общины. С начала 1780 года во главе литовско-белорусского хасидизма стал ребе Шнеур-Залман Борух. Благодаря его деятельности, литовско-белорусский хасидизм приобрел особые черты, коренным образом отличающие его как от ортодоксального хасидизма, так и от украинско-галицийского хасидизма.

Он создал систему хабад (аббревиатура слов хохма (мудрость), бина (понимание) и даат (познание) — понятий, обозначающих составляющие разумной души как главный источник веры. Краеугольным камнем этой системы служит абсолютное всебожие бытия (пантеизм). Все материальные

вещи — суть феномены, явления, существующие лишь условно в нашем разуме и наших чувствах, но не имеющие самостоятельного бытия.

Борух учил, что в каждом человеке имеются две различные души: животная (источник чувств и наклонностей) и божественная (источник разума и духа), являющаяся «частицей Божества, дыханием уст Его». Божественная душа состоит из десяти сфирот (эманаций), соответствующих десяти творческим силам миропорядка. Три главные сфирот — мудрость, разум и познание. Из них вытекают остальные семь нравственных свойств.

Источником веры в учении хабад является разум, разумная душа, а не чувство и экстаз, как у Бешта. В то время как большинство хасидов предпочитают ограничить связи с остальным миром до минимума, хасиды хабада ведут активную общественную деятельность, открыты внешнему миру. В отличие от первых, они обычно носят одежду, принятую на западе, и говорят на языке страны, в которой живут. Вместо раввинов в хасидских общинах высшим авторитетом стали пользоваться *цадики* («цадик» переводится как «праведник»), якобы обладающие сверхъестественными способностями. Для хасидизма характерны крайний мистицизм и религиозная экзальтация.

■ **Реформистский иудаизм.** Это течение возникло из тенденций, постепенно развивавшихся в среде ассимилированных евреев Германии в последней четверти 18 в., которая нашла выражение в небольших изменениях синагогального богослужения. Лишь позднее появились мыслители и лидеры, придавшие идеологическую оформленность этой тенденции.

Такие мыслители полагали, что если внести изменения в синагогальную службу, сделав ее похожей на службу в лютеранской церкви, немцы станут относиться к иудаизму с уважением. Первая попытка была предпринята в Сизене в Гановере в 1810 г., где Израэль Якобсон основал школу, в которой изучались светские предметы, и служба велась с песнопениями и проповедями на немецком языке в сопровождении органа, так же, как в церкви. Аналогичным образом стали проводить службу и в других местах. В 1818 г. был открыт Гамбургский храм, считающийся первой реформистской синагогой. В последующие годы многие общины вносили различные изменения, начиная от молитвы на немецком языке в некоторых частях службы и пения под аккомпанемент органа и кончая отказом от обрезания и перенесением Шаббата на воскресенье. Движущей идеей всех этих изменений было убеждение, что люди могут изменять иудаизм в соответствии со своими нуждами.

Среди наиболее видных лидеров были Самуэль Гирш (1815—89) и Самуэль Гольдхайм (1860—60). С точки зрения Гирша заповеди являются лишь символами божественной истины. А поскольку человеческая жизнь изменилась так, что истина не передается больше через символы, от них (а значит и от заповедей) можно отказаться. Гольдхайм видел в заповедях законы и обычаи древних евреев, чье государство уничтожено около 2000 лет назад. Соответственно, заповеди устарели, и Гольдхайм подверг критике раввинов, учивших людей строить свою жизнь по законам давно исчезнувшего государства.

Другим лидером реформизма был Авраам Гайгер (1810—74). Он утверждал, что иудаизм все время изменялся, чтобы соответствовать новым условиям; так, например раввины эпохи Талмуда приспособляли ветхозаветный иудаизм времен. Поэтому он считал, что и современные раввины

должны приспособить иудаизм к новым условиям жизни. Гайгер полагал, что иудаизм можно свести к «этическому монотеизму» — вере в единого Бога, сочетающейся с высокими нравственными нормами поведения. С его точки зрения, только те заповеди, которые вели к этому идеалу, были ценны. Остальные могли представлять значение в прошлом, но поскольку не имели характера вечного установления, от части из них можно было отказаться.

Ортодоксальные иудеи крайне болезненно отнеслись к данным идеям; как и в случае с хасидами, раввины старались с опорой на светскую власть европейских государств нанести удар по реформистам. И до настоящего времени ортодоксальные не признают их настоящими иудеями.

Между 1844 и 1971 гг. лидеры реформистов провели ряд конференций. На них были выработаны идеологическая основа и практика нового движения.

Считая себя частью европейского общества и не желая покидать Европу, они решили прекратить молиться за восстановление Святой Земли и постройку храма, отказались от веры в приход Мессии, усматривая в ней лишь надежду на наступление мессианской эпохи. Они также решили, что законы кошерной пищи не являются обязательными, и отменили вторые дни праздников. Обсуждались и такие вопросы, как статус женщины и понятие «работы» в субботу. На этих конференциях была заложена основа современного реформизма.

■ **Либеральный иудаизм.** Либеральное движение в Великобритании сформировалось в самом начале 20 века в результате деятельности Лили Монтегью (1873—1963) и Клода Монтефиоре (1858—1938). Причиной его появления послужило убеждение, что даже реформистское движение

требует от человека слишком многого и что необходимо подвергнуть иудаизм более серьезным изменениям.

Будучи членом реформистской общины, Клод Монтефиоре полагал, что реформистский вариант иудаизма требует от человека слишком многого. Он также считал, что в области этики христианство превосходит иудаизм. Монтефиоре хотел создать такую разновидность иудаизма, которая сможет обойтись без устаревших верований, но приведет к тому, что казалось ему более высоким нравственным уровнем. Для достижения этой цели он ввел понятие «просвещенного сознания». Монтефиоре считал, что человек должен изучить верования и религиозную практику евреев, чтобы затем выбрать, что он готов соблюдать.

Позиция либерального иудаизма основана на точке зрения Монтефиоре, что Бог не являлся Моисею на горе Синай и ни одному из пророков, но что Он дает каждому человеческому сознанию возможность ощутить Себя. Эта идея лежит в основе отношения либерального движения к иудаизму. С точки зрения либерального движения, соблюдение заповедей есть вопрос индивидуального выбора. Некоторые люди, возможно, чувствуют, что выполнение заповедей необходимо для их нравственного роста, а другие могут не иметь такого ощущения. Например, потребление кошерной пищи рассматривается как своего рода нравственная дисциплина для тех, кто придерживается этого. Те же, кто достигает нравственной дисциплины иным способом, вольны поступать иначе. Культивируется равенство полов и уважение к любому человеку независимо от того, еврей он или нееврей.

В результате анализа Холокоста и вопроса, как мог Бог допустить происшедшее, некоторые идеологи либерального иудаизма пришли к выводу, что Бог не всемогущ и что Он борется со злом так же, как и люди.

В либеральном иудаизме претерпели изменения и другие вопросы вероучения и практики. В синагогах мужчины и женщины молятся вместе, мужчины могут молиться с непокрытой головой. Как и реформисты, члены либеральных общин не обязательно начинают соблюдение субботы с заходом солнца в пятницу, они зажигают субботние и праздничные свечи позднее. В либеральных общинах семидневный период траура (*шива*) необязателен. Некоторые соблюдают траур только один день. Лидеры либерального иудаизма давно отказались от веры в воскрешение мертвых и исключили все упоминания об этом из своих молитвенников. Многие верят в бессмертие души. Другие отвергают и эту веру, считая, что под бессмертием подразумевается память об умерших в грядущих поколениях.

Иудейский мистицизм

Каббала (буквально: «то, что получают») представляет собой иудейское теософское учение с элементами мистики и магии. Иудеи, практикующие каббалу, не составляют какого-то особого течения в иудаизме. Это общее мистическое учение, к которому может при желании обратиться иудей любого направления, хотя в целом каббала большее имеет распространение среди хасидов, чем среди ортодоксальных иудеев.

Труды каббалистов объясняют, как Бог проявляет Себя, как Он сотворил вселенную из ничего, как Бог, не ограниченный ни временем, ни пространством, может вступать во взаимоотношения с существами этого конечного мира, какова природа человеческой души и как зло существует в мире, который сотворил Бог. Инструментами Каббалы являются созерцание, размышление, молитва и поиск скрытого смысла слов Пятикнижия, в которых заключается, по мнению каббалистов, символическое описание Бога и Божественных процессов.

Сам термин «каббала» стал использоваться иудейскими мистиками с XII века. Большое влияние на Каббалу оказали написанные в VI—VIII веках так называемые «книги видений» — «Большие чертоги», «Малые чертоги» и др. Их авторы считали, что возносились к Престолу Бога и излагали свои мистические видения.

На Каббалу большое влияние оказала философия неоплатонизма, взгляды которой можно отметить в краеугольной книге Каббалы — «Сефер-иецира» («Книга творения»). Эта книга ввела понятие десяти сфирот — «эманаций» сокровенного Бога, «проистекающих» из бесконечной, неограниченной Божественной субстанции (*Эйн-соф*), которой нельзя приписывать никаких атрибутов. Учение о 10 сфирот Бога было разработано под влиянием гностицизма и неоплатонизма.

Нематериальные сущности-сфирот находятся в постоянном динамическом взаимодействии и управляют материальным миром, создавая непрерывную цепь мироздания. В отличие от неоплатонизма, где эманации — произвольный процесс, Каббала видит в ней волевое действие Бога, сокрытого в глубинах своего «бытия».

Некоторые течения Каббалы, попав под большее влияние гностицизма, учат о зле как о самостоятельной сущности, образующей мир, который представляет собой отрицательное отражение Божественного мира сфирот — «другая сторона» (*ситра ахара*).

Крупнейшим трудом в области Каббалы является «Книга сияния» — «Сефер ха-Зогар» или просто Зогар, опубликованный в XIV веке. Зогар состоит более чем (из) 20-ти книг, основная из которых — каббалистический комментарий к Пятикнижию. Сюжет Зогар составлен из множества мидрашей (рассказов-притч), в которых герои Зогар — раввин Шимон бар Йохай, его сын Элазар и его ученики странствуют по Израилю. Во время этих странствий они сами, а также встречающие люди (часто старики и дети) рассказывают мидраши каббалистического содержания, темой которых является познание таинств Божества. По мнению автора Зогар, библейское повествование представляет собой описание процессов, происходящих в мире сфирот.

Дальнейшее развитие Каббалы нашло отражение в книге «Каббала», основанной на Зогар. Основное положение Каббалы о том, что материальный мир является всего лишь видимым аспектом незримой реальности, одновременно символом и частью этой высшей реальности, недоступной физическому восприятию, но частично раскрывающейся посвященным. Каббала утверждает единство сокровенного и видимого миров: любое явление в низшем мире связано с процессами в высшем, духовном мире.

Одной из главных идей Каббалы является положение, что высший и низший миры могут влиять друг на друга. Человек — единственное существо мироздания, наделенное

свободной волей, а поэтому способное влиять на миры. Поэтому человеческая деятельность очень важна для мироздания. Человек есть активный сотрудник Бога, соучастник в деле творения.

Наряду с Каббалой как учением существует практическая каббала — род магии, целью которой является воздействие на высшие миры, что достигается с помощью сосредоточенного созерцания тайного смысла имен Бога и манипуляциями над духами. Каббалисты признавали огромное количество духов, которых вызывали к себе, стремясь подчинить их своему влиянию и посредством их воздействовать на мир. Каббалисты учили, что каждая звезда имеет своего духа и оказывает таинственное влияние на судьбы людей. С помощью сатаны можно управлять этими духами, а значит, заставляя их вмешиваться в человеческую жизнь.

Во многих иудейских общинах существует правило, что Каббалу не имеют право изучать люди, не достигшие 30-ти лет. При этом они должны еще сначала проявить хорошие познания в Торе и иметь детей.

Подводя итоги, следует напомнить и перечислить наиболее важные отличия позднего иудаизма от богооткровенной ветхозаветной религии.

Упразднен ритуал жертвоприношений, в связи с чем, по ветхозаветным меркам и заповедям, все современные иудеи находятся в состоянии скверны, ритуальной нечистоты. Упразднено священство как особое родовое сословие, посвященное на сугубое служение Богу и имеющее особую на это благодать. Отсутствует храм и предписанное Писанием храмовое богослужение, в связи с чем празднования и обряды

современных иудеев не могут признаваться истинными с точки зрения Завета. Прервана цепь пророков, и сами последователи позднего иудаизма признают, что после I века у них не было ни одного пророка. Наконец, нет царя.

Вместо этого появилось новое Писание — Талмуд, новое иерархическое служение — раввины, центром религиозной жизни стала синагога, богослужение и обряды претерпели значительные изменения, появились новые праздники, новые вероучительные положения, Каббала.

Все это вынуждает беспристрастного исследователя признать, что поздний иудаизм — совершенно иная религия, ничуть не в большей степени связанная с ветхозаветным иудаизмом, чем *самарянство* или *ислам*.

ХРИСТИАНСТВО и поздний иудаизм

В целом, Талмуд насаждает резко негативное, презрительное отношение ко всем не-иудеям, в том числе к христианам; подобный факт, естественно, не относится к числу условий, способных обеспечить уважительное совместное существование людей различных религий.

«От ближнего не отымай ничего, как гласит заповедь, но ближний твой еврей, а не прочие народы света» (Санхедрин, 7), «если кто скажет, что Бог принял на себя плоть человеческую, то он лжец и достоин смерти, посему на такого человека еврейю дозволяется свидетельствовать ложно»

(там же), «иноверец, убивший иноверца, равно и еврей, убивший еврея, наказывается смертью; но еврей, убивший иноверца, не подлежит наказанию» (там же).

Книга поздних галахических постановлений Шулхан-арух предписывает, по возможности, уничтожать храмы христиан и все, им принадлежащее (Шулхан-арух, Иоре де'а 146); запрещается также спасать христианина от смерти, даже если бы сей последний упал в воду и обещал все свое состояние за спасение; разрешается испытывать на христианине, приносит ли лекарство здоровье или смерть; и, наконец, иудею вменяется в обязанность убивать еврея, который перешел в христианство (Шулхан-арух, Иоре де'а 158, 1; Талмуд Абода зара 26).

В Талмуде содержится немало оскорбительных, кощунственных высказываний о Господе Иисусе Христе и Пресвятой Богородице. В раннем средневековье среди иудеев получило широкое распространение антихристианское сочинение — «Толдот Иешу» («Родословие Иисуса»), переполненное крайне кощунственными оскорбительными вымыслами о Христе, показавшими нравственную деградацию тех, кто их сочинил, читал и переписывал из века в век. Кроме того, в средневековой иудейской литературе существовало еще несколько десятков антихристианских трактатов.

В раннее средневековье иудеи совершили ряд чудовищных преступлений против христиан, которые и дали толчок европейскому антисемитизму. Около середины V века иудейским миссионерам удалось обратить в иудаизм Абу Кариба, царя южноарабского царства Химьяр. Его преемник Зу-Нуvas приобрел известность как кровавый гонитель и мучитель христиан. Не было такого мучения, которому не подвергались бы христиане во время его правления. Самое массовое избиение христиан произошло в 524 г. Зу-Нуvas вероломно захватил

христианский город Наджран, после чего всех жителей стали подводить к специально вырытым рвам, наполненным горящей смолой, всех, кто отказывался принимать иудаизм, бросали в них живьем⁹⁰. В ответ на это союзники Византии — эфиопы — вторглись в Химьяр и положили конец этому царству.

90 лет спустя, когда персы осадили Иерусалим, иудеи, жившие в городе (вернуться в который им позволили именно христианские государи, отменив антисемитские указы римских императоров-язычников), войдя в сговор с врагом Византии, открыли ворота изнутри и персы ворвались в город. Начался кровавый кошмар. Церкви и дома христиан поджигались, христиане вырезались на месте, причем в этом погроме евреи зверствовали даже больше персов. По данным современников, 60 000 христиан были убиты и 35 тысяч проданы в рабство. Разумеется, император Ираклий, отвоевав у персов Иерусалим, отнесся к предателям-иудеям сурово. Эти два события повлияли и, в целом, определили антисемитские настроения всего европейского средневековья.

Следующие канонические постановления определяют отношения православного христианина с иудеями:

7 Апостольское правило: «Если епископ, или пресвитер, или диакон, святой день Пасхи прежде весения равноденствия с иудеями праздновати будет — да будет извержен от священного чина».

65 Апостольское правило: «Если кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолиться — да будет и от чина священного извержен, и отлучен от общения церковного».

⁹⁰ Память 4300 мучеников Наджранских Церковь отмечает 23 октября.

70 Апостольское правило: «Если кто, епископ или пресвитер, или диакон, или вообще из списка клира, постится с иудеями, или празднует с ними, или приемлет от них дары праздников их, как-то: опресноки или нечто подобное, — да будет извержен. Если же мирянин — да будет отлучен».

11 Правило VI Вселенского Собора: «Никто из принадлежащих к священному чину или из мирян отнюдь не должен есть опресноки, даваемые иудеями, ни вступати в содружество с ними, ни в болезнях призывать их и врачевства принимать от них, ни в банях купно с ними мыться. Если же кто дерзнет сие творити — то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен».

8-е правило VII Вселенского Собора гласит о том, что иудеев следует принимать в Церковь только если обращение их будет от чистого сердца и засвидетельствовано торжественным отречением от ложных учений и обрядов новоиудейства.

Поэтому приходящий из иудаизма к православию человек обязан перед крещением пройти специальный чин отречения. В истории Церкви было немало случаев искреннего обращения из позднего иудаизма в Православие, в частности, такие святые отцы как святитель Епифаний Кипрский (IV в.) и преподобный Константин Синадский (IX в.), который после обращения проповедовал своим соплеменникам и пережил от них не одно покушение. В XVIII веке на горе Афон подвизался покаявшийся раввин, принявший крещение и постриг с именем Неофит, написавший полемическое сочинение против иудаизма. В России во второй половине XIX века А. Алексеев, сам обращенный в православие иудей, отличился миссионерскими трудами среди иудеев, опубликовал несколько полемических сочинений, укреплял других евреев, перешедших в Православие.

■ Литература

1. Агада. М., 1995.
2. Амбрази Н. История о чудесном обращении ко Христу еврейского раввина Исаака. М., 1996.
3. Алексеев А. Беседы православного христианина из евреев с новообращенными из своих собратий об истинах Святой Веры и заблуждениях талмудических. Новгород, 1897.
4. Арье Форта. Иудаизм.
5. Бренье Ф. Евреи и Талмуд. Париж, 1928.
6. Вавилонский Талмуд. М., 1998.
7. Даль В.И. Разыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. СПб., 1844.
8. Дворкин А.А. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2003.
9. Книга Правил. М., 1893.
10. Островский С. Человек из Назарета. М., 1996.
11. Пилкингтон С.М. Иудаизм. М., 2002.
12. Св. Иоанн Златоуст. Пять слов против иудеев. М., 1999.
13. Св. Иустин Философ. Диалог с Трифоном иудеем. М., 1997.
14. Св. Ипполит Римский. Толкование на книгу пророка Даниила. М., 1994.
15. Штейнзальц А. Еврейский мир.

Святые Отцы о новом иудействе

Богоотверженность новоиудаизма

Свт. Ипполит Римский: «Всем они (иудеи) преткнулись, оказавшись ни в чем не согласными с истиною: ни в отношении к закону, так как сделали его преступниками, ни в отношении к пророкам, потому что умертвили и самих пророков, ни в отношении к гласу Евангельскому, потому что распяли Самого Спасителя; не поверили и апостолам, потому что и их гнали, всюду сделали злоумышленниками и предателями истины, оказались богоненавистниками, а не боголюбцы».

Свт. Иоанн Златоуст: «Не удивляйтесь, что иудеев я назвал жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намеренно отринувшие и бросившие столько благ, с неба пришедших в их руки. Воссияло им утреннее Солнце правды: они отвергли свет Его, и сидят во тьме, а мы, жившие во тьме, привлекли к себе свет и избавились от мрака заблуждения. Они были ветвями святого корня но отломились: мы не принадлежали к корню и принесли плод благочестия. Они с малолетства читали пророков и распяли Того, о Ком возвещали пророки: мы не слышали божественных глаголов

и Тому, о Ком предсказано в них, воздали поклонение. Вот почему жалки они; ибо тогда как другие восхищали и усвоили себе блага, им (иудеям) ниспосланные, сами они отвергли их. Они, призванные к усыновлению, ниспали до сродства с псами, а мы, будучи раньше псами, возмогли, по благодати Божией, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сынов (Божиих)».

Из чего это видно? *«Несть добро отъяти хлеба чадом, и повреци псом»* (Матф. 15, 26), — так сказал Христос хананейской жене, называя чадами иудеев, а псами язычников. Но смотри, как после изменился порядок: те (иудеи) сделались псами, а мы чадами. *«Блюдитесь от псов,— говорит об них Павел,— блюдитесь от злых делателей, блюдитесь от сечения. Мы бо есмы обрезание»* (Фил. 15, 2, 3). Видишь, как бывшие прежде чадами сделались псами? Хочешь узнать, как и мы, бывшие прежде псами, сделались чадами? *«Елицы же прияша Его,— говорит евангелист,— даде им область чадом Божиим быти»* (Ин. 1, 12). Нет ничего жалче иудеев: они всегда идут против собственного спасения. Когда надлежало соблюдать закон, они попрали его; а теперь, когда закон перестал действовать, они упорствуют в том, чтобы соблюдать его. Что может быть жалче тех людей, которые раздражают Бога не только преступлением закона, но и соблюдением его? Поэтому, говорит св. Стефан: *«Жестоковъйнии, и необрезанныи сердца и уши, вы всегда Духу Святому противитесь»* (Деян. 7, 51), не только нарушением закона, но и неблагоприятным желанием соблюдать его.

Синагога: «Они, собрав толпы изнеженных людей и скопище распутных женщин, весь этот театр и актеров увлекают в синагогу; ибо между театром и синагогою нет никакого различия. Знаю, что некоторые сочтут меня

дерзким за то, что я сказал: „Нет никакого различия между театром и синагогою; а я считаю их дерзкими, если они думают иначе“. Сказано: *«Оставих дом Мой, оставих достояние Мое»* (XII, 7); а когда Бог оставит, то какая уже надежда на спасение? Когда оставит Бог, тогда место то делается жилищем демонов» (*Свт. Иоанн Златоуст: Пять слов против иудеев*).

Святитель Иоанн пишет далее, что посещение синагоги христианином более оскверняет его, чем посещение языческого капища: «Место, где собираются христоубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа, где еще находятся и самые демоны, — такое место не более ли пагубно? Ибо там (в языческом капище) нечестие явно и очевидно, и не так легко привлечет или обольстит человека умного и здравомыслящего; но здесь (в синагоге иудеи), говорящие о себе, что покланяются Богу, отвергают идолов, имеют и почитают пророков, этими словами устраивают только большую приманку и ввергают в свои сети людей простых и неразумных, по их неосторожности. Значит, нечестие как у иудеев, так и у язычников, одинаково; но обольщение у первых действует гораздо сильнее, потому что у них не виден ложный жертвенник, на котором они закаляют не овец и тельцов, а человеческие души.

Поклонение Богу

«Конечно (иудеи) скажут, что и они покланяются Богу. Но этого сказать нельзя; никто из иудеев не покланяется Богу. Кто говорит это? Сын Божий. *«Аще Отца Моего бысте ведали, —* говорит Он, *— и Мене ведали бысте:*

ни Мене весте, ни Отца Моего» (Ин. 8, 19). Какое еще можно привести мне свидетельство достовернее этого? Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов? Там не поклоняются Богу, нет; там место идолослужения» (*Свт. Иоанн Златоуст: Пять слов против иудеев*).

Почитание Моисея и ветхозаветных праведников

«Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так ужели их руки стали святы от того, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали незаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, ужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если незаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам, и к истине» (*Свт. Иоанн Златоуст: Пять слов против иудеев*).

О иудейских праздниках

«Но праздники их, скажете, имеют в себе что-то важное и великое! И их сделали они нечистыми. Послушай пророков, или, лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращение показывает Он к ним: *«Возненавидех и отвергох праздники ваша»* (Амос. V, 21). Бог ненавидит их. Не сказано, (что ненавидит) такой-то и такой-то праздник, но вообще все...» Говоря об иудейской пасхе, св. Иоанн указывает, что согласно закону она должна обязательно производиться в Иерусалиме, а так как новоиудеи производят ее на всяком месте, кроме Иерусалима, соответственно, она и не может считаться исполнением Ветхого Закона. Святитель говорит, что физическая невозможность совершать жертвы по Моисееву закону является яснейшим указанием Божиим, что соблюдение Ветхого Завета после заключения Нового уже не уместно Ему: «Как врач отводит больного от его неразумного требования, разбивая сосуд; так и Бог отклонил (иудеев) от жертв, разрушив самый город и сделав его для всех недоступным» (*Свт. Иоанн Златоуст: Пять слов против иудеев*).

Прп. Никита Стифат: «Бог возненавидел и отверг и служение иудеев, и субботы их, и праздники» (Слово к иудеям).

Св. Иустин Философ в разговоре с Трифоном упоминает о действии Духа Святого в истории Израиля: «Дух, действовавший в пророках, помазывал и поставлял вам царей» (Триф. 52). Говоря о действии Духа Святого в ветхозаветные времена, св. Иустин утверждает, что силы Святого Духа перестали действовать у иудеев с приходом Христа (Триф. 87). Он указывает, что после пришествия Христа уже больше не было у них ни одного пророка. Вместе с тем

св. Иустин подчеркивает продолжение ветхозаветных действий Святого Духа в новозаветной Церкви: «К нам перешло то, что прежде существовало в вашем народе» (Триф. 82); так что «можно видеть среди нас и женщин и мужчин, имеющих дары от Духа Божия» (Триф. 88); «этому научил нас Святой Дух пророчественный» (1 Ап. 44). И вообще христианство — «это учение, которое исполнено Св. Духа и изобилует силою и благодатью» (Триф. 8). Синагога и Церковь — это «два дома Иакова — один, рожденный от крови и плоти, другой — от веры и Духа» (Триф. 135).

Иудеи и конец мира

Согласно Святым Отцам, иудеям отведена одна из ключевых ролей во времена последнего отступничества и пришествия антихриста.

Прп. Иоанн Дамаскин: «Иудеи не приняли Господа Иисуса Христа, истинного Сына Божия и Бога, а примут обманщика, который сам себя назовет богом».

Свт. Ипполит Римский: «Итак, когда Христа провозгласило писание львом и скимном Львовым, то подобное сказано и об антихристе. Моисей говорит так: *«Дан, скимен львов, и изскочит от Васана»* (Втор. 33, 22). Но дабы кто не погрешил, думая, что это слово сказано о Спасителе, пусть обратит на него внимание. *Дан*, говорит, *скимен львов*; назвав колено Даново, объявляет, что из него имеет родиться антихрист. Ибо как от колена Иудова рождается Христос, так от колена Данова родится антихрист. А что это так, Иаков говорит: *«Да будет Дан змий, на земли седяй, угрызая пяту конску»* (Быт. 49, 17).

Какой же это змий, как не антихрист, обольститель, о котором говорится в книге Бытия (3, 1), обольстивший Еву и запнувший Адама?» «Он призовет к себе весь народ иудейский от всех стран, в которых он рассеян, усвоив их себе как собственных чад, обещая им возвратить их землю и восстановить их царство и народ, дабы они поклонились ему как богу; как говорит пророк: „Соберет все царство свое от востока солнца до запада; те, коих звал и коих не звал, пойдут с ним“».

Свт. Кирилл Иерусалимский говорит, что антихрист «ложно наименоует себя Христом и сим наименованием обольстит иудеев, ожидающих мессию, а тех, которые из язычников, привлечет волшебными мечтами». «Антихрист придет к иудеям, как Христос, и от иудеев восхощет поклонения, то, чтобы более обольстить их, покажет великое усердие ко храму, внушая о себе ту мысль, что он от рода Давидова, и что ему должно создать храм, сооруженный Соломоном. Придет же он, когда в Иудейском храме не останется камня на камне, по определению Спасителя (Мф. 24, 2)». (Стена плача).

Прп. Ефрем Сирий: «Всего более воздадут честь и обрадуются царствованию его народ-убийца — иудеи. Посему и он как бы из предпочтения, помышляя о них, укажет всем им место и храм».

Свт. Иоанн Златоуст утверждает, что храм никогда не будет построен: «Ибо, если бы они и имели надежду опять получить свой город, возвратиться к прежнему устройству и видеть свой храм восстановленным, чего, впрочем, никогда не будет, то и в таком случае не могли бы ничем оправдать того, что теперь делают» (Пять слов против иудеев).

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Максимов Ю.В. ИСЛАМ

1. Доисламская Аравия — религиозный, культурный, политический фон	5
2. Мухаммед	15
3. Коран	37
4. Сунна	43
5. Исламская догматика (акида)	47
6. Исламский ритуал («столпы ислама»)	59
7. Исламский закон (шариат)	67
8. Течения и секты в исламе	75
9. Исламский мистицизм (суфизм)	84
10. Христианство и ислам	98
Приложение 1: Одному ли Богу поклоняются христиане и мусульмане?	111
Приложение 2: Представление о грехе в христианстве и исламе	126
Приложение 3: О причинах быстрого распространения ислама	137
Приложение 4: Святые Отцы об исламе	142

Смоляр К.В. БУДДИЗМ

1. Предпосылки возникновения и ареал распространения	163
2. Будда	165
3. Основные черты буддийского учения	173
4. Сангха	194
5. Хинаяна и махаяна	199
5. Тантрический буддизм (Ваджраяна)	211
6. Буддизм в Тибете	220
7. Буддизм Китая и Дальневосточный буддизм	227
8. Христианство и буддизм	236
<i>Приложение 5: Святые Отцы о буддизме</i>	<i>243</i>

Максимов Ю.В. ИУДАИЗМ

1. Ветхозаветный иудаизм	253
2. Новоиудейство	263
3. Талмуд	265
4. Иудейский ритуал	268
5. Особенности вероучения	275
6. Течения в позднем иудаизме	278
7. Иудейский мистицизм (каббала)	285
8. Христианство и поздний иудаизм	289
<i>Приложение 6: Святые Отцы о позднем иудаизме</i>	<i>294</i>

Впервые после октябрьской революции читателю предлагается религиозоведческий труд, посвященный православному осмыслению трех мировых религий — ислама, буддизма и иудаизма.

Книга написана на хорошем научном уровне, снабжена серьезным богословским анализом предлагаемых к рассмотрению учений. Каждый раздел книги содержит главу о соотношении той или иной религии с христианством, а также подборку святоотеческих высказываний о ней.

Ю.В. Максимов — один из авторов, является преподавателем религиозоведения Московской Духовной академии. Данная работа будет полезна студентам духовных школ, высших учебных заведений и всем интересующимся православным отношением к нехристианским конфессиям.